

КУРСКИЙ КРАЙ

Научно-исторический журнал № 11-12 (74-75)

Серия
«Энциклопедия курских сел и деревень»

Ю. В. Дегтярев

ЛЕТОПИСЬ ПОЛЯНСКОЙ ОКРУГИ

*(села Полянского и других сёл и
деревень в современных границах
муниципального образования
«Полянский сельсовет»
Курского района Курской области)*

Издание
Курского областного научного краеведческого общества

Курск - 2005

ББК 63.3 (2Р-4 Курс)
К 93

Курский край: Науч.-ист. журнал. № 11-12 (74-75). Серия «Энциклопедия курских сел и деревень» / Курское обл. краевед. общество. - Курск, 2005. - 100 с.

Главный редактор:
Ю.А. Бугров, канд. ист. наук

Редколлегия:
канд. ист. наук, доцент В.В. Коровин; М.С. Лагутич;
канд. ист. наук, канд. мед. наук А.Н. Манжосов;
канд. ист. наук В.В. Потапов;
доктор ист. наук, профессор К.В. Яценко

*Выпуск осуществлен при финансовой поддержке
уроженца с.Пименово (с.Орехово)
Старикова Евгения Ивановича,
которому небезразлично прошлое,
настоящее и будущее его малой Родины.*

© Курское областное научное краеведческое общество, 2005 г.
© Ю.В. Дегтярев, 2005 г.

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дорогой читатель!

Этот номер журнала посвящен истории древней курской земли, ее малой частичке, а именно селу Полянскому и его округе. Автор этой работы Юрий Владимирович Дегтярев скрупулезно изучил многочисленные архивные материалы и поведал нам о том, насколько интересна малая Родина.

А именно с Малой Родины начинается Большая Россия.

Мы должны помнить свою малую обитель, место рождения свое, своих родителей и других более дальних пращуров, ибо без памяти не существует нации, не существует и Человечества.

Я уверен, что труд Дегтярева Ю.В. будет востребован не только его земляками, но так же историками, краеведами, всеми теми, кто помнит и любит историю предков.

Гавриил Державин писал: «И дым Отечества нам сладок и приятен».

Будем помнить!

Главный редактор
Ю.А. Бугров,
кандидат исторических наук,
заслуженный работник культуры РФ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТНЯТОЕ У ЗАБВЕНИЯ

*Порой мы задумываемся:
- Почему именно так, а не иначе,
как хотелось бы, устроена
теперешняя наша жизнь?
- Почему мы такие?...*

*Ответы на эти и другие подобные им вопросы,
можно получить, внимательно изучив наше прошлое.*

*Вот и попытаемся повнимательнее всмотреться в
прошлое...*

Всё нижеследующее повествование составлено на основании документальных материалов, сведений почерпнутых из печатных изданий разных времён и по многочисленным свидетельствам и воспоминаниям местных жителей.

Дегтярёв Ю.В., житель с. Полянского с 1989 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Память жива, но долгое время может быть бесплодной и от того казаться бессмысленным грузом, непонятным посланием навсегда ушедших времен, если не осознана она как сокровище».

(Д.М. Меркулов, «Русь многоликая»)

«Сердце свое слушай...».

(С.И. Шмелев, «Неупиваемая чаша»)

Есть много интересного и поучительного в прошлом наших деревень и сел, обыкновенных, серых, на первый взгляд часто ничем не примечательных. То, что на шустром Западе непременно бы превратили в достопримечательность, а может, и национальную гордость, для нас порой обыденная, пустая никчемность. Да и привыкли мы к тому, что все интересное там - в многолюдных больших городах, а села и деревни наши в большинстве своем несуразны и пусты. Лишь природный ландшафт с буйной растительностью скрашивает всеобщую их ветхость, бедность, забитость, и интересного там ничего быть не может, разве что вместительная сумка, в очередной выходной затаренная свежими съестными продуктами.

Забота же о сохранении, к примеру, хотя бы исторического центра села в лучшем случае вызовет добрую усмешку или сведется ко вздоху соучастливого сожаления, с одновременным указанием на более важные насущные дела. Из активных действий любимейшее у нас - беспомощное разведение руками с сопутствующим глубоким вздохом.

ИЗ САМОГО ДАВНЕГО

Так, или почти так все было, да не будет судьей строгим читающий повествование это.

В пятнадцати километрах к западу от г. Курска есть, еще живет Божией милостью, старинное с. Полянское. Да, именно старинное, потому как не один век стоит оно на левобережном взгорке - крутояре Курицы-речки. Это, пожалуй, единственное в нижнем течении возвышенное место по левому берегу, по правому довольно, сколь пожелаете, а по левому больше не сыскать.

В северной, более отлогой части взгорка, словно в жирной запятой, большая, почти округлая поляна, метров 300 в диаметре. Это начало, зародыш села, от этого места оно, по-видимому, и повелось в стародавние времена. Возможно, поэтому и прозвано оно Полянским. По В.Далю, поляна - это «равнина, поле без посева, окруженное лесом или иным чем». Рассматриваемая нами поляна лет 400 тому назад и была таковой; с запада она бережно огибалась речкой Курицей (здесь и далее имеется ввиду р. Большая Курица), с юго-востока и востока ее окружал лес, большой лес, простиравшийся на юг до поймы реки Сейм, на восток до курского Глинища и далее смыкавшийся с правобережным лесом по реке Кур.

Однако имеет право на жизнь и другая версия возникновения названия села. У историка и археолога Ю.А.Липкинга есть своя трактовка подобного названия лога на реке Псёл, где он занимался поисками летописного города Римова. Там «...в курганах найдены были украшения и северянские, и вятические, и других групп славянских племен. А одной из таких групп была полянская. Поляне жили близ самого Киева. Видимо, и из полян были здесь военные поселения. Вот и назван по ним лог Полянским».

В древности Курск с Киевом соединял Окско-Сеймский водный торговый путь. Он основной и, пожалуй, единственный позволял из Днепра по Десне, Сейму и Свапе выходить через Самодуровское озеро в Оку, а уже по ней в Волгу. Река же Сейм протекает в 10 км к югу от села Полянского. Но в те далекие времена между Киевом и Курском были и сухопутные торные дороги. От Киева они имели вначале направление на Чернигов, затем, минуя его, разделялись на два рукава; первая, восточная ветвь смыкалась со старой Севской дорогой, другая шла на юго-восток и далее вдоль правого берега реки Сейм через Путивль, Рыльск, Ольгов (Льгов) вплоть до самого Курска.

Так вот, обе эти дороги проходили у северной и южной окраин села Полянского и в 3 км к востоку от него, за д. Касторной, сливались в единую. Поэтому поляне из-под г. Киева в этих местах вполне могли оказаться, и даже основать свое население. По крайней мере, высока вероятность опосредованного их влияния, то есть через потомков, получавших фамилию «Полянский».

В конце 17-го века в Курицком стане проживало немало служилого, в основном сословного люда с фамилией Полянский, в том числе в непосредственной близости от села; и в наше время эта фамилия жива в соседней деревне

Жилияево. И хотя непосредственная связь их с селом Полянским в те далекие времена не обнаруживается документально, все же эта версия возникновения названия села кажется более вероятной еще и потому, что во всех письменных источниках, начиная с самых ранних, село упоминается как «Полянское», и нет ни одного документа с названием «Поляна». Так что по Полянским и окрестили поселение.

А примечены людьми были места эти, и жили они здесь издавна. Археологических изысканий и раскопок в самом селе не проводилось; видимо, одна из причин тому - большая плотность застройки и высокая распаханность окрестных земель. К тому же сколько еще в России неизученных деревень и сел, терпеливо ожидающих своей очереди.

Однако ближайшим соседям с. Полянского, деревням Жеребцово и Нартово, в этом отношении повезло больше - археологи уделили им частичку своего драгоценного внимания. У южной окраины д.Жеребцово и далее, вплоть до места впадения р.Курицы в р.Сейм, ими найдено девять поселений с культурными слоями эпохи бронзы, одна стоянка периода неолита, одно селище с культурным слоем IX-XIII в.в. нашей эры. В первых девяти поселениях обнаружены и культурные слои XI-XIII и XIV-XVII веков. Близ д.Нартово, что в полутора километрах от Полянского, в 1969 г. работала археологическая экспедиция, изучавшая городище V-III вв. до н. э. Находки из раскопок этого городища выставлены в музее археологии Курской области.

Еще в XIX и даже в первой трети XX веков в ближайшей округе с.Полянского было много курганных захоронений. В работе В.П.Каншина «Археологические памятники в области реки Большой Курицы», опубликованной в 1911 г. в трудах Курской губернской ученой архивной комиссии, содержатся такие сведения: «Курганные насыпи встречаются у деревни Лукино (большой курган) на правом высоком берегу реки Большой Курицы и у деревень Косиново, Полянской и Жеребцово по левой стороне реки (все распаханы, кроме кургана у Лукино». Житель южной окраины с.Полянского (хутор Крестище) Перверзев Н.И. вспоминал, что в 50-е годы XX века в его огородах был большой курган, землю с которого он и его соседи использовали для засыпки подпольного пространства при постройке новых изб.

В громкие времена губернаторства А.В.Руцкого была издана книга о кладах, найденных когда-либо на территории Курской области. В ней среди многих сообщений заинтересовало одно очень краткое под № 144 - о кладе, обнаруженном в 1960-е годы у южной окраины д. Жеребцово, на территории археологического поселения № 7. В нем со ссылкой на археолога А.В.Кашкина и архив комитета по делам культуры при администрации Курской области отмечалось буквально следующее: «По рассказам местных жителей, на территории поселения древнерусского времени был найден сосуд с серебряными дирхемами. Дальнейшая судьба клада неизвестна».

Эти три строчки заинтриговали, и в дальнейшем удалось найти человека, воочию видевшего этот клад. Им оказался житель д.Жеребцово, подтвердивший, что действительно в конце 60-х годов, будучи еще ребенком, он часто с прочей деревенской детворой играл на песчаном карьере, и в один из таких

Курский край. № 11-12 (74-75)

дней при погрузке песка экскаватором из-под его ковша неожиданно буквально выпал этот самый клад. Причем сосудов было два, а не один, как отмечается в сообщении; на мой вопрос о размерах этих сосудов он руками показал высоту в пределах 25-30 см. Горловины сосудов были запечатаны веществом, внешне очень похожим на воск. При падении у одного из них часть этого воскообразного вещества откололась, и из его утробы высыпалось много крупных серых монет.

Всю находку забрали ребята старшего возраста и в дальнейшем, по словам этого жителя, отвезли в Курский областной краеведческий музей. За это им вроде бы выдали годовые билеты бесплатного посещения музея. Однако когда я, с великой надеждой наконец-то своими глазами увидеть этот клад, обратился в музей, ответственный сотрудник ответил мне, что такового в музейных фондах нет, и не было. В чьи же руки попал этот удивительный как по объему, так и научному содержанию клад? Ответ на этот вопрос, видимо, навсегда останется тайной. Арабские дирхемы этого клада могли бы о многом рассказать, попали они действительно в руки настоящих ученых. В самом начале XX века известный исследователь прошлого нашего края Н.И.Златоверхвников писал: «Нахождение монет в известной местности дает основание предполагать, что жители ее находились в сношениях с теми нациями, кои чеканили эти монеты».

Другому, правда, уже более позднему по происхождению кладу повезло: его обнаружил не алчный, рассудительный и достаточно образованный по деревенским меркам крестьянин, житель деревни Тутово - Бартеньев Иван Васильевич. В округе он слыл хорошим сапожником и портным, воевал ещё в 1-ю Мировую войну, имел богатый жизненный опыт.

Ранней осенью 1956 года Иван Васильевич задумал вырыть на своей усадьбе, не далеко от избы яму для хранения кормовой свеклы. На полуметровой глубине он наткнулся на старинный глиняный сосуд шарообразной формы с невысоким узким горлышком, закрытым пробкой (высота сосуда - 9,5 см.). Внутри его оказались монеты неправильной формы диаметром менее сантиметра каждая. Свою неожиданную находку Иван Васильевич вскорости отвёз и передал в Курский краеведческий музей, в экспозиции которого она выставлена и поныне (№ 2896). Всего было найдено 584 серебряных русских монет конца 16 - начала 18 вв., в том числе: Борис Годунов - копейка, 1 экземпляр; Василий Шуйский - копейка, 2 экземпляра; Михаил Фёдорович Романов - копейка, Москва, 339 экземпляров. 27 копеек конца 17 начала 18 веков не определены из-за плохой сохранности.

Как отмечал заведующий отделом дореволюционного прошлого Курского музея В.Самсонов: «Клад представляет большой интерес как историческое свидетельство о тех временах, когда по Курскому Краю проходила оборонительная черта для защиты Руси от набегов крымских татар ..., владелец этого клада, может быть, зарыл своё достояние в землю, уходя в поход, но уже не вернулся домой».

Но оставим клад в покое и, не забегая вперёд, вернёмся к нашему повествованию.

Итак, на сегодняшний день достоверно установлено наличие старинных и даже очень древних поселений в непосредственной близости от южных и северных окраин с. Полянского (ниже и выше по течению р. Курицы). Следовательно, можно предположить, что и территория самого села в те далекие времена тоже была обжитой.

Начиная с IX века н. э. эти места основательно обживаются славянами, а в дальнейшем, уже к началу рокового XIII века, становятся землями «великого княжества Курского». Потому нужно заметить, что причиной зарождения и роста уже славянских поселений на берегах р. Курицы являлись не только прекрасные природные условия, привлекавшие обилием дичи и рыбы, плодородием нетронутых земель, но и в дальнейшем близость их к местным экономическим, политическим и военным центрам того времени: древним городам Курску и Липовическу (ныне городище близ д. Липино Октябрьского района). Оба этих древних славянских города находились от с. Полянского на расстоянии полутора, двухчасового конного перехода.

Как уже отмечалось ранее, у восточных окраин села прежде проходили важные торные дороги из г. Курска по направлениям на запад и северо-запад. Первая из них проходила от Курска через современные деревни Мокву, Жеребцово, с переправой по мосту у этой же деревни, и далее по северным окраинам с. Пименово, д. Ванино, с. Долженково, затем по правобережью р. Сейм на Льгов и Рыльск, с дальнейшим выходом на города Путивль и Чернигов. Единственной значимой водной преградой на этом пути была р. Свапа, впадающая в р. Сейм уже за Льговом. Для ее преодоления существовал водный перевоз.

Вторая дорога позволяла преодолевать р. Свапу в среднем течении. От северо-восточных окраин с. Полянского она проходила через современные деревни Анпилогово, Лукино, село Жердево, дальше по направлению на село Городьково (самую малость юго-западнее теперешнего г. Дмитриева) на древние города Севск, Трубчевск, Переяславль, опять же на Чернигов, с выходом на Смоленскую дорогу. Старая Севская дорога довольно часто упоминается в документах XVIII века, например в описании населенных пунктов по результатам 4-й ревизии (1762 г.). В этот период обе дороги были еще довольно значимыми для Курска; в дальнейшем, утратив свое прежнее значение, они стали проселочными. Однако и к концу XIX века старые дороги на Льгов и Севск еще вызывали у губернских и уездных властей практический интерес. Так, в 1881 г. Курская уездная управа «...полагала бы не излишним из существующих проселочных в Курском уезде дорог перевести в разряд транспортных» именно эти дороги. Пятнадцать лет спустя (в 1896 г.) очередное земское уездное собрание обращает внимание на мнение уездной управы о необходимости «отнести к содержанию на счет специального капитала» опять же эти дороги, «...служащие подъездными путями к г. Курску и станциям: Курск город и Курск в слободе Ямской». Льговский большак был хорошо известен и в начале XX века. О былой же Севской дороге в наше время у местных жителей и помину нет.

Меняются времена, меняются и пути-дороги людские. Очевидно одно: в пору молодости своей не было с. Полянского в стороне от мира всего, и, наверное, не редкостью было видеть здесь как одиноко бредущих путников, так и Курский край. № 11-12 (74-75)

войсковые отряды и колонны алчных завоевателей; как барина-помещика в богатом экипаже, так и ямщика, спешащего к месту назначения. Да и урочище близ д.Касторной, у которой сближались обе дороги, возможно, потому именуется Ямным, что прежде было здесь селение, «коего крестьяне отправляют на месте почтовую службу, и где для этого станция, стан» (В.Даль: «ямь, ямщик, ямный, ямочный, ямская»).

Во времена татаро-монгольского лихолетья, начиная с разорения весной 1238 года Курска, а затем и окончательного опустошения в 1285 году баскаком Ахматом всей Курской земли, обезлюдели берега сероглазой р. Курицы, одичали; замерла на долгие годы здесь жизнь. Только воровские шайки кочевников да удалые охотники устоявшего Рыльска посещали их. «Страна Курская разорением от татар пришед в конечное запустение, заросла лесами, изобильна быв птицами и зверьми...». А ведь когда-то сам Владимир Мономах, властно правивший в Чернигове, отправил княжить в эти земли своего второго сына Изяслава, и Курск в тот период являлся вторым городом северским после Чернигова.

В 30 км к Западу от с.Полянского проходила ветвь татарского шляха, так называемой «свиной дороги» с переправой через р.Сейм у с.Никольского (п.Дичня, Курчатовский район). Были хорошо знакомы татарам и Черниченские броды с выходом на правобережье Сейма чуть западнее д. Жеребцово и немного восточнее ее, у д.Духовец. Потому постоянно рыскали в этих местах отдельные их отряды в поисках «ясыря» и другой поживы.

В XIV веке Курский край был захвачен Литвой, и только в 1508 году по мирному договору она на некоторый период отказалась от притязаний на эти земли, но их по-прежнему продолжали терзать кочевники. «Кровь лилась рекой, истреблялись беспощадно жизни человеческие... Тяжесть и множественность общественных бедствий, постигавших русскую землю, поразительна». По свидетельствам летописцев, только за период с 1228 г. по 1462 г. было 232 военных опустошения, больше двух десятков массовых моров, большое количество «голодов во всей русской земле». «Бедствия тяготели над Русью». Не миновала горькая чаша сия и земли теперешнего с. Полянского и ближайшей его округи. Но настойчив и упрям в жизнеутверждающей силе своей русский человек, и так уж повелось, что тяготы и лишения побуждают его к решительному действию.

В 1597 г. по указу царя Федора Иоанновича восстанавливается на прежнем месте Курская крепость, то есть ровно через 360 лет «от первого и начального разорения ее Батыем». Населяли новую крепость и уезд «переведенцами из Мценска и Орла и добровольно приходящими из других городов».

Поэтому с полной уверенностью можно сказать, что первыми пришли вновь обживать окрестности с.Полянского в конце XVI - начале XVII веков служилые люди. В 1571 году приговором Боярской думы охочие люди всех сословий, выразившие готовность вступить на службу по охранению окраин, признавались и причислялись к низшим служивым людям. Это так называемые служилые люди «по прибору»: стрельцы, пушкари, затынщики, казаки и др. Основная, большая часть этого народа за свою службу вместо хлебного и денежного жалования получала землю, но земли эти отмежевывались на праве

общинного пользования, без документов на владение землей отдельными лицами. Правда, среди них была и более состоятельная часть, владевшая личными земельными участками, но таких было мало.

Именно служилыми людьми по «прибору» основаны в ближайших окрестностях с. Полянского деревни Хардиково, Тутово, Жилыево, Анпилогово, Катунино, Чертово, Колпаково, Фролово (последние четыре в XX веке перестали существовать как самостоятельные административные единицы). Это так называемые однодворческие деревни. Названия их - своего рода памятник основателям - первопоселенцам, тем первым Хардиковым, Тутовым, Жилевым, Катуниним и другим, почти 400 лет тому назад пришедшим на жительство в эти места. За ними потянулся просто разный отчаянный, рискованный люд. И растянулось повторное освоение этих земель аж на все семнадцатое столетие. Этим новопоселенцам приходилось не только выполнять свои прямые ратные обязанности, но и кормить свои семьи крестьянским трудом с наделенной земли, промышленностью охотой и рыбной ловлей, орудовать плотницким топором. И со всем этим они хорошо справлялись. Со временем подавляющая их часть полностью окрестянилась. Часть деревень по причине беспрестанных войн и «морowych поветрий» вновь обезлюдела и в дальнейшем обживалась заново другими, часть со временем переходила в разряд собственных, вотчинных (в силу роста и укрепления крепостного права).

Вторжения польско-литовских завоевателей, воровских черкас, почти ежегодные набеги крымчаков не давали вести спокойную, мирную жизнь, не позволяли основательно и сразу обустроиваться. Особенно нагло вели себя татары в период так называемого Смутного времени. Воспользовавшись общей неразберихой в стране, они с удвоенной силой возобновили свои опустошительные набеги. В 1611 г. крымчаки разоряют Коренную пустынь, грабят деревни и села Курского уезда, угоняют в неволю тысячи людей. Летом 1613 г. окрестности Курска «грабили татары во главе с Ханмурзой и Ешмурзой»; зимой 1614-1615 гг. действовали загоны Больших Ногаев.

В 1613 г., в первые месяцы царствования Михаила Федоровича, Курская крепость осаждается польско - казацким войском, и опять разграбляются и разоряются уездные селения, в том числе и окрестности с.Полянского, потому как двигалось войско это на Курск старой Севской дорогой.

В 1616 г. начинается новая война с Польско-Литовским государством, и уже в начале 1617 г. на Курск вновь движется войско «литовских людей». Передовой их отряд был встречен в 10 км к востоку от с.Полянского, на берегах р. Моквы. Здесь произошло сражение, и куряне под командованием стрелецкого головы Левонтия Жердина сумели нанести врагу поражение.

И так из года в год, практически не единого года на передышку. Войны эти были необычайно изнурительны и сопровождались страшным разорением. В те годы существовал даже особый термин: «выбрать деревню» то есть угнать из нее в полон всех жителей.

В 40-х годах XVII века наступил критический момент, по всему Курскому краю полыхали пожарища и гремели битвы. Среди них сохранилось сообщение «о жарких схватках» 1645 года в ближайших окрестностях с. Полянского. Слух - Курский край. № 11-12 (74-75)

жилые люди под руководством князя Семена Пожарского «...бились с ногайцами у деревень Сныхиной, Костиной, Жеребцовой».

Только с завершением к середине XVII века строительства третьего оборонительного рубежа - 800 километровой Белгородской черты - татарские сакмы и шляхи были перекрыты, и это позволило жителям Курского уезда перевести дыхание и приступить к восстановлению разрушенного и утраченного. Теперь от набегов кочевников продолжала страдать южная часть тогдашнего Курского края, в уезд же скрытно пробирались только отдельные мелкие отряды и группы.

«Видех-же к тому на разных там местцах много костей человеческих, сухих и нагих, тилько неба покров себе имущих, и рекох в уме: кто суть сия?» - это свидетельство очевидца тех кровавых времен.

Человек всегда был Человеком, что бы там не говорили досужие умы о его жестокости и дикости в прежние времена. Наступал момент, и в душе его сквозь толстый слой коррозии из зла, ненависти и отчаяния пробивался ослепительным блеском потаенный лучик из его скорби и сострадания к ближним, надежды на лучшие дни; этим он жив, этим он Человек. Откладывал тогда в сторону он оружие свое «и рекох в уме: кто суть сия?».

Кроме служилых людей «по прибору» - низшего разряда служилых людей, была меньшая, но более привилегированная категория - служилые люди «по отечеству». Они получали, в зависимости от чина и выполнения служебных обязанностей, не только денежные, но и земельные оклады, в дальнейшем многие из них становились землевладельцами-феодалами. Эта категория служилых людей и породила основную массу дворянства российского. Но земельные оклады служилым «по отечеству» в XVI-XVII вв. поступали в бессрочное вотчинное пользование нечасто; при определенных обстоятельствах, например, при прекращении службы и отсутствии замены среди близких родственников, эти наделы (поместья) вместе с крепостными и их имуществом могли перейти к другому.

Так в самом начале XVII века часть земель в нижнем течении р.Курицы принадлежала Семену Ивановичу Жеребцову - воеводе Курскому с 1619 по 1623 гг. в те времена долго находиться «при больших должностях» не позволялось - выражаясь современным языком, шла постоянная ротация кадров. И Жеребцов, получив новое назначение, покинул курские края; поместья же его перешли к другому и, став уже вотчинными, не раз меняли своих хозяев, однако одна из деревень того воеводы курского до наших дней именуется Жеребцовой. На протяжении почти четырех столетий возникало по крайней мере две попытки изменить название этой деревни, а именно, была она какое-то время Бакшеевой и почти 100 лет Петровской, но неизменно сопутствовало дополнение - Жеребцово тож. И по какой-то, судьбе одной и Богу ведомой причине, до наших дней дожило именно воеводское. Разрядная роспись за 1621 год, в бытность воеводой С.И.Жеребцова, определила размеры сторожевой службы по линии, составляющей в дальнейшем территорию курского уезда. Согласно этой росписи, из Курска высылались люди на 25 сторож, восьмой по счету среди них была сторожа в «усть Курицы», что в 2-2,5 км от д.Жеребцово.

Служилым «по отечеству» обязаны своими названиями расположенные к северу и к северо-западу от с.Полянского деревни: Нартово (прежде Даманово), Большое Лукино (прежде слободка Лукино), Малое Лукино (Трикино тож), с.Жердево, а к востоку - д.Касторная, то есть владели этими селениями Нартовы, Дамановы, Лукины, Жердевы, Касторные.

Согласно сохранившимся выпискам из писцовых книг за 1624, 1625 и 1626 гг., за братьями Леонтием и Сергеем Жердевыми числились поместья при д.Жердево, а также деревнях Козициной, Старковой и Лукиной Курского уезда. Один из братьев - тот самый, выше уже упомянутый, отважный стрелецкий голова «Левонтий Жердин», разгромивший передовой отряд «литовских людей» на берегах р.Маквы в 1617 г. В 20-30 гг. XVII века в д.Жердево строится церковь в память святого великомученика Дмитрия Солунского мироточивого, и деревня становится селом. Причем в писцовых книгах «церковь и погост в селе Жердеве значатся на земле Государя и Великого князя Михаила Федоровича», то есть первого царя из династии Романовых (период правления 1613-1645 гг.), и посему выходит, что село Жердево - самое старинное из сел ближайшей округи с.Полянского. Видимо, не случаен выбор святого, в память которого был построен храм. Имя святого Дмитрия Солунского издревле связывалось на Руси с воинским подвигом, патриотизмом и защитой Отечества. Святой изображается на иконах в воинских доспехах, с копьем и мечом в руках.

Другим служилым «по отечеству», получившим земли при с.Жердеве в XVII веке, был Полуэкт Борисович Овсянников. В 1681 году он записан на службу «по Курскому выбору» с назначенным поместным окладом «в 800 четвертей и денег 40 рублей». В этом же году он получает грамоту «на владение в с.Гнездилове, с.Жердеве и д.Лукиной со всеми живущими на тех землях крестьянами». В разборных книгах за 1687 год отмечено, что Полуэкт Овсянников «служил в разных чинах около 50 лет, а ныне служит за полками и записан по выбору ... поместья за ним в разных станах 110 четвертей, у него дети Прохор и Емельян; четыре двора крестьянских; на службе ему быть на коне при ружье, сагайдаке да сабле».

В 1695 году сын его Прохор «объявил, что отец его умер в Запорогах», и чтобы не лишиться отцовских поместий, объяснялся, дескать, «он остался малолетним и сколько за отцом числилось поместья в Курском уезде, не помнит, ему теперь 12 лет». В ответ было «приказано быть в полковой сотенной службе, но по малолетству дана отсрочка на 3 года».

Младший брат Емельян был записан в недоросли. Переписная книга за 1710 год сообщает нам, что в этот год жила в с.Жердево «помещица вдова полуэктовская жена Овсянникова Наталья с дворовыми,... с улыи со пчелами» и крепостными крестьянами.

На примере П.Б.Овсянникова хорошо видно, что жизнь служилых «по отечеству» представляла собой беспрестанную воинскую службу, начиная с 15 лет (как его сын Прохор) и до преклонных лет, если до них посчастливилось кому доживать.

В 1762 году в период правления Екатерины II помещиком в с.Жердево был «Глуховского гарнизонного полку капрал Иван Прохоров сын Овсянников, Курский край. № 11-12 (74-75)

умершего в Запорожской Сече Полуэкта Борисова внук. И так из поколения в поколение служили они «по отечеству» в плоть до рокового XX века. Из года в год с.Жердево «на Малковом колодезе» крепло, множилось людьми и дворами крестьянскими. Не один раз перестраивалась и Дмитриевская церковь, последний раз ее обновили в 1843 году «тщанием прихожан, с помощью владельцев дворян», поставив опять же на прежнем месте «деревянную на каменном фундаменте». К началу XX века в с.Жердево было уже 44 двора крестьянских, в коих жило 329 душ жителей.

В Советские времена все круто поменялось. В мае 1939 года президиум Курского Облисполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов вынес решение о закрытии Дмитриевской церкви с.Жердево, и в начале 40 годов, перед самой войной, ее не стало - то ли по научению чьему, то ли по дурости чей-то она была сожжена.

В наши дни заштатное село Жердево - самый удаленный, прозванный за это в народе «Кубой», населенный пункт на административной территории Полянского сельского совета. Одичали окрестные поля, как во времена Батыя; в весенне-осеннюю распутицу, в дождливое лето и снежные зимы доступно село это разве что для тракторов и вездеходов. В одно из посещений села затеял я разговор со стариком, отдыхавшим на лавке подле своего дома. Поздоровавшись, спросил его: не помнит ли место, где стояла церковь? Не слышал ли чего о местных помещиках от родителей своих? Старик, не отрывая опертых на толстую орешниковую палку рук, с минуту молчал, потом, резко задрав кверху давно не бритый подбородок, громко заругался на всю сегодняшнюю бестолковую жизнь, начав с верховной власти и окончив своей бабкой, не к месту вышедшей со двора. Потом все же утих, успокоился, приподнялся с лавки и, указывая рукой в конец поляны, сказал:

- Вон, гляди, столб двойной, за ним заросли сирени, репьев и колюк. Вот там, где заросли, и стояла церковь наша. Там еще с боку у зарослей хата брошенная, соломой крытая. Вот туда гляди, там она была.

И помещика Овсянникова назвал, дескать, еще от родителей своих о нем слышал. И уже усаживаясь снова на лавку, как бы, между прочим, проговорил:

- Да вот они, напротив нас, липы две и каштан, это его, помещичьи, вон там выше был его дом, а вот тут внизу, слева от заброшенного колодца, где сейчас раkitник, тут у него была купальня.

Опять немного помолчав, добавил почему-то:

- У нас когда-то два колхоза в Жердевой было, на этой половине богатый, на той бедный.

И оглядывая это красивое, старинное село, его огромные, большей частью запущенные, яблоневые и вишневые сады (Жердево и Лукино славятся в Полянской округе большими садами и ягодниками), конечно, подумалось: неужели жизнь этого села подходит к завершению? Если да, то почему? Ведь даже в далекие беспокойные времена, люди, невзирая на все опасности, селились здесь, обустраивались, возводили церкви. Оказывается, и без войн и бедствий можно уничтожить и предать забвению создаваемое веками, вернуться к прошлому опустошению.

Кроме двух упомянутых выше помещиков, в с. Жердево были еще помещики из рода Жилияевых. В самом начале XVIII века жил там «полку Драгунского Иван Афанасьев сын Жилияев, у него бабка вдова Василиса 90 лет, у него Ивана три двора крестьянских, а именно Василия Евдокимова Титова - всего мужеска пола 9 душ, женска 7; Ивана Макарова сына Титова, мужеска пола 10 душ, женска - 8; Лариона Макарова сына Титова, мужеска пола 17 душ, женска - 11 душ». Крестьянская фамилия Титовых и в наши дни жива в с. Жердево.

В деревне Лукиной на рубеже XVII-XVIII вв. жили: «помещик полковой сотенной службы Петр Иванов сын Лукин 26 лет, у него жена Дарья 25 лет, дочь Евдокия..., брат Харитон 25 лет, у него жена Ульяна..., у них дочь Акулина 2 года, дочь Марья 3 года», были еще у него крестьяне и «заводы пчелиные»; «...помещик Антон Дементьев сын Лукин 50 лет, у него жена Федосья 40 лет, дети: Василий 25 лет, Федот..., Евдокия 21 год, Соломонида 17 лет», у него крепостных крестьян мужского пола 3 души, женского пола 8 душ, «у него пчельный завод один улей со пчёлами».

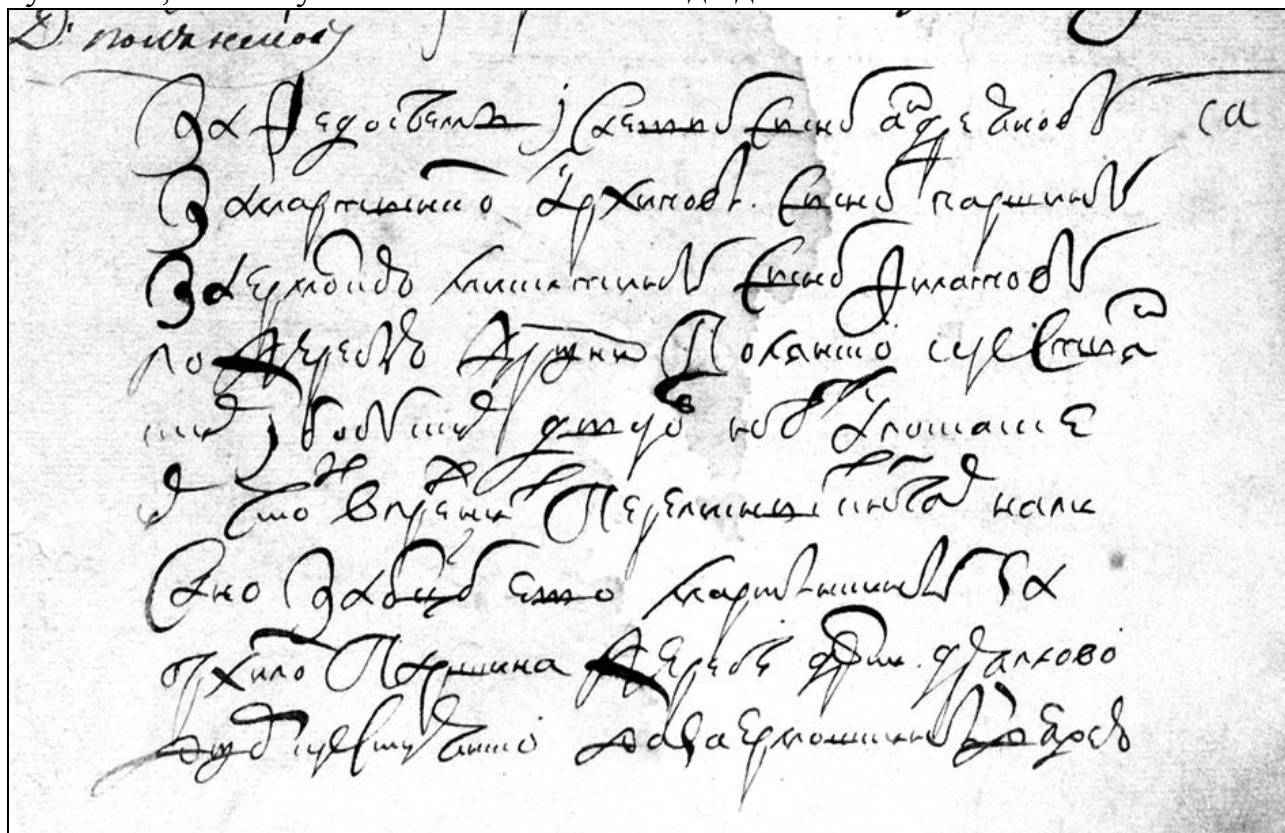
В слободке Лукиной, ныне деревня Большое Лукино, жили Степан и Дрон Лукины. У первого был сын подпоручик Михайла, получивший от отца в наследство 14 душ крепостных. У второго - Дрона Лукина, сын Николай, с 17 лет «бывший в походах» и в 31 год получивший звание корнета, и сын прапорщик Самсон. Николай получил от отца в наследство 6 душ крепостных крестьян, Самсон - 4 души.

Уже к концу XVIII века Лукиных в одноименных деревне и слободке было много, состояние они имели маленькое, у основной массы с годами оно существенно не прирастало, а только еще более дробилось при передаче в наследство детям. Потому большая часть из них перешла в разряд однодворцев уже во времена Петра I; другая, меньшая часть, сумела документально доказать свое дворянство и получила от дворянского депутатского собрания соответствующие грамоты.

Из Жилияевых, проживавших в деревнях Саморядово (Фролово тож), и Жилиевой, многие также носили дворянский титул, но подавляющая часть из них имела мизерное состояние, образом жизни и бытом они мало чем отличались от крестьян, разве что отсутствием крепостной зависимости - крепостных крестьян с фамилией Жилияевы (как, впрочем, и Лукины) в ближайшей округе села Полянского не было никогда. «Самым большим» среди этих Жилияевых в первой половине XVIII века был капитан Федор Иванов сын Жилияев. Этот дворянин с 1742 по 1762 гг. «в походах был», за ним и женой его числилось 30 крепостных душ.

Однако на рубеже XVII-XVIII вв. всех этих мелкопоместных дворян основательно потеснил другой дворянский род. Самыми крупными землевладельцами в описываемых местах становятся Анненковы. А началось все с Акима Михайлова сына Анненкова, получившего в 1688 году вотчину «поместье Курского уезда», в том числе д. Жеребцово. В дальнейшем «собираение» окрестных земель продолжили его сыновья: Семен, Леонтий, Василий и Герасим, коим он разделил в наследство Жеребцовское свое поместье. Преуспели же в этом деле потомки Герасима Акимовича. Уже к середине XVIII века представителям это-
Курский край. № 11-12 (74-75)

го рода, кроме д. Жеребцово, принадлежали земли и крестьяне деревень Саморядово, Нартово, Дряблово, Анпилогово, Касторная. Вошло в состав их вотчинных земель и село Полянское.

Запись о д. Полянской в переписной книге Курицкого стана за 1710 г.

Переписная книга 1710 года; почти трехсотлетняя, но по-прежнему достаточно прочная бумага, заковыристое фигурное письмо семнадцатого века с полным отсутствием знаков препинания, с пропуском отдельных букв и титлами поверх этих слов; цифры, несмотря на уже существующий Петров указ, еще писаны буквами. Открывая эту огромную книгу, погружаешься на 300 лет в прошлое. Вот нужный Курицкий стан, встречаются названия совсем близких деревень: Хардикова, Ольховая, на старом селище Тутова тож... И наконец искомое: «За Федосеем Исаевым сыном Андреяновым, за Мартынком Архиповым сыном Паршиным, за Ермолкой Микитиным сыном Филатовым по жеребью деревни Полянской (заметьте - не Поляны) крестьянских и бобылевских дворов... За Карпом Ивановым сыном Машкиным жеребье деревни Полянской, крестьянин Аврамка Логинов, у него сын Евдокимка, а по сказке ево, что в прежней переписи, написано за ним да за братом ево за Петром Машкиным два двора крестьянских...». Были крестьяне в этой деревне и за «Елисеем Федоровым сыном Осетровым... за Ларем Филатовым два же крестьянских двора и того другого двора... крестьяне один умре, другого убила татарова». Фраза «убила татарова» встречается и по другим деревням, в д.Анпиловой отмечается проживание «воинских людей». Значит, и в эти годы еще хаживали сюда раз-

В ревизских сказках первой ревизии 1719 г. по Курицкому стану находим уже не деревню, а село Полянское: «Села Полянского церква во имя Воскресения Христова, при этой церкви поп Иван Борисов сын 23 лет, у него отец Борис 53 лет, дьячок Федор Ильин сын 19 лет, у попа Ивана сын Михайла родился в этом году, у попа деловые люди, всего числится 5 душ».

Итак, в переписных книгах 1710 года - деревня Полянская, а в ревизских сказках 1-й ревизии за 1719 год - уже село Полянское; вот в этом десятилетнем промежутке и заключена дата рождения села Полянского, вернее сказать, дата преобразования деревни Полянской в село. Сразу возникает два вопроса: 1. Кто строитель церкви? 2. Почему она построена в деревне Полянской?

В описании Курского наместничества 1786 года прокурором верхней расправы Сергеем Ларионовым отмечено: «Село Полянское, церковь Воскресения Христова, каменная, строена в давних годах помещиком того села Иваном Петровичем Анненковым, поновлена же в 1783 году». И.П.Анненков родился в 1702 году; следовательно, в 1-ю ревизию, когда уже отмечается наличие церкви, ему было 17 лет. Поэтому фраза С.Ларионова «построена в давних годах помещиком того села И.П.Анненковым» вызывает некоторое удивление. Видимо, что-то особенное, из ряда вон выходящее, подтолкнуло еще совсем молодого помещика к строительству храма в д.Полянской. К тому же усадьба Анненковых была в д. Жеребцовой. Отец его, Петр Герасимович, умер рано, и помогать ему в этом деле мог только дедушка - Герасим Акимович.

Вероятнее всего, строился этот храм как кладбищенский, то есть с каких-то давних времен ровная поляна на взгорке по левому берегу р. Курицы служила местом захоронения, где могли быть могилы близких, родственников и дорогих Анненковым людей. Так, в XVIII и XIX вв. многие из представителей дворянского рода Анненковых нашли свое вечное пристанище в этой земле. До строительства церкви на этом месте, скорее всего, была деревянная часовня. А запись: «у попа деловые люди, всего числится 5» может говорить в пользу того, что в 1719 г. строительство церкви было еще не завершено.

В описании все того же С.Ларионова, к 1786 г. в селах Курского уезда было 38 церквей, из этого числа каменных только 4, и из этих четырех одна в с.Полянском.

Полное правильное название этого храма было таким: Церковь в память Обновления храма Воскресения Христова в Иерусалиме; Воскресение Славущее. Праздник этот установлен церковью с начала IV века н.э., со времен императора Константина Великого. Мать этого императора, Боговенчанная Елена, прибыв в Иерусалим, обрела Крест и Гроб Господен. На этом месте она воздвигла храм Воскресения Господня, который освящен был уже после ее смерти сыном, Константином Великим. На этом же месте, по словам Евангелия, был мысленный храм, который Иисус Христос создал в три дня и который, будучи осквернен жертвами идолопоклонников, в названное выше время обновлен. Православная церковь отмечает этот праздник 26 сентября (13 сентября ст. стиль). Для приходских же деревень Воскресенской церкви с.Полянского в этот день был престольный праздник. Прихожанами этой церкви были жители деревень Жеребцово, Саморядово, Жилиево, Нартово Дряблово, Анпилогово, Кас-

торная. Приход был одним из самых крупных в Курском уезде. В качестве сравнения можно отметить, что соседний к югу от с.Полянского приход Введенской церкви села Орехова (ныне с.Пименово) объединял жителей четырех деревень: Ванино, Пименово, Хардиково и Тутово, а к северу от с.Полянского приход Дмитриевской церкви с.Жердево - и вовсе жителей всего лишь одной деревни Лукиной.

После подновления, то есть к 1783 году, Воскресенская церковь с.Полянского была уже «о двух престолах, во имя первой: Обновления Храма Господня, второй - Пресвятыя Богородицы Корсунские. Два при ней двора священно и церковно служительских, в них 6 душ».

В первой четверти XVIII века начинает меняться крестьянское население села. Все большая часть окрестных земель переходит Анненковым. В мае 1756 года И.П.Анненков «учиняет сделку» на покупку земли «в деревне Ольховой в старом селище с городской стороны, что ныне село Воскресенское, Полянское тож, 3 чети...», то есть село прирастало землями с юга, за счет бывших левобережных земель д.Тутовой. Название же по храму «Воскресенское» встречается в сохранившихся документах довольно редко и как таковое не прижилось. Наоборот, часто в светских бумагах церковь именовалась Полянской.

Уже с начала XVIII века при церкви имелась «церковная писцовая земля». Отмежевана она была у восточных окраин села, и площадь ее в дальнейшем постоянно увеличивалась. Однако вплоть до конца XVIII века село Полянское было в основе своей храмовым селом, крестьян жило в нем очень мало.

В 1760 году посетила наши места и чудотворная Курская Коренная икона: «Июня 9 дня, приехав в Курск, подняли чудотворный образ Богоматери Знамения, и с оным пришли в Жеребцово». На другой день, 10 июня, был молебен, на котором присутствовали: игумен отец Гervасий, наместник Курского Богородицкого Знаменского монастыря, иеромонахи, иеродьяконы, монахи и певчие, по окончании которого, «проводя образ паки в Курск, там ночевали». Вот такое удивительное свидетельство о пребывании чудотворной иконы в д.Жеребцово почти 2,5 века назад. О причине же приноса ее в деревню можно только гадать, однако известно, что наместник Курского Знаменского монастыря отец Гervасий был И.П.Анненкову духовным отцом и вряд ли мог отказать ему в такой просьбе. К тому же Анненков был «известен собиранием сведений об обретении чудотворного образа Знамения Богородицы», и возможно, именно ему мы обязаны сохранением этих сведений. Строитель Воскресенской церкви с.Полянского делал дорогие подарки Знаменскому монастырю в г.Курске. Например, в числе памятников этого монастыря отмечен «ковчег серебряный, колончатый, изящной отделки. На задней стороне его надпись: сея гробница сооружена в Курской Знаменской монастырь коштом надворного советника И.П.Анненкова 1786 году, в ней весу 9 фу. 15 зол.». Передал он этому монастырю и часть своих городских земель.

Народ, живший в те давние времена, в подавляющей массе своей был православным, крещеным, а в православии родство по вере, по духу «есть важнее союза по телу». Потому церковь объединяла и спланивала всех - и богатых, и бедных, Курский край. № 11-12 (74-75)

все они по отношению к вере были едины. Невзирая на все бесконечные войны, «моровые поветрия» и другие беды, в первую голову и при первой возможности наши предки строили храмы, как например, в с. Жердево в царствование Михаила Федоровича, когда «вся страна на юг от Москвы была сожжена и представляла голую степь». Вера православная спасла Русь от полного разорения и уничтожения, малая частичка этого спасения была и в селе Полянском.

ХVIII ВЕК. ЛЮДИ И СУДЬБЫ

«Суета сует, - все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? Род проходит и род приходит, а земля пребывает веками».

(Ветхий Завет. Книга Экклесиаста, гл. 1, (2, 3, 4))

ДВОРЯНСКИЙ ПАРАЛИПОМЕНОН*

XVIII век для села Полянского - это век постоянной смены собственников. Уже в 30-х годах этого века из села исчезают те, кто, возможно, стоял у истоков его зарождения в начале XVII века как поселения. Село покидают мелкопоместные дворяне и прочий служилый люд: Машкины, Паршины, Осетровы, Филатовы, Андреяновы. Как уже отмечалось выше, в этой округе наступает эпоха Анненковых. В селе Полянском прочно обосновываются братья Василий и Герасим Акимовичи, скупают окрестные земли, расселяют своих крепостных. Последними «сдаются», видимо, Машкины. Особенно преуспевший в «собирании» окрестных земель И.П. Анненков, внук Герасима Анисимовича, в 1761 г. среди прочих купленных в Курском уезде земель упоминает и о «...в селе Воскресенском купленной у Василия Машкина 4 чети». Не посягают Анненковы разве что на церковную писцовую землю, то есть на все земли северо-восточной окраины села.

Дед упомянутых Василия и Герасима Акимовичей, Михаил Антипович, переселился из Орловского в Курский уезд вместе с родными братьями: старшим Иваном (казачий голова г. Курска в 1615 г. и проч., за ратные заслуги прозван защитником города) и младшими: Львом, Потапом (Дунай), Никитой (Никифор). В 1618 году им всем были даны поместья.

Ко второй половине XVIII века более других «окрестьянились» крепостными в селе Полянском Анненковы ветви - Василия Акимовича, Курского родового дворянина, помещика полковой службы, имевшего поместья в нескольких деревнях и селах Курского уезда, в том числе в соседних с селом Полянским деревнях Жеребцовой, Саморядовой, и писцовую землю в д. Кастор-

* У евреев: «летопись».

ной, что в 3-х км к востоку от села. Сын его, курский помещик Тимофей Васильевич, принявший часть наследства от отца и старшего брата Петра Васильевича, в свою очередь имел трех сыновей: майора Ивана, поручика Михаила и прапорщика Петра. После смерти отца в ноябре 1757 года все они получили наследство в с.Полянском. По результатам третьей ревизии, более всех крепостных было у Петра - 67 душ. Его сын Тимофей Петрович и родной брат Михаил Тимофеевич имели в селе свои дома: «...поручика Михайлы и капитана Тимофея Анненковых два деревянных дома, в коих они не живут».

В дальнейшем крестьяне в с.Полянском переходят уже правнукам Василия Акимовича: вышеупомянутому Тимофею Петровичу - 40 душ и его двоюродному брату Николаю Михайловичу - 19 душ, после смерти которого они передаются родному брату Николаю - Семену Михайловичу.

В 1795 году умирает Тимофей Петрович. К этому времени его крепостных в селе было всего 18 душ, по наследству они передаются родному брату - Матвею Петровичу; тот же, в свою очередь, к концу XVIII века не оставляет в с.Полянском ни одного своего крестьянина. Несколько лет жили в селе крестьяне (12 душ) Николая Ивановича, другого их двоюродного брата, но уже к 1795 году его крестьян там не стало.

В итоге этого наследственного дележа за период с 1782 по 1795 гг. из 49 душ крепостных, бывших в с.Полянском во владении помещиков Анненковых по Васильевой линии остается только 3 души - у статского советника Семена Михайловича. В дальнейшем потомки этой ветви оставляют село и его ближайшую округу и устремляются с усердием хозяйствовать в Дмитриевской и Фатежской округе.

Более удачливыми в своей стяжательной деятельности и в делах служебных оказались потомки Герасима Акимовича Анненкова. Сам он отмечен как помещик сотенной службы, «...курчанин; воевода в Богодухове (с 17.12.1684 г. по 19.12.1685 г.); собирал рекрутов в Белгороде (в 1708 г.)» и вообще был вояка, по видимому, немалый. Умер он в 1745 г.: «Января 28 числа дедушки Герасима Акимовича Анненкова не стало, по утру, во исходе 88 лета ево жизни. По объявлению его, родился он в 7165 году в марте месяце, итакo жития его было 87 лет 11 месяцев. Погребен февраля 4 дня в селе Полянском у приходской Воскресенской церкви Курским архимандритом Митрофаном Шеинковым, с прочими духовными персоны, причем присутствовало священников 30, диаконов 6».

У Герасима Анисимовича известны две дочери и один сын - Петр Герасимович, «премьер-майор в полку Буша (1710 г.)», умерший в 1712 году в г.Риге, по всей видимости, еще задолго до преклонных лет, так как не вступил в наследство. Жена его Татьяна Семеновна пережила свекра всего на 4 года и умерла в 1749 году: «Ноября 21 дня во втором часу пополудни матушки Татьяны Семеновны по долговременной ее многотрудной болезни во исходе 70 лета от рождения не стало. И погребена в селе Полянском у приходской Воскресенской церкви...», записывает вступающий в наследство ее сын Иван Петрович Анненков. Как уже отмечено выше, у Ивана Петровича было еще две тетки (по отцовской линии): Софья Герасимовна, в замужестве Чубарова, и Марья Герасимовна, умершая девицей в 1758 году. «Марта 23 дня тетка моя родная, девица Марья Ге-
Курский край. № 11-12 (74-75)

расимовна Анненкова, скончалась скоропостижно в 6-м часу пополудни, и похоронена 24 числа у церкви Обновления Храма Воскресения Христова в селе Полянском при родительском гробе», - опять же узнаем мы от ее племянника.

Сам же Иван Петрович Анненков в документах отмечен как «секунд-майор при отставке (10.03.1761 г.), депутат в комиссии для составления нового уложения; надворный советник (с 22.08.1763 г.); Курский уездный предводитель дворянства; уволен в 1783 г.; умер 16.03.1784 г.».

«1779 г. ... в сельце Жеребцове надворный советник Иван Петров сын Анненков, Курского благородного дворянства предводитель, 76 лет от роду,... в походах и военных действиях с 1717 г. ...был, состояние в настоящем чине - 1754 г., февраля 23 числа», «...под следствием и подозрением не был», «...женат, за ним в Курском - 508, за женою ево - 10, да во Мценском уезде - 141, итого 659» душ крепостных крестьян мужского пола.

В селе Полянском он господского дома не содержал, а жил неподалеку, в 3-х км от него в сельце Жеребцове, в большой ухоженной дворянской усадьбе. Там у него было два деревянных господских дома и «выстроенный вновь дом каменной на погребях». Перед восточным фасадом этого дома был разбит уже к 80-м годам XVIII века квадратный регулярный парк. В этой же деревне (сельце) были у Ивана Петровича кирпичный завод и суконная фабрика «для домового расхода».

**Бывший дом И.П. Анненкова
в д. Жеребцово
(фото 60-х годов XX века)**

**Руины дома И.П. Анненкова
(фото 2002 г.)**

В 2-х км к северо-западу от с.Полянского, при деревне Нартовой, стояла на речке Курице мельница Анненковых «о двух амбарах, трех мучных подставах, четырех просяных ступах с сукновальнею». Неподалеку все от той же д. Нартовой было «для его собственной надобности два кирпичных завода и один известной».

Этот помещик имел также большой каменный дом в с. Карманове Дмитриевской округи, в этом же селе на его средства построена Троицкая церковь; был большой дом в д. Мишкове Мценской округи; дом в г. Курске «за речкою Куром по конец Георгиевского мосту на проезжей большой столбовой дороге»; дом в г.Москве, купленный в 1762 г. «у надворного советника С.И.Головина..., состоящий на Калужской Большой улице в приходе церкви Положения риз».

Одним словом, не бедно жил Иван Петрович, и те 29 душ крепостных крестьян, что записаны в 4-ю ревизию (1763 г.) за его женой Анной Афанасьевной (в девичестве Шеншиной) в селе Полянском, были, конечно, каплей в общем его состоянии. Но приумножал он свое состояние в течение всей жизни, в основном именно такими небольшими частями, скрупулезно всё подсчитывая и оценивая будущую материальную выгоду. В итоге к концу изучаемого века у него и его семьи только по семи селениям ближайшей к с. Полянскому округи было 3746 десятин удобной земли и без малого 1400 душ крепостных крестьян.

У И.П.Анненкова было шестеро детей. Две старшие дочери: Анна, 1728 г. рождения, в 18 лет выданная замуж за капитана Бориса Григорьевича Солнцева, и Елизавета, 1730 г. рождения, также с 18 лет в замужестве за полковником О.Л.Кутузовым, имевшая усадьбу в сельце Анпилогово, (тоже относилось к приходу Воскресенской церкви) в дальнейшем ставшая генеральшей Елизаветой Петровной Кутузовой.

Старший сын Александр, 1734 г. рождения, «служил в кавалергардах капитаном, участвовал в Прусской войне и был в плену». О причине пленения повествуют строки его письма от 3 марта 1760 года, где он, обращаясь к «милостивому батюшке» и «милостивой государыне матушке», рассказывает: «По несчастию моему в известную вам баталию ранен я был уже под вечер часу в пятом в левую лядвию или стегно ружейною пулею навывлет, от которой раны упал на землю и не мог уже более встать». Родительскими хлопотами, в результате размена, был он вызволен из плена и вернулся на родину. Женился Александр в 31 год на дочери сумского полковника Настасье Андреевне «в исходе пятнадцатого года от рождения ее». В дальнейшем был Сумским уездным предводителем дворянства, председателем Харьковского губернского магистрата, советником Харьковской казенной палаты, с 20.01.1785 г. надворным советником. Умер бездетным.

Средний сын Авраам, 1738 г. рождения, служил в Москве и Петербурге, в 28 лет женился на дочери помещика Белгородского уезда Марье Ивановне Грязевой. К 1786 году - действительный статский советник, председатель учетной палаты в г.Курске. В документах 1787 г. отмечен как вице-губернатор. В этом году императрица Екатерина II путешествовала по южным губерниям России, в том числе посетила Курскую губернию и г. Курск. «За найденный в наместническом правлении порядок и благоустройство в губернии удостоился Высо-Курский край. № 11-12 (74-75)

чайшей награды - пожалованием ордена Святого Владимира III степени». Именно Авраам Иванович после смерти матери в 1786 г. вступает в наследство в с.Полянском и ближайшей его округе. Из унаследованных им 25 душ крепостных Полянских крестьян к 1795 году (5-я ревизия) у него в этом селе осталось всего 15 душ.

У Ивана Петровича Анненкова была еще младшая, самая любимая его дочь Татьяна, вышедшая замуж в 1779 году за дальнего своего родственника, коллежского советника Алексея Сергеевича Анненкова и получившая от матери в приданое из села Полянского крепостного крестьянина Семена Никитовича Макуша, 23 лет, и крестьянку Домну Ивановну Макуш, 36 лет от роду.

К 1795 году в результате всех куплей, продаж, наследственных дележей и прочих разделов в селе остается всего 18 душ крестьян, то есть на короткий промежуток времени оно почти обезлюдело крестьянством. Но произошло это только на короткий промежуток времени.

В записных вотчинных книгах 80-х годов XVIII века «в продаже вотчинных земель и со крестьянами и в отдаче» обнаруживаются записи, фиксирующие сделки по купле-продаже земли и крепостных крестьян в с.Полянском. Содержание этих записей позволяет полней представить картину происходящих событий того времени. Так, в 1786 г. «...курский помещик, порутчик Петр Алексеев сын Анненков продал свойственнику своему курскому помещику капитану Матвею Петрову сыну Анненкову, жене ево, детям и наследникам в вечное владение в Курском уезде в подгородном стане в селе Полянском, Воскресенское тож, на речке курице усадебной земли, от речки курицы до проезжей дороги, которая дорога лежит от деревни Жеребцовой в село Полянское, и шириной то усадебное место двадцать шесть сажень, и в чем я Петр с него Матвея за ту свою проданную усадьбу денег пять рублей взял...». В покупке этой земли просматривается стремление Матвея Петровича укрупнить свои земли приобретением у свойственника земельного участка, разделившего его Жеребцовские вотчинные земли с Полянскими, тем более что у продававшего крепостных в с.Полянском и ближайшей округе не было, и видимо, он вынужден был сдавать землю в аренду, возможно, тому же Матвею Петровичу.

Подтверждает это предположение и запись, следующая сразу же за приведенной выше, датированная тем же числом, только меняются ролями покупатель и продавец. Теперь уже Матвей Петров сын Анненков продает почти равноценную по площади землю «порутчику» Петру Алексееву сыну, но в Дмитриевской округе, в д.Городьковой, из «сконных деда ево, Курского помещика» Т.В.Анненкова.

Материалы этой же вотчинной книги позволяют точно установить дату и порядок раздела имущества между братьями Анненковыми (Герасимовой линии) после смерти их матери. «Курского наместничества помещики, надворный советник Александр, статский советник Петр Ивановы дети Анненковы дали раздельную запись родному брату, действительному статскому советнику Аврааму Иванову сыну Анненкову, в том, что достались по уговору ему после смерти родительницы, 1786 года февраля 5 числа, надворной советницы Анны Афанасьевой дочери Анненковой земли и люди...», и далее идет подробное их

перечисление, причем делят они буквально все: и «хлеб в гумне», и хлеб «стоячий по земли». Авраам Иванович по разделу с родными братьями получает в собственность крепостных, «написанных за поминаемой родительницей ... в селе Полянском». Среди делимых людей в с.Полянском первым упомянут «дворовый человек Александр Леонов сын Татаринов с семейством»; следовательно, какой-то двор, усадьбу эти помещики в селе все же имели и содержали.

Как же жили эти дворяне, входившие в число среднепоместных? Кроме покупки движимого и недвижимого имущества, они не отказывали себе и в приобретении дорогих ювелирных украшений, предметов быта, одежды, совершали многочисленные поездки в Москву и Петербург. В 1762 году И.П.Анненков «сентября 1-го дня выехали из Жеребцова с женою и с детьми, единственно только для того, чтобы видеть коронацию Екатерины II; сентября 24 дня государыня изволила выход иметь в Грановитую палату и принимать поздравления, и жаловать к руке бригадиров и штаб-офицеров, причем и я с детьми Александром и Аврамом быть удостоились». Но кроме того, Иван Петрович имел большую библиотеку, которую постоянно пополнял новыми книгами, собирал сведения «о начальниках г.Курска от возобновления его до открытия в нем наместничества», об обретении чудотворного образа Курской Коренной иконы Божьей матери. На свои средства строил он церкви, немало денег жертвовал монастырям и другим храмам, был, по-видимому, очень набожным человеком. Он постоянно заботился о своих близких и родных, но более всего был привязан к одной из своих внучек - Хишеньке, как он ее называл, ребенку старшей дочери Анны. Анненков восторгался ее детской непосредственностью и добротой. Но так случилось, что его любимая внучка тяжело заболела. Заботы и старания его, которым и прежде не было границ, с болезнью ее многократно умножились. Приглашались лекари, знахарка, привозил сам и ему присылались иконы святые, которые ставились «пред очи ее», и конечно, подолгу и усердно молился Богу, но все оказалось тщетно, внучке становилось хуже. Он тяжело переживал, видя муки и страдания больного ребенка, ее беспокойство, крайнюю слабость, дрожащие руки, крик «что есть силы», открытые раны. «Ноября 12 Хишенька в ночи внезапно закричала, и с этого времени руки у ней дрожать стали, а под 13 число в ночи ж ложилась на нашу постелью и меня к себе уже последний раз призывала... А 14 числа в крайнее пришла изнеможение и с трудом мало что выговаривала, а ввечеру и томитца стала».

И вот наступила развязка этой семейной трагедии: «Ноября 15 дня Хишенька по таком долговременном от многотрудной болезни страдании, по власти Божеской в 1-м часу пополуночи и крайнему моему огорчению скончалась 12-ти лет 7 месяцев, которая родилась в 1754 году апреля 16 дня, а через год взята ко мне и с того времени живучи у меня до скончания своей жизни. По особенной своей ко мне горячности, проворству и разумным догадкам единственною была мне утехою. Собственных ее денег осталось 4 р. 56 коп., которые все розданы на милостыню, а тело ее 18 числа погребено в приходской нашей, в селе Полянском Воскресенской церкви, входя по правую сторону в трапезе подле отца ее Бориса Григорьевича Сонцова...».

...Ушедшие люди, ушедшие судьбы, между нами сотни лет, во многом мы уже отличны от них, но боли, переживания и безысходная, терзающая душу горечь потерь остались прежними.

Сам И.П.Анненков, по смерти своей, тоже был похоронен у Воскресенской церкви села Полянского. Старожилы села за верное передают, что была прежде у самого входа в храм массивная чугунная плита, на которой было отлито имя строителя его и покаянная надпись, возможно, такого содержания: «По праху моему ступайте, а о душе моей молитесь».

А что же помещичья собственность - крепостной люд села Полянского?

Жизнь этих людей, на единой с хозяевами земле, проходила словно в другом, параллельном мире, и объединяло их с господами-помещиками только единообразие душевных и плотских страданий, то есть то, что стояло вне мирских денежных законов. Как говорил коренной полянский мужик Павел Некрасов, раздосадованный на что-либо:

- Есть все-таки на земле один справедливый для всех закон, который никому не обойти. Закон этот - смерть. Наступит день и час, и не скрыться, и не откупиться от нее.

Спокойно так говорил, а глаза горели, словно было это только его открытием...

Потому каждый, где бы он ни жил и в какое время, кем и каким бы он ни был, каждый в какой-то миг жизни своей падет пред Ним на колени, обнажив душу свою, пусть единожды, пусть в мыслях только, но это произойдет с каждым, если он человек. Только присутствие Его может объяснить суетность бытия нашего и насытить алчность сознания, устранить идущую за концом пустоту. Потому религия была, остается и будет, наверное, единственной универсальной точкой единения разных людей. Пред Богом все равны.

КРЕПОСТНОЙ ПАРАЛИПОМЕНОН

«Кто дал человеку право называть человека моим и собственным? По какому праву тело и имущество и даже душа одного может принадлежать другому? Откуда взят этот закон торговать, менять, проигрывать, дарить и тиранить подобных себе людей?»

(Декабрист В.Ф. Раевский)

Когда изучаешь документы XVIII, XIX веков, то невольно времена эти представляются не просветной тьмой рабства, одной сплошной черной полосой человеческого унижения, нищеты и забитости. И удивляешься тому, как смогли предки наши даже в этих условиях сохранить человеческое лицо. В любой день

и час каждый из них мог быть продан, как могла быть продана любая вещь, или скот, причем зачастую цена последних была выше.

Ревизские сказки, кроме переписи крепостных, содержат сведения и пометки об их продаже, переводе и покупке, отправке в рекруты, дарении, отдаче в приданое. Мысли, чувства и желания этих крепостных в расчет, конечно, не брались, будто бы речь ведется вовсе не о людях.

Особенно худо жилось в селе Полянском крепостным помещика Тимофея Анненкова. У него больше других продано, отдано в рекруты и бежало крестьян, причем многие из них числились «в бегах» на протяжении нескольких десятков лет. Например:

Крестьянская семья 45-летнего Кондратия Антифьева сына Михалева в 3 ревизию (1763 г.) насчитывала шесть душ. В 1769 году, в возрасте 50 лет, умирает жена главы семейства - Акулина, и он получает в жены в том же году Марью 56 лет. В тот же год Кондратия «сослали» вместе с 20-летним старшим сыном Дмитрием, вторая жена Марья бежит. В «бегах безвестно» и 26-летняя Пелагея, жена сосланного Дмитрия. В 1771 г. 18-летнего младшего сына тоже Дмитрия отдают в рекруты. В итоге к 4 ревизии (1782 г.) эта семья перестала существовать.

Семья сорокалетней вдовы Катерины Киреевой дочери Колупаевой из пяти человек (1763 г.). В 1779 году в возрасте 19 лет умирает ее средний сын Марий. Сама она, старший сын и дочь передаются «во владение» помещику Матвею Анненкову, а у Тимофея Анненкова к 1782 году из этой семьи остается только младший 16-летний сын вдовы Степан.

В семье Степана Богданова сына в 1763 году было тоже 5 душ. В 1769 году отдают в рекруты старшего 17-летнего сына Сидора. Младшего сына, Александра, передают помещику Матвею Анненкову. В 1773 году умирает 16-летняя дочь Лукерья; в 1776 г. в возрасте 44 лет умирает сам глава семьи, а через два года и его 46-летняя жена.

Молодая семья Андрея Петрова сына Терехова из 5 человек. В 1765 г. умирает его 3-летняя сестра Матрена; в 1773 г. его, 18-летнего, отдают в рекруты, а жена Матрена, 25 лет, с этого времени «в бегах». В 1777 г. умирает 19-летний брат Василий, и в семье остается только младший брат Фентис, 22 лет от роду.

У Лаврентия Кондратьева сына Михалева в семье было шесть человек. В 1771 г. его 19-летнего шурина Андрея отдают в рекруты; в 1782 г. умирает жена главы семьи, 27-летняя Авдотья; в этом же году сам Лаврентий с 7-летней дочерью Аксиньей бежит. В этой семье остаются только вторая жена отданного в рекруты шурина, Настасья, 45 лет и племянник Лаврентия Фадей, 22 лет, о котором в 4 ревизию написано: «работать не может».

В 1748 г. помещик Тимофей Анненков покупает в Рыльском уезде крестьянина Максима Родионова сына Черкашенникова, 33 лет, вместе с тремя сыновьями: Афанасием, Семеном и Василием. Через два года все они бегут из с. Полянского, причем в год побега среднему Семену было 6 лет, а младшему Василию всего 2,5 года.

В том же году бежит из села крестьянин Иван Данилов сын Черкашенни-
Курский край. № 11-12 (74-75)

ков, переведенный ранее из деревни Дроняевой.

В 1757 году бежит крестьянин Лука Михайлов сын Кулагин, купленный в 1751 г. у помещицы Н.М.Жиляевой вместе с женой Федосьей, которую после побега мужа отдают во владение помещику Матвею Анненкову.

Крестьянин Тимофей Емельянов сын Терехов, 36 лет, был куплен в 1748 г. вместе с сыновьями Тихоном и Данилой у однодворца Тутова Фатая Афанасьевича. После того, как в 1755 г. сыновья бежали, Тимофея вновь продали прежнему хозяину.

Во второй половине XVIII столетия у помещика Т.Анненкова в с.Полянском самой многочисленной из крепостных семей была семья крестьянина Павла Тимофеева сына Колупаева, в отдельные годы между третьей и четвертой ревизиями она насчитывала до 16 душ. Однако уже в 5 ревизию (1795 г.) этой семьи не стало, все члены ее были распроданы помещикам: М.П.Анненкову, орловчанам - племянникам Александру и Андрею Михайловичам Борзенковым и «госпоже Стефаниде Деменковой».

У помещицы Анны Анненковой (жена И.П.Анненкова) жил в селе Полянском крепостной крестьянин Аким Иванов сын Терехов с женою своею Евдокией Федоровой дочерью (в 1763 г. было им по 40 лет) и сыновьями: Тимофеем 5 лет, Петром 2 лет (1763 г.).

В 1765г. жена умирает, и Аким женится во второй раз, опять же на Евдокии, но только Григорьевой дочери; было тогда ему 50 лет, ей 31 год. В 1774 году у них рождается дочь Мавра. Проходят еще годы, и в семье появляются две невестки - Стефанида и Ульяна, «взятые из д.Жеребцовой». В 1791 г. рождается внук Григорий Петров сын, подросткую дочь Мавру «увозят в д. Мишкову» Елецкого уезда. В 1795 году Аким Терехов в возрасте 72 лет умирает, оставляя вдовой свою 53-летнюю Евдокию.

Казалось бы, обыкновенная крепостная крестьянская семья, на которых стояла и выстояла Россия. Все бы ничего, да вот только одно слово - «однодворка», вписанное в сказках 4 ревизии ниже имени его второй жены, делает эту семью не обычной для того времени. Выходит, что второй женой крепостного Акима стала не крепостная, а вольная, свободная женщина (насколько это понятие может быть применимо к женщине той эпохи) из семьи однодворца. Что заставило, принудило эту женщину стать крепостной, выйдя замуж за крепостного, да к тому же почти на два десятилетия старше ее? Об этом пожелтевшая, измученная временем бумага молчит.

У этой же помещицы Анны в с.Полянском жила семья Авакума Иванова сына Терехова (старший брат Акима Иванова Терехова). В 1763 г. умирает его жена Федосья Яковлева дочь (40 лет) и его женят вторично на 16-летней крепостной «из деревни слободки Лукиной», взятой у помещика Я.Е.Лукина. Взамен помещица Анна отдает другому лукинскому помещику - Т.А.Лукину, также в замужество за крепостного, его Авакумову дочь, совсем юную Анну 12 лет. Такой порядок взятия крепостной для замужества отмечен записью «взята на вывод». С 1763 г. по 1780 г. умирают дочери Авакума Марья и Ирина; в 1769 г. умирает он сам; в 1780 г. бежит его сын Филипп. Вторая Авакумова жена Христина вместе с сыном Иваном, дочерью Мариной и внучкой Аграфеной (дочь

Филиппа) в 1785 г. также бежала. За год до этого побега умирает другая внучка - Федосья. Сына Осипа переводят «в вотчину Орловского наместничества Мценской округи деревню Мишкову». В итоге из этой семьи в с. Полянском остается только десятилетний внук Кузьма, к концу XVIII века перешедший уже в собственность Авраама Анненкова.

Этот же помещик, получив от матери в наследство полянских крестьян Максима Афанасьева сына Мордина с женою Домной Ксенофонтовой дочерью, одаривает ими свою дочь-невесту Екатерину: «отданы в приданное за дочерью Екатериной».

Когда в ревизских сказках читаешь строки: «в бегах безвестно», задаешься вопросом, куда же бежали и где укрывались от помещичьего произвола эти люди? Первое возникающее предположение - бежали дальше на юг, где понятие «воля» еще оставалось реальностью. Отчасти это так, но только отчасти. Не будем переоценивать бунтарский дух русского мужика. Только самые отчаянные бежали «в дикие земли» к удалым атаманам. Обретение воли в этих краях одновременно полностью обесценивало жизнь. Потому не все решались на такое бегство, даже из числа доведенных до предела человеческого терпения. А многотерпением своим русский человек отличался исстари.

Итальянец А.Поссевино, в XVI веке посетивший Россию, записал: «Могло показаться, что этот народ скорее рожден для рабства, чем сделаться таким, если бы большая часть их не познала порабощения и не знала, что их дети и все, что они имеют, будет убито и уничтожено, если они перебегут куда-нибудь. Привыкнув с детства к такому образу жизни, они как бы изменили свою природу и стали в высшей степени превозносить все эти качества своего князя и утверждать, что они сами живут и благоденствуют, если живет и благоденствует князь. ...И под палками, и чуть не умирая, они иногда говорят, что принимают это как милость».

Однако в с. Полянском и ближайшей его округе смелого, отчаянного народа, видимо, было немало, потому побег от помещиков не были редкостью. Большая часть бежавших пыталась укрыться в ближайших губерниях и уездах, были те, кто искал убежища в монастырях.

Беглый крепостной д.Жеребцовой «Антошка повар» отыскался в 1760 г. в д.Мишковой Елецкого уезда, где его ловят и возвращают назад, «а про жену свою и дочь Парашку объявил, что остались в малороссийском Киевском полку, в местечке Остре, в доме у тамошнего обывателя казака Якова Гармона». От этого казака через месяц привозят «Антошки повара пожитки», а «жена его и дочь дорогою бежали». В июле следующего 1761 г. вновь «повар Антошка бежал». Семья эта и прежде 60-х годов была «в бегах». В 1754 г. нашли беглых Антошкиных «большую дочь Авдотью..., а потом и меньшую его дочь Прасковью из Сум привезли и выдали замуж». Еще одну дочь, Ольгу, отыскивали у болоховского купца Д.И.Шетунова, который к этому времени успел уже взять ее в жены. Помещик И.П.Анненков по этому случаю отмечает, что купец «женат на беглой моей девке Ольге поваровой Антоновой дочери», «которому дано своеоручно письмо», «чтоб об ней не бить челом, и взять за нее с него 50 руб.».

Вот еще несколько свидетельств «Антошкиных проказ»:

- 1754 г. «Сысканный из бегов повар Антон Никитин сын Иванов отдан во владение мне по-прежнему и наказан кнутом»;

- 1755 г. «мая 5 дня повара Антонова дочь... Прасковья, которая выдана была за мокрашанского крестьянина Евстафия Степанова, бежала»;

- 1756 г. «Сего под 7 число повар Антон... с женою из Жеребцова бежал».

Таковы перипетии судьбы 250-летней давности. И в те времена страсти и желания с неменьшей силой кипели в душах людских, как бы ни были они измотаны и заморожены жизнью подневольной. Так же, как и мы, с волнением в сердце, смотрели они на замуравевшие майские луга и рощи, осыпанные алыми розбрызгами восходящего солнца, и так же, порой до безрассудства, любили и ненавидели.

За 19-летний период между 3-й и 4-й ревизиями (1763-1782 гг.) в с.Полянском умерло 34 человека, в том числе 14 мужского и 20 женского пола; средний возраст умерших - 37 лет (мужчины - 36,8, женщины - 37,8 лет). Из общего количества умерших только шестеро были в возрасте 50 и старше лет (мужчины - 2, женщины - 4). За рассматриваемый период из села бежало 13 человек (9 мужчин и 4 женщины), 7 человек отдано в рекруты, продано 15 человек (мужчин - 7, женщин - 8); переведено в другие вотчины - 4 человека (мужчин - 1, женщин - 3); отдано дочерям помещиков в приданое - 4 человека; переведено из других вотчин в село Полянское - 21 человек (мужчин - 12, женщин - 9); куплено - 11 человек (мужчин - 10, женщин - 1); родилось и осталось в живых к 1782 г. - 32 ребенка (13 - мужского, 19 - женского пола). Такая динамичная статистика была в XVIII веке в селе, где численность крестьянского населения колебалось между 60 и 80 душами, и в редкие годы приближалась к 100.

Все эти простые люди с.Полянского, жившие в то, для нас теперь далекое время, с фамилиями: Терехов, Колупаев, Клюшев, Лукьянов, Михалев, Маев, Макуш, Мордин, Петров, Захаров, Богданов, Степанов, Стариковский, Черкашенников, и без фамилий (были и такие), все они, и хорошие и плохие, все без всякого исключения заслуживают внимания и памяти нашей, ибо история села соткана из отдельных биографий этих людей. Каждый из этих людей, пусть малой крупинкой, влился в общее, огромное тело истории этой земли, влился радостью и горем своим, смелостью и трусостью, созиданием и разрушением.

Как уже отмечалось выше, к концу XVIII века полянские крестьяне перешли во владения Авраама Ивановича Анненкова, помещика, унаследовавшего от отца безудержное стремление к наращиванию земельной и крепостной собственности. Начиная с первых лет XIX века, численность крестьянского населения в с. Полянском неуклонно растет. Ну и наконец, 18 века общая картина села выглядела следующим образом. С юга на север вдоль левого берега р. Большой Курицы стояло 6-7 крестьянских дворов, как минимум 3 из них были обезлюдевшими; далее чуть особняком от них - два простых деревянных помещичьих дома, «в коих они не живут постоянно». И, наконец, на северной окраине села церковь каменная с прицерковным кладбищем, плодовым садом, и чуть поодаль от церкви, с западной стороны, 4 двора священно- и церковнослужителей. Вот, пожалуй, и все. Для полноты представления добавьте с запада

большой заливной луг, с востока мозаичные клетки огородов и поля в размоинах, с отдельными косматыми перелесками; добавьте выгоревшие на солнце хилые плетни вдоль маленьких хат с почерневшей соломенной крышей, одичалые заросли рыжей ветлы и одиноко стоящие кряжистые ракиты, петляющую во все стороны, разбитую в непогоду дорогу с паутиной мелких, местами сплошь укрытых бурьяном тропинок. Да если еще не поленитесь оживить в воображении своим образ этот отдельными возгласами людей, криком домашних животных, запахом печного дыма и нехитрого крестьянского варева, то получите полную картину с. Полянского 200-летней давности. В ней, пожалуй, только каменный Воскресенский храм, недавно обновленный, будет выделяться особенной, величественной красотой, и звуки его колоколов, напоминающие человеку о быстротечности и суетности жизни этой.

ЖИЗНЬ - КАК ОНА БЫЛА

«Должны есмы мы сильнии немощи немощных носить».

(Рим, 15 глава, 1-2 стих)

*«Знаю, что наша жизнь полна суетных врак,
Знаю, что прегрупная тварь в свете - человек,
Знаю, что чем живет, тем горший он дурак,
Знаю, что слеп тот, кто закладывает себе век».*
(Григорий Сковорода, П.-23, 1757 г.)

По свидетельству современника, в XVI веке «простой народ почти никогда не отдыхает от работ, если не считать дня Благовещения». И далее он замечает: «Таким образом, они заняты работой в воскресенье и во все другие праздничные дни, не исключая пасхальных. Они убеждены, что только знатные люди должны часто посещать храмы и богослужения. Впрочем, низшее сословие довольствуется этой простотой. Простые люди ограничиваются тем, что часто крестятся и с величайшим благоговением молятся иконам».

В XVIII веке мало что изменилось, труд для простого мужика по-прежнему оставался единственной привилегией. Неприсязательность, способность довольствоваться малым - вековые черты характера русского человека, спасавшие его в суровых природных и тяжелейших социальных условиях.

Произволом помещиков беды крестьянские еще не заканчивались. В иные, отнюдь не редкие годы, голод и болезни обрушивались всей своей черной беспощадностью; казалось тогда, нет больше места жизни в этом мире, нет конца страданиям людским.

В 1748 г. в ближайшей округе с.Полянского «сена и озимой хлеб родился очень плох, а паче пшеницы почти не было, а яровой хлеб от великой засухи и жаров весь пропал, к тому же местами саранча пожрала..., огородных овощей очень было мало, и тако от выше указанного недороду воспоследовал великий голод».

В 1749 г. «...весною зелени вскрылись очень плохи и хлебу цена знатно прибавилась... отчего важной состоял голод. И пока новина поспела, люди принуждены были употреблять в пищу гнилую колоду, древесные шишки и лист, разные травы и прочее..., лошадей и прочего скота много валилось... В осени тяжелые людям болезни умножились, от которых многие и жизни лишились».

Голоду, как правило, сопутствовали болезни. Записи метрических книг Воскресенской церкви конца XVIII века свидетельствуют, что часто навещались в село Полянское и окрестные деревни оспа, корь и холера, много людей умирало от чахотки (туберкулеза).

Крепостной уклад жизни не подвигал крестьянина к основательному обустройству и построению быта своего на долговременной основе. Всеобщая бедность и крайняя забитость являли себя во всем, и, прежде всего, во внешнем облике жилья, внутреннем его убранстве, общем виде самих сел и деревень. В те времена «были черные избы, закопченные от дыма, покрытые соломою..., у редкого двора была огорожа или крытый сарай кругом двора..., грязь по колено на улице, а зимою все занесено снегом, который едва отчищен у входа каждой избышки и привален грудami к стенам ее, без этого... замерзли бы от холода, и случалось, что в бесснежные, холодные зимы только на печи было и спасенье».

В 1784 г. Курский губернатор Афанасий Николаевич Зубов давал такое описание нашим селениям: «Сёла и деревни поселены без всякого порядка большею частию куренями, имея положение свое не вдоль по дорогам, но в сторону от оных по течению рек ..., белых изб с трубами мало, в которых полы по безлесью большею частию набитые глиною, а половые доски мостят только против печи к одной стороне с возвышением от глины на четверть для чистой на том месте работы».

По характеристике того же Зубова А.Н. крестьяне Курского уезда «...нравы имеют... кроткие, сложения не проворного, любопытства весьма ограниченного и сведения крайне недостаточного, ибо на мирских своих сходках о малейших самых делах рассуждают долгое время разногласно и бывают решимы не инаково как призывом 2 или 3 человек селения своего стариков, которые прекращают те споры... Чудеса же, небылицы и сказки содержат в отменном замечании, в земледелии упражняются с похвальным трудолюбием... Землю пахут в сохи лошадьми, не удобряя ничем, кроме приготовленной под сев конопля. Пахать начинают под яровой хлеб с Фоминой недели, то есть в половину апреля месяца и пахут один раз, выбороня один же раз начинают сеять и сеявши в другой раз боронят... Хлеб обыкновенно сеют озимую пшеницу, просо, рожь, овес и гречку, ячменю очень мало. Лен родится худо. Конопляники не в давнем времени зачали жители размножать тщательно, от которого произрастения знатную получают прибыль землевладельцы».

Общая площадь земли, которую обрабатывали и засевали крестьяне села Полянского в 1782-83 г., составляла 62-65 десятин, в том числе: ржи - 10 дес., пшеницы - 7 дес., овса - 20-21 дес., проса - 12 дес., «гречи» - 10 дес., конопля - 1 дес., льна - 1 дес. Основной пищей были хлеб и разные каши. Те же самые культуры высевались крестьянами других деревень ближайшей округи, только

в деревнях Нартово и Анпилогово в эти годы сеяли к тому же еще и горох. В конце XVIII века посевные площади в с.Полянском были маленькими в сравнении с площадями посевов соседних деревень, например в д.Нартово было почти на 100 дес. больше посевной земли.

Кроме того, народ местный промышлял рыбной ловлей и охотой. Дворяне, из тех, кто победней и «семьянистые однодворцы» почти все осенью ходили «с ястребами добывать перепелок...добыча сия им довольно прибыточна, поелику продают они пуд оных по 3 и 4 руб.».

Бывала в те времена в лесах Курского уезда добыча и покрупней. «Крестьяне наши убили превеликого медведя, приняв на вилы и рубя топорами, причем он вилы изломал и их 8 человек ранил, и сам, недалече отшед умер; кожа его длиною 3 аршин, сало вынуто 1,5 пуда» (1764 г.). Вот тебе и «нрава кроткого жители» и «сложения не проворного», а как час настанет, опасностью в края наполненный, так и нет этим «кротким» и «не проворным» удержу, будятся в них решимость, задор и отвага, необузданными становятся они.

Однако, бывало, проявлялись качества эти и в преступных деяниях. 1766 г., «июня 15 дня, приехав в Жеребцово, уведомились, что саморядовский крестьянин суконной ткач Фотей Васильев сын Жегулин 10 числа сего месяца из Жеребцова отлучился, а вчерашнего дня нашли тело его за большим логом к болоту, изрублено, изрезано и исколото».

В связи с бегством крепостных в 1783 г. неподалеку от с.Полянского разыгралась целая трагедия. Одним из участников этих событий был крепостной помещика И.П.Анненкова, житель д. Анпилогово Иван Титов, содержащийся «по уголовному делу под стражею». Вместе с ним был заключен под стражу и крестьянин Ефрем Титов, «однодворца Конева крепостной»; ... «означенной крестьянин Ефрем Титов на очных ставках с дворовыми помещика Роговского людьми произведенных показывал, когда и с кем Роговского людей Козьма Прохоров приезжал к нему Титову, просил сыскать к побегу место, то в то время видел его упоминаемый Анненкова крестьянин Иван Титов..., по сему делу колодники однодворцы Василий и Максим Коневы, крестьяне Василий Прохоров сын, Иван Фетисов сын, Иван Савельев сын и Ефрем Иванов сын Титовы, в допросах земским судом произведенных»... показали, что «когда они по подговору из них Ивана Савельева на побег в Кременчук согласившись, с означенными однодворцами Гнездиловым и Конищевым, да подговоренным с ими однодворцами крестьянином Мосальским, прошедшего ноября 20 числа выехав из домов своих к стоящему на большой Севской дороге на речке Курице казаченскому мосту (окраина д.Анпилогово) и остановясь подле оногo в тернике ожидали тут еще подговоренных же Ефремом Ивановым помещика Николая Роговского дворовых людей Козьму и Федора которые прозванием им не известны».

Однако эти дворовые обо всем рассказали своему помещику, а он вместе с ними и «дворовым человеком Алексеем, да еще семью человеками приехав», начали избивать ожидавших у моста; «от чего из них Василий Прохоров и Иван Фетисов, на бывшей при них собственной лошади, запряженной в сани, бежали в дом свой. За коими в след объявленный Роговского человек Алексей гнавшись поранил ту лошадь в трех местах... Иван Савельев с Ефремом Ивановым

Курский край. № 11-12 (74-75)

с того боя удалились в болото, но Роговской Ивана Савельева пристрелил из пистолета». В результате этой потасовки с дракой и стрельбой произошло «смертоубийство однодворцев Ивана Гнездилова, Степана Канищева и фатежского помещика Дмитрия Шестова крестьянина Василия Мосальского». Эта трагическая история местного масштаба обнаруживает достаточно хорошо налаженную житейскую связь между крепостными разных помещиков, а также между крепостными и однодворческим крестьянством. Она ярко вырисовывает отчаянный, рискованный и крепкий народ, способный только лишь наудачу безоглядно броситься в манящую бездоньему пропасть. Помещик, прапорщик Н.Роговской, конечно же, был оправдан: «Курское благородное дворянство, живущее поблизости», показало, что он «состояния и поведения хорошего». Виновными по суду в «смертоубийстве» оказались простые мужики - лапотники; у сильного всегда бессильный виноват. Уже в июне 1791 г. этот самый Н.Роговской покупает за 100 рублей в с.Жердево в «вечное владение крепостных...крестьян Ивана и Филона Феокистовых детей Прокофьевых», то есть хочу убиваю, хочу покупаю людей - все законом дозволено.

«И сами крестьяне, страдая, изнемогая, покорно тянули свою тяжкую долю. С высоты царского престола они непрестанно слышали подтверждение дворянских прав на них. Личность их этим совершенно теряла свою самостоятельность. И, обиженная на земле, мысль крепостного рвалась в будущую жизнь; там, за гробом, думал он, будет награда за земные обиды и несправедливости».

В башиловском описании Курского наместничества отмечается: «Крестьяне суть люди зависевшие издревле от какого-либо над ними собственного начальства; собственности своей в землях не имеющие, а имея общее, обрабатывают с прилежанием и чувствуя всегда долг свой к платежу податей государю и владельцу своему, пекутся о исполнении сего». И даже «пищу употребляют хотя и суровую, однако ж, временем едят и хорошую».

Итак, крестьяне, люди зависимые с «издревле», своей земли не имеющие, пищу «временем едят и хорошую». Эта характеристика будет соответствовать крестьянству Курского уезда и на протяжении следующих XIX и XX веков, да и в наши дни, пожалуй, еще пригодна.

ВОСКРЕСЕНСКОГО ХРАМА СВЯЩЕННО-ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛИ

«Человек, рожденный женою, краткo-дневен и пресыщен печальми. Как цвeток, он выходит, и опадает; Убегает, как тень, и не останавливается».

(Иов, глава 14, 1-2)

В XVIII веке, с момента постройки и освящения Воскресенской церкви, в селе Полянском, кроме крестьян, жил и другой народ - священники, дьяконы, пономари с семьями своими. Первые совершали все таинства и церковные

службы, диаконы и пономари помогали им во время богослужения.

«Приходские и другие священники, по обычаю греческих священнослужителей, до принятия сана имеют право жениться на девице. В случае ее смерти, если захотят вести жизнь монашескую, они продолжают исполнять обязанность священника. Если же женятся вторично, то уже не исполняют священнических обязанностей и даже не считаются священниками, хотя некоторые из них прислуживают в церкви как дьяконы. Будто бы признак священнического сана зависит от жизни первой жены и с ее смертью уничтожается!» - так в XVI веке удивлялся канонам православного духовенства представитель католической веры, где безбрачие обязательно для священника.

Наше православное белое духовенство и церковнослужители имели свои, зачастую довольно большие семьи, и потому обременены были каждодневной заботой о хлебе насущном. Быт этих семей мало чем отличался от крестьянского. Жены и дети приходских сельских священно-церковнослужителей занимались обычным крестьянским трудом: обрабатывали и засеивали землю, выращивали и убивали урожай, содержали домашнюю птицу и скот.

В XVIII веке «в духовенстве священников просвещенных и учителей церковных немного, а есть по несколько в городах и малороссийских слободах. В селениях же... все почти невежды, жизнь ведут единообразную с однодворцами и часто являются в пороках и преступлениях, не соответствующих их состоянию». Эта неприятная характеристика, данная сельскому духовенству современником, наверное, действительно правдива, видимо, и в этом веке истинные образованность, культура и духовное подвижничество были в среде приходских священно - церковнослужителей почти редкостью. Но это отнюдь не говорит об их маловерии и тем более о духовном лицемерии. Это лишь подчеркивает, что богослужения в храме совершают тоже люди, живые, нормальные люди, окруженные мирскими страстями, соблазнами и заботами своего времени.

Первым священником Воскресенской церкви с. Полянского был «поп Иван Борисов сын» Хорошилов, упомянутый в ревизских сказках 1719 г. Пробыл он в должности приходского священника вплоть до середины XVIII века. В этот период епископ Белгородский и Обоянский Святитель Иоасаф Горленко осуществлял «обозрение» своей епархии и среди прочих в Курском уезде обратил внимание на Воскресенскую церковь. О священнике Иоанне было замечено: «вдов, стар и дряхл. На вопросы Его Преосвященства из катехизиса - явился не умеющий. Монашества не отрекается». Резолюция епископа: «выслать в монастырь немедленно, в который пожелает, а на его место произвести ставленника, а когда отослан будет, рапортовать». В 1763 г. «апреля 24 дня Воскресенской священник отец Иоанн скончался 72 лет».

Но Хорошиловы не покинули церковь села Полянского, священником в ней становится сын - Яков Иванов Хорошилов. Он добросовестно исполняет обязанности свои до 1788 года, когда в возрасте 64 лет был уволен «за старостью и слабостью здоровья», и перешел в разряд «заштатных священников».

Далее преемственность продолжил его сын - Иван Яковлев Хорошилов, прежде состоявший при Воскресенском Храме дьячком. Другой сын - Алексей Яковлев, в 1794 г. также был переведен в с.Полянское дьячком из Архангель-Курский край. № 11-12 (74-75)

ской церкви с.Косиново «на убылое место».

В свою очередь, уже их дети также становятся священно - церковнослужителями при церкви с. Полянского. Гавриил Иванов сын Хорошилов - пономарем с 1794 г., когда «законом при оной церкви утверждено пономарское место», затем диаконом вплоть до сороковых годов XIX века. Дмитрий Алексеев сын Хорошилов был священником до 1836 г.

В XVIII веке священно- и церковнослужители жили с семьями своими в с.Полянском в 4 дворах близ церкви. В 1795 г. в дворе попа Иоанна Яковлева сына Хорошилова, 47 лет, проживали, его жена Анисья Иванова дочь, 44 лет, и четверо их детей: сыновья - Гавриил 15 лет, в этом возрасте принявший «пономарское место», ученик «Курского училища», Павел 4-х лет. Была у них еще дочь Татьяна, умершая в 1782 г. в младенческом возрасте.

В другом дворе жил диакон Матвей Завьялов сын Ерин, 34 лет, он в эту должность «произведен по прошению приходских людей в 1794 г., а прежде в Курске при Троицкой церкви был пономарем». Вместе с ним жила его жена Прасковья Иванова дочь, 32 лет, и их дети: сыновья - Иван 4-х лет и Александр - 1 года. В дальнейшем, уже в XIX веке, Матвей Ерин также будет священником Воскресенской церкви с.Полянского.

В третьем дворе жил дьячок Алексей Яковлев сын Хорошилов, 35 лет, поступивший «на убылое место в 1794 г.» из с. Косиново «Архангельской церкви», при которой также был дьячком. У него жена: Анна Дмитриева дочь - 34 лет; дети: сын Дмитрий - 10 лет, сын Иван - 1 год, дочь Мария - 13 лет и младенец дочь Пелагея. Освободил ему место дьячок Алексей Георгиев сын Попов - 30 лет, перешедший в этом же 1784 г. священником в с. Орехово (Пименово). Переехали с ним на новое место, его жена Евдокия Антонова дочь - 26 лет, и четверо детей отроческого возраста: Петр, Иван, Мария, Василий. Введенская церковь с. Орехова всего в 5 км к югу от села Полянского.

В последнем, четвертом дворе жил семидесятилетний «заштатный священник» Яков Иванов сын Хорошилов, с попадьей своей 68-летней Варварой Федоровой дочерью.

Итак, в 1795 г. в с.Полянском проживало четверо священно- и церковнослужителей и 14 членов их семей, всего 18 человек. Вспомнив из прежде сказанного, что ровно столько же оставалось на этот год и крепостных крестьян, получаем общее количество жителей села - 36 душ.

Дворяне Анненковы по Герасимовой линии как-то по-особенному заботливо и внимательно относились к Воскресенской церкви с. Полянского и ее служителям. Видимо, какие-то особые отношения были у них и с представителями Хорошиловых. Во всяком случае, в сохранившихся документах они часто среди многих указанных церковных лиц именуют их своими, «приходскими нашими». Священники Воскресенской церкви принимают участие практически во всех духовных мероприятиях, проводимых в XVIII веке Анненковыми в других имениях Курского уезда.

Так, в мае 1759 г. было завершено строительство «настоящей каменной церкви Живоначальной троицы» в с.Карманове. Инициатор и организатор этого строительства, И.П.Анненков, на освящение Храма пригласил Курского архи-

мандрита Гедеона, наместника Знаменского монастыря. Своего духовного отца, иеромонаха Гервасия, иеромонаха Анатолия, Курских городских иеродиаконов, келейника, певчего, священников Курских городских Троицкой, Фроловской и Георгиевской церквей, и, конечно же, были там «приходские наши Воскресенские» Иоанн, Иаков и дьячок Матвей.

Практически все убранство и церковная утварь для храма с.Полянского также были приобретены на средства Анненковых. В мае 1760 г. И.П.Анненковым был «на ярмарке у Коренной обменен в Воскресенскую церковь колокол старой поврежденной весом 10 пуд. 21 фунт... - да в мочках 14 фунтов» на новый «весом и с мочками 10 пуд. 37 фунтов».

Как уже отмечалось прежде, в 1783 г. Воскресенская церковь была поновлена и стала двух престольной. Главным по-прежнему был престол во имя Обновления храма Воскресения Христова, другой престол возник во имя Корсунской иконы Божией Матери. Икона эта чудотворная, по преданию писана святым апостолом Евангелистом Лукой. По одной из версий, она в 988 г. перенесена из Корсуня в Киев великим князем Владимиром, потом в Новгород и впоследствии в Москву, где стоит за престолом Успенского собора. По другому сказанию, икона принесена из Греции в Россию в конце XII века Предиславою, в монашестве Евфросиньею - дочерью полоцкого князя Георгия. В 1239 г. по ее желанию образ был перенесен в Торопецкий храм (г.Торопец), где происходило бракосочетание князя Александра Невского с дочерью полоцкого князя Брячиславою. В России в разных городах и селах было несколько церквей с чудотворным образом Корсунской иконы Богородицы. Была она драгоценнейшим украшением Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге, в Суздальском Спасо-Ефимиевом монастыре, храмовой иконой в г.Угличе, в Благовещенском монастыре г.Нежина, в Богоявленском соборе г.Усмани, в Благовещенском монастыре в Нижнем Новгороде, в селе Глинкове близ Троице-Сергиевой лавры, в селе Пилатиках Ярославской губернии, где прославилась чудотворениями с 1642 г. и народ во множестве прибегал к ней. Икона эта необычайной духовной глубины и особенной красоты. В иконописном изображении очень выразительны глаза Богоматери.

Вот во имя этой иконы Божией Матери и возник в конце XVIII века престол в Воскресенском храме с.Полянского. Возник опять же не случайно, а вновь по инициативе И.П.Анненкова, поддержанной прихожанами. Иван Петрович, видимо, очень сильно почитал этот образ, и еще в 1758 г. им «января 9 дня выменян образ Богоматери, именуемой Корсунской, на кипарисной доске ... написанной по обещанию моему о избавлении из плена сына моего Александра». «Пехотного полку первой Гренадерской роты» поручик Александр Анненков благополучно возвратился из прусского плена, и его отец выполнил данный обет перед Богом.

Престольный праздник во имя Корсунской иконы Божией Матери отмечался прихожанами 9 октября (22 октября по новому стилю).

Время беспощадно двигалось только вперед, не оставляя надежды безответно уступавшему старшему поколению; время не знает жалости и пощады, Курский край. № 11-12 (74-75)

оно лишь безудержно жаждет явления нового самонадеянного поколения, и опять же только ради того, чтобы, обременив жизненным грузом, поскорее покинуть его, и вновь устремиться вперед - к другим поколениям и новым событиям.

Уходил богатый войнами, переворотами, восстаниями, драмами и трагедиями людскими XVIII век, село Полянское вместе со всей Россией вступало в XIX век.

XIX ВЕК. ЕЩЕ СТО ЛЕТ С ШЕСТЬЮ ИМПЕРАТОРАМИ

**Жители с. Полянского 1811 г.
Последние из местных Анненковых.
ДЕНИСЬЕВ Н.А.**

«Время есть жизнь, если оставить в стороне ее содержание».

(Георг Зиммель, XIX век Германия)

«Жизнь есть постоянная смена разрушения и восстановления, так что нейтральное состояние было бы даже малопонятно».

(И.П. Павлов, «Проблемы сна»)

Годы конца XVIII - начала XIX веков были не только временным рубежом, но и годами, с которых начался значительный рост численности крестьянского населения в с.Полянском и ближайшей его округе. Несмотря на то, что по-прежнему определенная, небольшая часть людей продолжала жить и веселиться за счет пота и крови своей «крещеной собственности», однако произошло большее закрепление крестьян к определенной земле и был сделан шаг, хотя и очень мизерный, к очеловечиванию «людского товара». Уже в начале века появились Павловские законы о запрете продажи крепостных крестьян без земли, запрете работать в выходные и праздничные дни, манифест о трехдневной барщине. В обществе росли антикрепостнические настроения.

В 1811 году в с.Полянском было 18 крестьянских дворов, только мужское население их составляло 81 душу. Помещик, действительный статский советник и кавалер Авраам Иванович Анненков, стал в конце XVIII века единоличным хозяином Полянских земель, сумел быстро пополнить крепостными почти

уже совсем обезлюдившее село. В Полянское приводили крестьян из других помещичьих деревень и сел: из соседнего сельца. Жеребцова, с. Косинова, сельца Петраковки Дмитриевского уезда, из д.Мишковой Мценского уезда Орловской губернии. В итоге уже в первые годы XIX века в с.Полянском прочно обосновались крестьянские фамилии: Козловых - два двора братьев Ефима и Исаия Ивановых детей с «приемыхом» Зиновием Захаровым сыном; Логвиновых - 2 двора, Трофима Авдеева и Назара Петрова сыновей; Афонасьевых - 3 двора, Федора Феофанова сына и двух братьев Данилы и Свирида Харитоновых детей, все они выходцы из д.Мишковой Орловской губернии; Стариковых - 2 двора, Варфоломея Андреева и его сына Ермолая Варфоломеева; Башмаковых - 2 двора, Тимофея Евдокимова и его сына Алексея Тимофеева. Было по одному двору: Дементьевых - Николай Петров сын; Ивановых - Иван Петров сын. Немногом позже появились в селе крестьяне Некрасовы, Суворовы и Киреевы. Эти крестьянские фамилии, за исключением Башмаковых и Дементьевых, живы в селе Полянском и поныне.

Из прежних, старополянских фамилий, к 1811 г. оставалось только три двора Тереховых. Хозяевами в них были: Ларион Алексеев сын 70 лет и братья Петр и Тимофей Акимовы сыновья, соответственно 67 и 54 лет отроду. В этих дворах мужчин было 16 душ, однако через 8 лет из Тереховых в селе остаются только Ларионовы дети, вдовы 50-летний Антон с 25-летним сыном Григорием и 37-летний Тихон с 10-летним сыном Акимом. В этом же 1819 году Анненковы переводят их в сельцо Жеребцово дворовыми людьми. Несколько позже в селе вновь появляются крестьяне Ключевы, но уже не тех, прежних полянских кровей.

В 1810 году умирает помещик Авраам Иванович Анненков, полянских крестьян наследует его сын, полковник и кавалер Петр Авраамович. Он переименовывает сельцо Жеребцово в Петровское. В честь жены этого помещика Марии Дмитриевны, дочери Прозоровской, деревня Пименово, что при селе Орехове, была переименована в деревню Марьину. В отличие от отца и деда, у помещика П.А.Анненкова хозяйственные дела явно не ладились и средств для «достойной» светской жизни, по-видимому, постоянно не хватало, суммы долговых обязательств неуклонно росли. Жил помещик с семейством своим большей частью в губернском Курске и столичных городах Петербурге и Москве, нечасто наведываясь в родовое имение своё в сельцо Жеребцово (Петровское).

Однако по-прежнему Анненковы не оставляли без внимания «свою приходскую» Воскресенскую церковь в с. Полянском, построенную тщанием предков своих, у стен которой большая часть из них нашла свое вечное пристанище. Сам Петр Авраамович, по смерти своей в 1832 г., также был погребён при этом храме. В 1835 г., 6 января, под самый праздник Рождества Христова, в церкви с. Полянского венчался первым браком его сын, помещик, отставной поручик Дмитрий Петров Анненков с девицей Екатериной Васильевой Столяровской, «дочерью умершего штаб-лекаря из города Курска». Поручителями были: по жениху - его родной брат корнет Николай, по невесте - ее родной брат титулярный советник из города Курска Степан Яковлев сын. Однако финансовые дела Анненковых с каждым годом только ухудшались. В итоге после смерти родителей имение перешло под опекунский надзор гвардии штабс-капитана и кавалера Курский край. № 11-12 (74-75)

лера Михаила Петрова Анненкова. В 1834 г. под его «опекунским распоряжением» состояло «Курского уезда сельца Бакшеева, Петровское то ж, деревни Марьиной, д.Сныхиной, что на Мокве, села Полянского, д.Дамановой, Нартова тож, д.Фроловой, Саморядова тож, и слободки Луниной мужеского и женского пола крестьян и малороссиян, дворовых людей» 755 душ, в том числе в с.Полянском всего 189 душ, из них мужского пола - 88 душ.

Другой сын Петра Авраамовича и Марии Дмитриевны Анненковых - Сергей Петрович, 1815 г. рождения, практически постоянно проживал в Санкт-Петербурге, ведя разгульный образ жизни в кругу знатных особ, зачастую граничивший с безрассудным авантюризмом. Особенно отличилась в этом его дочь Мария Сергеевна Анненкова, 1837 г. рождения, в николаевские времена фрейлина великой княгини Александры Иосифовны. Эта «маленькая Анненкова» сумела втянуть в магнетические сеансы великую княгиню и великого князя Константина, и эти «сеансы имели очень дурные последствия». Неуравновешенная великая княгиня Александра Иосифовна под влиянием шестимесячного злоупотребления магнетизмом чуть было не сошла с ума. Дошло до того, что на одном из сеансов М.С.Анненкова выдала себя за Марию-Антуанетту. «В эту нелепую сказку, которую маленькая негодница упорно повторяла с невероятной наглостью, сочинив ее совместно с отцом, человеком совершенно разоренным, с целью вытянуть деньги и другие выгоды от императорской семьи - в эту сказку благоговейно уверовала великая княгиня Александра Иосифовна, которая так много и так часто повторяла свои магнетические опыты, что кончила тем, что с ней сделался выкидыш». В результате, дабы избавиться от хитроумной М.С.Анненковой, решено было отправить ее в сопровождении первой камер-фрау великой княгини госпожи Берг за границу «для направления здоровья».

Однако уже высланная от царского двора, она стала писать письма императрице, в которых от имени Марии-Антуанетты, требовала, чтобы Анненкова «была признана принцессой Бурбунской и ей были обеспечены почести и положение, присущие ее званию». Писала она и государю, «обещая ему, что она, Мария-Антуанетта, откроется ему, если он согласится иметь свидание». «Государь, возвращаясь из Николаева, заехал к ней в Курск, где она находилась в то время перед отъездом за границу. Он напомнил ей ее обещание показать Марию-Антуанетту. Она закрыла глаза, вздрогнула, и, спустя несколько минут, сказала: «Это я», и начала говорить с ним, как будто через нее говорила Мария-Антуанетта, и рассказала свою историю. Однако это государя не убедило».

Живя уже за границей, М.С.Анненкова вышла замуж за герцога де Феррари. В 1884 г. на нее пало подозрение в попытке шантажировать герцога Н.М.Лейхтенбергского, князя Романовского, женатого на ее сестре Надежде Сергеевне. «В целях себя реабилитировать, она в 1885г., впервые после высылки в 1858 г., поехала в Россию и через благоволившего к ней Победоносцева пыталась добиться от Александра III признания ее невиновной в этом деле... Несмотря на то, что император признал себя удовлетворенным ее объяснениями, он отказался ее принять, и она уехала обратно за границу, не получив аудиенции. В 1886 г. она обращалась к Победоносцеву с новой просьбой о поручительстве для получения займа 180000 рублей». Вот такой была правнучка

«собирателя земель» и строителя храма в селе Полянском И.П.Анненкова.

С 1837 г. с.Полянское, вместе со всеми окрестными деревнями Анненковых, переходит в руки нового владельца. Хозяином полянских крестьян становится Петр Алексеевич Денисьев, «один из типических представителей блестящего барства крепостной эпохи». Женой его была Варвара Петровна Анненкова, следовательно, приобретение этого имения не было случайным.

Н.А.Денисьев родился в 1776 г. в с.Плаксине Льговского уезда (в наше время Курчатовский район). Уже 9-ти лет от роду он был зачислен сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк, по обычаю родовитых дворян того времени.

В 1797 г. произведен в прапорщики Малороссийского гренадерского полка, и в том же году вышел в отставку. При воцарении императора Александра I Денисьев назначается «в комиссию коронации», награждается чином коллежского асессора, после чего окончательно покидает столицу и поселяется в с.Сафронове (Петровское то ж) Рыльского уезда.

Петр Алексеевич был из небогатых помещиков, в начале XIX века числилось за ним всего 60 рядовых крестьянских душ, и так бы он прожил незаметно свою жизнь подобно другим помещикам «средней руки», но судьба распорядилась иначе, и по только ей одной ведомой причине позволила ему выделиться и стать заметной губернской фигурой. «Проведение осчастливило его богатым дядей», человеком одиноким и старым.

По выходе Денисьева в отставку он узнал, что княгиня Барятинская, постоянно проживавшая за границей, стала распродавать принадлежавшие ей имения, и по тогдашним ценам очень дешево, по 25 рублей за душу. Богатый дядя снабдил удалого племянника деньгами для покупки этих имений, а потом их ему же и подарил. Таким образом, П.А.Денисьев стал крупным помещиком Рыльского уезда.

Усадьба и дом, где он проживал во время своих приездов в г.Курск, известны были под именем Денисьевских; этот особняк с колонами на ул. Садовой сохранился до наших дней и принадлежит городской поликлинике. В те времена он был одним из самых богатых, гостеприимных и веселых домов в городе. Его хозяин выезжал не иначе как шестериком, запряженным цугом, в сопровождении огромной свиты. Ни у кого в губернии не было такого блестящего оркестра, никто не мог похвалиться таким хором певчих. Балы, которые он устраивал, «отличались необычайным блеском», их было восемь в течение года, самый пышный и многолюдный приходился на день Петра и Павла. Денисьев любил, чтобы все рыльские дворяне являлись в этот день в Сафроновское имение, и если кого не было, очень сердился и «в дурном расположении духа нередко становил весь свой оркестр из 60-ти музыкантов на колени». За обедом гости собирались по чинам, были и такие, которые не смели входить в зал и должны были оставаться «в зван зале», где становился для них обеденный стол и «откуда они робко заглядывали на сильных мира, толпившихся в зале».

В Курске у Денисьева были две большие лодки, которые ставились на сани, запряженные цугом. В них он катал своих гостей. В одну лодку садились музыканты, в другую гости; «...отказаться - значило навлечь вражду хозяина, а он во всем не любил противоречия... Зато очень любил охоту, и никто не смел Курский край. № 11-12 (74-75)

раньше его охотиться, даже в своем лесу».

Но противоречивость его личности заключалась в том, что одновременно в эти же годы он был деятельным покровителем губернского просвещения. П.А.Денисьев жертвует на Рыльское уездное училище и Курскую губернскую гимназию десятки тысяч рублей. Набирает беднейших дворянских детей и устраивает их учебу на полном своём содержании. Организует пансион - приют, опять же на свои средства, для учеников уездного училища. Активно участвует в создании благородного пансиона при губернской гимназии. Долгое время был в должности смотрителя Рыльского уездного училища, а 1835 г. избран почетным попечителем Курской гимназии. И это в Курской губернии, не отличавшейся обилием ревнителей просвещения и не пожелавшей «видеть в своем губернском городе университета, который был вместо того открыт в 1805 г. в Харькове, где дворянство для этой цели пожертвовало 400000 рублей».

Вот такому помещику с 1837 г. стали принадлежать крепостные с.Полянского и ближайших окрестных деревень. Большой Анненковский особняк в д. Жеребцово (Петровское) стал одним из многих ему принадлежащих и расположенных на пути из Рыльского уезда в город Курск. (В волостном с.Старкове у него также было имение).

Крепостные Денисьева были «люди зажиточные и материально не бедствовали. Если он вдруг замечал незасеянную полосу, то немедленно приказывал узнать, чья она, и выдать хозяину средства на семена. Если пожар у крестьянина, у своего или чужого, приказывал выделить необходимые десятины леса на постройку».

Но не давал он «поблажки ленивым и неурядливым работникам», в этом случае также не разбирал своих и чужих. Известен случай, когда он приказывает наказать дьяконицу розгами за то, что перешла дорогу с пустыми ведрами.

Такой, не совсем обычный, был помещик П.А. Денисьев - новый хозяин с. Полянского.

ЖИТЕЛИ С. ПОЛЯНСКОГО 1834 г.

«Но что такое наш народ? Что такое эта масса, этот океан, который они считают безгласным».

(К.Н. Леонтьев)

К 1834 г. в селе Полянском было 18 крепостных крестьянских дворов.

Первым был двор Акима Исаева Козлова. В нем неделимо жили вместе три семьи, семьи трех уже велико возрастных братьев с женами, детьми и прочими домочадцами. Это семья уже упомянутого 58-летнего Акима, семьи 54-летнего Афанасия и 50-летнего Максима. Всего в этом дворе было 18 душ.

Хозяином второго был 78-летний Ермолай Варфоломеев сын Стариков. С Ермолаем жили с семьями своими два его сына: Антон - 55 лет и Мартын - 37

лет, и два взрослых внука, также с женами и детьми: первый внук 32-летний Савва, второй 28-летний Василий. Был еще третий внук Николай, но его в 1831 г. отдали в рекруты. Всего в 1834 г. было 19 человек.

Третьим был двор Николая Петрова сына Дементьева, умершего в 1819 г. в возрасте 68 лет. Жил в нем его внук - Макар Гордеев сын 40 лет с 38-летней женой Пелагеей и четырьмя детьми, всего 6 душ.

Четвертый двор 50-летнего Данилы Харитонов сына Афанасьева насчитывал 13 человек. В нем вместе с хозяином жили два его взрослых внука с женами и детьми, а также жена его племянника Василия с десятилетней дочерью. Василий был сыном Свирида Харитонova - родного брата хозяина, отданного в 1818 г. в рекруты.

Пятым был двор Ефима Иванова Козлова, умершего в 1827 г. в возрасте 78 лет. В нем за хозяина остался его 59-летний сын Дмитрий с женой своей Домной и двумя семейными сыновьями: Хрисанфом и Яковом, а также 19-летней дочерью девицей Анной. Всего в дворе было 9 душ.

В шестом дворе жили другие два сына Ефима Иванова Козлова: сорокалетний Андрей Ефимов с женой Варварой, только на 10 лет моложе братовой, и у них было трое детей. Итого - 10 душ.

Седьмым был двор братьев: 48-летнего Ильи и 43-х летнего Александра, сыновей умершего в 1834 г. 54-х летнего Козьмы Самойлова сына Кирева. Этот двор был в селе самым многочисленным, всего 20 душ - 9 мужского и 11 женского пола.

Восьмым двором был двор 53-летнего Михайлы Федорова сына Афанасьева совместно с родным братом Петром 50 лет. Женами их были соответственно Василиса и Евдокия. В 1827 г. сын Петра Федорова - Степан был отдан в рекруты. А всего с детьми и внуками в дворе было 13 душ.

В девятом дворе жили сыновья умершего в 1823 г. 45-летнего Назара Алексеева сына Логвинова, родные братья: Илья с женой Мариной и тремя детьми и холостой 25-летний Василий. Прежде был еще пасынок Фома, но его перевели из с.Полянского в д.Сныхину, «что на Мокве». Всего во дворе - 6 душ.

Одиннадцатым был двор трех родных братьев: Петра - 51 год, 43-х летнего Ивана и 54-х летнего Филиппа Трофимовых детей Логвиновых. Самый старший Филипп, переведенный помещиками из сельца Петровского (д.Жеребцова), был бессемейным. Всего во дворе - 17 душ.

В следующем, двенадцатом дворе жил сын умершего в 1828 г. 72-х летнего Сергея Тимофеева Некрасова - Антон Сергеев, с семьей своей и семьями двух племянников, родного брата Петра сыновьями. Всего 18 душ.

Тринадцатым был двором Григория Алексеева сына Некрасова 43-х лет. Всего было в нем 9 душ.

В четырнадцатом жил 33-х летний Ларион Иванов сын Некрасов с женой Анной и двумя малолетними сыновьями. Всего 4 души.

В пятнадцатом - «купленный у курского помещика поручика Ивана Лунина» 35-летний крепостной крестьянин Федор Степанов сын Мухин с женой Василисой и четырьмя детьми. Всего 6 душ.

В шестнадцатом - 30-летний Михайла Иванов сын Иванов с женой Екате-
Курский край. № 11-12 (74-75)

риной 25 лет и двумя малолетними дочерьми. Итого 4 души.

В семнадцатом дворе жил 48 летний Кузьма Филиппов сын Филиппов, с женой Аксиньей 39 лет и тремя детьми. Всего 5 душ.

Восемнадцатым был опустевший двор крестьян Тереховых. Занял его 38 летний Укол Агеев сын Клюшев, с женой Татьяной, тремя сыновьями и четырьмя дочерьми. Всего 9 душ.

Итого в 1834 г. в с.Полянском было: три двора крестьян Козловых, три двора Афанасьевых, три двора Некрасовых, два двора Логвиновых и еще семь дворов по одному на каждого - Стариковых, Дементьевых, Киреевых, Мухиных, Ивановых, Филипповых и Клюшевых. Всего 18 обжитых дворов.

Неумолим безжалостный бег времени, он уносит в прошлое и покрывает забвением людские судьбы, а вместе с ними страсти, переживания, важные определяющие события. Завершает же всю эту, не знающую меры круговерть, холм сырой земли, да и тому уготовлен век, часто не многим более людского. И только память способна продлить век, но она избирательна, капризна и часто очень скупа. А ведь каждый из выше отмеченных людей уносил с собой частичку своего мира, так же как и каждый вновь явившийся привносил что-то новое, свое, которое со временем когда-нибудь тихо уходило, уступая место опять же новому. Но где они, эти необычайные кладовые ушедшего?

«Будучи существом личным и через смерть теряя личность (если такова действительно смерть), человек терял бы все... в смерти страшит его уничтожение его «я», уничтожение его личного бытия,... это невысказано: невысказана смерть в смысле полного уничтожения человека.» Православная церковь словами св. Иоанна Златоуста проповедовала: «Никто из вас, возлюбленные, не должен смущаться тем, что порочные проводят настоящую жизнь в благоденствии; потому что не здесь, на земле, место воздаяния за добродетели и пороки... не будем унывать, если увидим, что человек порочный живет в изобилии, не будем и смущаться, когда заметим, что благочестивый терпит и несчастья, потому что не здесь, а там венцы и наказания».

Но трудно, ох как трудно принять это человеку, изнывающему в бедах каждодневных, видя совсем рядом жизнь чью-то, наполненную изобилием. Почему здесь и сейчас он должен мучиться, ради призрачного будущего.

Как часто человек, получив внезапный удар судьбы, пряча черное от горя лицо в ладонях трепещущих рук, в отчаянии восклицает:

- За что?! Это несправедливо! Где же Бог?!

Нет ответа ему, не может быть ответа, только вечное молчание.

И остается тогда у души человеческой два пути, два выбора.

Первый - отринуть Бога, - самый близкий, короткий, вползающий огнем и выжигающий сердце, насаждаемый всеми мыслями и оценками разума. Это путь страха, все поглощающей злобы и даже ненависти ко всем и всему. К сожалению, это путь многих.

Второй - это вера в Него. Вера несмотря ни на что, вопреки всему. Вера, несмотря на отсутствие ответа, если все ясно видно и осязаемо, ведь тогда какая же это вера?

ДУХОВНЫЕ ЛЮДИ С. ПОЛЯНСКОГО

«Самое существенное - просто действительность».

(В.В. Розанов)

Особое место в с.Полянском - приходская Воскресенская церковь. В XIX веке она вошла во второе столетие своего существования, внешне еще более преобразилась и стала одной из самых заметных и красивых в Курском уезде. Неисчислимо число откровений людских слышали стены этого храма, тысячи под его сводами ознаменовывали начало и конец жизни своей.

Только за восьмилетний период, с 1830 г. по 1837 г. включительно, в Воскресенской церкви было крещено - 858 душ родившихся в приходе детей (424 мальчика и 434 девочки); повенчано сочетавшихся браком - 162 пары и погребено «на кладбище близ церкви» - 570 умерших.

В 1832 г. на 46 году жизни умирает священник Дмитрий Алексеев сын Хорошилов, последний священнослужитель Воскресенской церкви с.Полянского из фамилии Хорошиловых. Дяконом и дьячком еще продолжают при ней служить в это время его двоюродные братья Павел и Гавриил Ивановы дети Хорошиловы, но священника с такой фамилией больше в селе не будет. Представители этой династии были священно-церковнослужителями церкви с.Полянского от момента ее постройки и освящения на протяжении более 150 лет.

Интересно, что женой Д.А.Хорошилова была дочь Курского помещика, корнета И.М. Ванина. Д.Ванино, недалеко от села Полянского, была вотчиной ее отца и входила в приход Введенской церкви с.Орехова (в наше время с Пименово). Став попадшей и перейдя на жительство к мужу, она сохранила за собой крепостную семью, доставшуюся от отца в наследство - семью дворового Фоки Тихонова сына Демехова, К тридцатым годам XIX века крепостной Фока умирает, но счет крепостных попадши пополняет Федосей Михеев сын Вялый - зять умершего Фоки и муж его дочери Дарьи.

И опять же тайна, как связались вместе судьбы двух достаточно разных людей - сельского священника и дочери помещика, дворянина. Почему-то хочется верить, что определяющим было настоящее, светлое чувство, верить в то, что встретились однажды их взгляды в толпе людской и вздрогнули, вострепнулись сладко сердца от непонятного, от неиспытанного прежде.

По смерти мужа вдова Надежда Ивановна Хорошилова уже в январе 1833 г. отдает в замужество свою старшую 17-летнюю дочь Анфису за бывшего ученика богословия, сына священника с.Конышевки Льговской округи церкви Преподобного Иоанна Рыльского - Василия Васильева сына Ершова. Этот ее зять и становится новым священником Воскресенской церкви с.Полянского.

Через 3 года, в августе 1836 г., бывшая попадья отдает в замужество свою среднюю дочь, 16-летнюю девицу Александру, опять же за сына священника и ученика Рыльского уездного училища. Эта дочь переехала на жительство к му-

жу в Рыльский уезд. В с.Полянском с вдовой Хорошиловой остались двое несовершеннолетних детей: дочь Мария и сын Александр. Была за ней по-прежнему и крепостная семья.

Кроме двух дворов с семьями нового священника В.В.Ершова и бывшей попадьи, в селе было еще три обжитых двора с семьями диакона, дьячка и пономаря.

Сорокадвухлетний Диакон Павел Иванов сын Хорошилов и его жена Акулина, годами ровесница мужу, имели 2-х дочерей и 2-х сыновей. Старший из сыновей, Михаил, в 1831 г. в возрасте 19 лет «по разбору поступил в светскую службу». Младший - Яков, нареченный, видимо, в память своего деда, священника Воскресенской церкви, учился в Курском духовном училище.

Старший родной брат диакона, 52-х летний дьячок Гавриил Иванов сын Хорошилов, начинавший служение свое с пономаря, жил в с. Полянском с женой Агафьей, возрастом бывшей моложе мужа на 17 лет. У них было три дочери и четыре сына. Из сыновей только третьяк Петр был при отце. Старший, также Петр, в 1815 г. «поступил по желанию в военную службу», младший Николай в 1830 г. был определен пономарем к Благовещенской церкви г.Курска. Еще один сын - Ларион - учился в Курском духовном училище.

Двадцатипятилетний пономарь церкви с.Полянского Алексей Матвеев сын Иванов был определен к этой должности в 1826 г., а прежде состоял при отце своем - дьячке Крестовоздвиженской церкви с.Никольского Щигровского уезда. Жил он в селе с женой Еленой и двумя малолетними сыновьями, Стефаном и Иваном. Из Щигровского уезда пономарь попал в Полянское, вероятнее всего, через дворянку В.М.Хоныкову. Щигровская помещица, поручица Варвара Михайловна, в 1806 г. купила у статского советника С.М.Анненкова крепостных крестьян и земли в д.Касторной. Через два года она переводит из с.Никольского Щигровской округи в новокупленную деревню еще 18 душ крепостных.

Жертвуя средства на храм, помещики, естественно, имели какое-то влияние и на его служителей. Потому вполне могло быть, что на освободившееся пономарское место помещица Хоныкова предложила известного ей по церкви с.Никольского человека.

В 1833 г. пономарь Алексей Иванов хоронит на прицерковном Полянском кладбище своего 19-летнего родного брата из Щигровской округи. Помещица Хоныкова В.М в октябре 1832 г. здесь же хоронит свою 68-летнюю дворовую Евдокию Иванову дочь, из Щигровского с.Вышнего Теребужа.

Удивительно еще и то, что ровно через семь десятков лет, в самом начале XX века, придет в село Полянское служить священником Воскресенской церкви внук этого самого пономаря Алексея, но об этом в свое время.

В начале XIX века относительно небольшой промежуток времени служил в приходской церкви села священник Григорий Олимпиев Афанасьев. К 1830 г. он овдовел и вместе с малолетними сыновьями - 4-х летним и 2-х месячным - был переведен в Дмитриевскую церковь недалекого с.Жердева. Обращает на себя внимание его местная крестьянская фамилия, однако подтверждения тому, что он выходец из крестьян или дворовых, обнаружить не удалось.

Итак, в 1834 г. в с.Полянском проживало 4 священно-церковнослужителя и восемнадцать членов их семей, всего 22 души. Пять крытых соломой хат духовных людей располагались, как и прежде, у Воскресенской церкви с запада, за ними круто спускавшиеся к р. Курице огороды, еще дальше, вплоть до самой речки - церковный луг, прозванный в народе «поповым лугом».

Жил этот народ скромно и даже бедно, можно исключить только бывшую попадью Хорошилову - Ванину, ввиду наличия у нее крепостной семьи.

В XIX веке продолжилось начавшееся в предыдущем веке оскуднение и обеднение сельского духовенства. Только в 1828 г. император Николай I, продолжая когда-то начатое отцом дело по исправлению этого, высказал пожелание: «чтобы чин духовный имел все средства к прохождению служения своего, не препинаясь заботами о жизни». Был образован «Комитет по приисканию средств для обеспечения сельского духовенства». Наибеднейшим приходам государством оказывалась денежная помощь. Однако уже в 1860 г. всякая помощь приходам была прекращена. С крестьян, в силу закона того времени, сельское духовенство не могло ничего брать за требы.

ПОМЕЩИЦА ЗВЯГИНЦЕВА К.П. ЖИТЕЛИ с. ПОЛЯНСКОГО 1858 г. ОТМЕНА РАБСТВА

*«Всего, что было, - уже нет,
Всего что будет, - еще нет».*
(Альфред Мюссе)

Помещик П.А.Денисьев умер в июле 1845 г., на 70-м году жизни. Наследниками стали четверо его детей: сын Николай - продолжительное время предводитель дворянства Рыльского уезда, камер-юнкер, и три дочери, отданные в замужество за дворян - Стремоухова, Ильинского и Мишина.

После смерти родителя дети не проявили интереса к сохранению за кем-либо из них Жеребцовского имения с селом Полянским. И как это часто бывает после ухода из жизни активного, деятельного человека, плоды трудов его «праведных» утрачиваются нерасторопными потомками в одночасье. Почти тоже произошло и с имениями Денисьева: уже к середине 50 г. XIX века земли и крепостные д. Жеребцовой, соседних сел Полянского и Орехова (Пименово) стали принадлежать жене статского советника Клеопатре Петровне Звягинцевой.

Родовое имение дворян Звягинцевых находилось в с. Звягинцеве Фатежского уезда, но и для описываемых мест эта дворянская фамилия не была новой. Еще в середине XVIII века дворяне Звягинцевы - Гаврила Федоров и Пимен Тимофеев - владели землями и частью крепостных в селе Орехове, ближайшем из сёл к югу от с.Полянского. Именно помещик, коллежский ассессор

Пимен Тимофеев сын Звягинцев, ново поселил у северной окраины с. Орехова деревню, и прозвана она его именем. В XX веке, уже в первые годы Советской власти, с. Орехово и д. Пименово административно были объединены и стали с. Пименовым. Так исконное, историческое название села, возникшего, возможно, от упомянутого в Писцовых книгах конца XVII века по Курскому уезду помещика Орехова Федора Кондратьева сына, было утрачено. Дворяне же Звягинцевы, пусть не фамилией, а только именем одного из представителей рода своего (Пимена), все же «наследили» в наших местах.

В апреле 1858 г. в с. Полянском у помещицы статской советницы Клеопатры Петровой дочери Звягинцевой «состояло душ мужского и женского пола» - 204 крестьянские души в 19 дворах. Кто же жил в селе Полянском 150 лет тому назад?

Первым, начиная от южной окраины села, был крестьянский двор 59-летнего Федота Максимова сына Козлова с женой его - Анной Ильиной дочерью, 58 лет. Было у них четыре сына: Василий 24 лет, отданный в 1854 г. в рекруты; Максим 22 лет; Иван 17 лет и Федор 14 лет. У второго сына были жена Вера 21 года и дочь Евдокия 2 лет. Жил одним двором с Федотом и его двоюродный брат Илья Афанасьев сын, 40 лет, с женой своей Агриппиной, 39 лет, сыновьями: Иваном - 11 лет, младенцем Семеном и дочерьми: Агафьей - 9 лет, Евдокией - 4 лет. Вот такая крестьянская семья, всего 14 душ (один в солдатах).

Вторым двором был двор умершего в 1855 г. в возрасте 37 лет Семена Максимова сына Козлова и жены его Агриппины Вуколовой дочери - 42 лет. Дети их, сыновья: Егор - 25 лет, Борис - 12 лет, Иван - 6 лет; дочери: Агафья - 14 лет, Анастасия - 8 лет. У сына Егора была жена Параскева - 23 лет, и дочери: Фиона - 4 года, и Степанида - 1 год. В общей купе с ними жил и родной брат умершего хозяина - Иван Максимов сын Козлов - 39 лет, с женою Фионой Ивановой дочерью - 36 лет с детьми, сыновьями: Василием - 12 лет, Гаврилой - 10 лет, Леонтием - 6 лет, и дочерью 16 лет Анной. Итого во дворе было 15 душ.

Третий двор - 78 летнего крепостного Антона Ермолаева сына Старикова. Жил с ним сын Василий, 34 лет, с женою Марфой, 31 года и детьми: сыном Григорием - 8 лет и дочерью Акулиной - 5 лет. Кроме того, в этом же дворе жили Антона Ермолаева родные братья: Семен - 66 лет с женою Дарьей - 57 лет, и Мартын, 60 лет, с женою Марьей, 36 лет, сыном Василием, 10 лет, падчерицей Марфой, 13 лет, «приемышем», переведенным в 1855 г. из сельца Жеребцова (Петровское) - Фирсом Михайловым сыном - 25 лет с женою Лукерьей - 21 год. Итого 12 душ. В этой семье обращает на себя внимание, по - видимому, повторный разновозрастной брак 60-летнего Мартына с 36-летней Марьей. По всему главной «сватеей» была новая помещица.

В четвертом дворе за хозяйку была 47-летняя вдова Агриппина Антоновна дочь. Муж её Василий Иванов сын Стариков умер в 1856 г. в возрасте 44 лет. В этом же дворе жили: невестка умершего хозяина Пелагея Иванова дочь, 50 лет; «приемышка». Филипп 30 лет, Данил 24 года, и Петр 17 лет, Савельевы дети; первые двое с женами своими, соответственно Агафьей Ильиной дочерью 27 лет и Дарьей 23 лет; у старшего племянника Филиппа были дети: дочь Акулина 7 лет и сыновья - Федор 3 лет, Николай младенец. Итого во дворе 11 душ.

Пятым был двор умершего в 1855 году в возрасте 56 лет крепостного крестьянина Макара Гордеева сына Киреева. У него осталось два сына. Первый - 38-летний Матвей с женой Евдокией, 38 лет, и детьми, сыновьями: Дмитрием 11 лет, Андреем 8 лет, Петром 3 лет; дочерью Ефросиньей 5 лет. Второй сын умершего хозяина - Филипп, 31 года, с женой его Фионой 27 лет и детьми, сыновьями - старшим 7,5 лет, младшим Никифором 6 лет; дочерьми - Ефросинией 9 лет, Екатериной 3 лет и Варварой 1 года.

В шестом дворе жил Гаврила Стефанов сын Афанасьев, 52 лет, с женою Марьей, 37 лет. Их сын, 22-летний Никанор с женою Лукерьей, 23 лет. В этом же дворе жили и другие сыновья хозяина: Сергей - 14 лет и малолетний Фёдор - 3 лет; его, Гаврилы Стефанова сына, дочери: Анастасия 10 лет, Матрена 8 лет, Анна 6 лет. Его же родной брат Николай Стефанов сын 49 лет с женою Ириной 48 лет. Итого во дворе 10 душ.

Седьмым был двор овдовевшего крепостного Андрея Ефимова сына Козлова, 64 лет. Жил с ним сын его Кузьма 34 лет с женой Ефросинией 33 лет и детьми их: сыновьями - Романом 13 лет, Прокопием 5 лет, младенцем Иваном и дочерью Ксенией 3 лет. В этом же дворе жил родной брат хозяина - Николай Ефимов сын 56 лет с женой Василисой 36 лет; Николаевы дети: сын Иван 32 лет с женой Евдокией 22 лет и дочерью Ириной 1 год; сын Лука Николаев 4 лет; дочери Евдокия 14 лет, Анна 10 лет. Была ещё внучка Андрея Ефимова - Екатерина 11 лет. Итого 16 душ.

Восьмым был двор умершего в 1854 г. в возрасте 41 года крепостного Фирса Ильина Киреева. Жили в нем: жена его, Фирса, Екатерина 57 лет, сын их Василий 21 года с женой Ксенией 21 года и сыном младенцем Николаем. Его же Фирса мать - 72-летняя Пелагея Михайлова дочь; брат родной Василий Ильин сын 32 лет с женой Феклой 33 лет, их дочерьми - Ириной 4 года и Ксенией 2 лет. В этом же дворе были дочери Фирса Ильина: Марфа 13 лет, Татьяна 10 лет и Марья 6 лет. Итого 12 душ.

Девятый двор был за умершим в 1858 г. 58-летним крестьянином Александром Кузьминым сыном Киреевым. Жили в нем три сына его - старший 40-летний Яков с женой Матреной 42 лет с детьми: сыновьями - Семеном 11 лет, Стефаном 8 лет; дочерьми - Анастасией 8 лет и Ефросинией 6 лет. Средний сын Иван 37 лет с женой Матреной 30 лет и пасынком Стефаном 5 лет. Младший сын Тимофей умер раньше отца, в 1855г. в возрасте 21 года. Итого в дворе было 9 душ.

Десятый двор - крепостного крестьянина Григория Михайлова сына Афанасьева, 51 года, с женою Параскевой 45 лет. У них сын Петр 20 лет с женой Ириной 20 лет и полугодовалой дочерью Анной. Другой сын - Василий 15 лет; дочери Григория Михайлова: Ирина 14 лет, Февронья 3 лет. Родной брат Григория - Василий 35 лет, его жена Марфа 35 лет, их дети: сыновья - Афанасий 10 лет, Гаврила 8 лет, младенец Федор; дочь Ксения 12 лет. Двоюродные братья Григория - Афанасий 26 лет, умерший в 1851 г. и Силай 32 года. Итого 15 душ.

Одиннадцатый - Ильи Назарова сына Логвинова, 57 лет, его жены Марины 53 лет и сына их, 17-летнего Якова. Родной брат Ильи Назарова - Василий умер в 1850 г. в возрасте 41 года. В этом же дворе жил зять Ильи - Стефан 21 года, Курский край. № 11-12 (74-75)

переведенный из д. Жеребцовой (Петровской) в 1855г., жена его Евдокия 21 года и дочь - младенец Пелагея. Итого 6 душ.

Двенадцатым был двор 34-летнего Алексея Петрова сына Логвинова с женой его Марфой 36 лет и их дочерью Матреной 3 лет. Был ещё родной брат Алексея Петрова - Нестор Петров сын 31 года, жена его Параскева 34 лет, их дети: сыновья - Борис 6 лет, Василий 1 года; дочь - Анна 11 лет. Итого 8 душ во дворе этом.

Тринадцатый двор - крестьянина Елисея Иванова сына Логвинова, 42 лет, с женой Агафьей 43 лет, их детьми: сыном Стефаном и дочерьми - Домной 9 лет, Дарьей 5 лет. В этом же дворе жил родной брат Елисея Иванова - Егор 34 лет, его жена Евдокия 34 лет и дочь Татьяна 9 лет. Был ещё родной брат Тит Иванов сын, но его в 1854 году восемнадцатилетним отдали в рекруты. Итого в 13 дворе 8 крепостных душ.

Четырнадцатый двор - крестьянина Александра Антонова сына Некрасова, 45 лет, с женою Натальей 43 лет, его матерью Евдокией 61 года. Дети Александра Антонова сына: сыновья - Федор 21 года с женой Настасьей 18 лет, Сергей 15 лет; дочь Дарья 1 года. Вместе с Александром одним двором жили родные братья его: Андрей Антонов сын, 31 год, с женой Ефимией 29 лет, их дочерьми - Евдокией 8 лет, младенцем Матрёной; Тарас Антонов сын 26 лет с женой Марфой 24 лет, их дочерью Натальей 2 лет; Василий Антонов сын - 16 лет. Был ещё Михаила Антонов сын, 17-летним в 1855 году отданный в рекруты. Итого 15 душ.

Пятнадцатый двор - крестьянина Саватия Петрова сына Некрасова 47 лет. Жена его Евдокия 18 лет. Саватия брат родной - Михайла 45 лет с женой Еленой 41 года, их детьми: сыновьями - Стефаном 9 лет, Иваном 6 лет и дочерью Пелагеей 13 лет. Итого 8 душ.

В шестнадцатом дворе жил 45-летний Пётр Григорьев сын Некрасов с женой Марфой 45 лет, и детьми: дочерью Пелагеей 13 лет, сыном Константином 11 лет. В этом же дворе жили: вдовая мать Петра - Евдокия, 61 год, и родной брат Федот 28 лет с женой Параскевой 29 лет, сыновьями - Семеном 9 лет, Иваном 7 лет. Итого 9 душ.

Семнадцатый двор - крепостного крестьянина Лариона Иванова сына Некрасова, умершего в 1854 г. в возрасте 49 лет. Были у него сыновья: Иван 26 лет, Борис 17 лет, и ещё Иван, который был переведен в сельцо Петровское (Жеребцово). Итого 2 души.

Восемнадцатым, был двор Федора Степанова сына Мухина, умершего в 1852 г. в возрасте 51 года. Жена его Василиса 57 лет, сын Иван 30 лет был «отдан в ратники в 1855 г. и не воротился». Пасынки Фёдора Степанова сына: Григорий 22 года, Иван 15 лет, Василий 10 лет. У «отданного в ратники» Ивана была жена - Евгения 43 лет, их дочери: Василиса 7 лет, Марфа 2 лет. Второй сын Фёдора Степанова - Павел 32 лет, его жена Акулина 28 лет, их дочери: Варвара 7 лет, Наталья 2 года. Пасынок Григорий также был семейным, его жена Феврония 22 лет, дочь Евдокия 1 год. Итого в этом дворе было 13 душ крестьянских.

И, наконец, последний, девятнадцатый двор, был за крестьянином Вуколом Агеевым Клюшевым, 67 лет. Кроме него в этом дворе жили: Вуколова жена Татьяна 60 лет, их сын Василий 28 лет, с женою Евдокией 28 лет, их двухлеток сын Яков; другой сын - Евдоким Вуколов 12 лет; а также Вуколовы внуки - Алексей 14 лет и Андрей 12 лет. Был ещё пасынок Семён, умерший в 1858 г. в возрасте 15 лет. Итого в этом дворе было 8 душ.

Из перечисленных выше Полянских крестьян «все души к 15 числу апреля 1858 г. в наличности бывшая, показаны и пропущенных нет, в том Статская советница Клеопатра Петрова дочь Звягинцева руку приложила». Всего на этот период в с. Полянском было крестьян Козловых - 3 двора, Стариковых - 2 двора, Киреевых - 3 двора, Афанасьевых - 2 двора, Логвиновых - 3 двора, Некрасовых - 4 двора, и по одному двору крестьян Мухиных и Клюшевых.

Ушедшие людские поколения... Мы, живущие в настоящем времени, просто обязаны помнить о тех, кто прежде нас жил на этой земле, иначе мало что останется в нас истинно человеческого. Прекрасные строки написал по этому поводу в XIX веке С.Т.Аксаков; изумительные по смысловому содержанию строки, и потому не поленюсь и приведу их полностью, без сокращений.

«Прощайте, мои светлые и темные образы, мои добрые и недобрые люди, или, лучше сказать, образы, в которых есть и светлые и тёмные стороны, люди, в которых есть, и доброе и худое! Вы не великие герои, не громкие личности; в тишине и безвестности прошли вы своё земное поприще и давно, очень давно его оставили: но вы были люди, и ваша внешняя и внутренняя жизнь так же исполнена поэзии, так же любопытна и поучительна для нас, как мы и наша жизнь, в свою очередь, будем любопытны и поучительны для потомков. Вы были такие же действующие лица великого всемирного зрелища, с незапамятных времён представляемого человечеством, и так же добросовестно разыгрывали свои роли, как и все люди, и так же стоите воспоминания... Да не оскорбится же ни когда память ваша никаким пристрастным судом, никаким легкомысленным словом!».

К.П.Звягинцевой суждено было быть последней помещицей, имевшей в своей собственности рабов в с.Полянском. Наконец-то и в России наступило время, когда люди перестали быть товаром. В 1856 г. император Александр II заявил московским дворянам о намерении отменить крепостное право. 3 января 1857 г. он настоял на начале решительной подготовки реформы и учредил в Петербурге Секретный комитет по крестьянскому делу, в который вошли высшие сановники империи. Царь говорил, что дворянство «срамит себя» своим нежеланием помочь крестьянам и улучшить их жизнь. 19 февраля 1861 г., в шестую годовщину своего вступления на престол, Александр II подписал «Манифест» и «Положения», уничтожавшие крепостное право в России. Ко времени великих реформ 60-70 гг. XIX века помещичьи (крепостные) крестьяне составляли 37% населения России, они не имели никаких гражданских и имущественных прав. После крестьянской реформы обрели свободу 23 млн. человек, в их числе крепостные помещицы Звягинцевой с.Полянского, д.Пименово, Марьино тож, с.Орехова, д.Жеребцовой, д.Нартовой; крепостные помещика Филиппова - в д.Анпилоговой, помещиков Золотаревых и Жилиевых - в деревнях Саморядове, Курский край. № 11-12 (74-75)

Фролово тож, и Жилияеве, помещиков Лукиных, Жилияевых, Жердевых, Овсянниковых, Токаревых - в д.Лукиной и в с.Жердеве. С 1861 г. крестьяне этих помещиков получили возможность свободно распоряжаться собой, а также получили ряд гражданских прав: заключать разного рода гражданские и имущественные сделки, открывать торговые и промышленные заведения, выступать от своего имени в суде, переходить в другие сословия. Однако они не получали сразу землю в собственность, им на кабальных условиях было предложено выкупить её у помещиков, что по сути напоминало прежнюю барщину. Крепостные крестьяне с. Полянского и ближайшей к нему округи были переведены в разряд временнообязанных и экономически зависели от прежних своих хозяев - помещиков, по меньшей мере на протяжении 20 последующих лет.

«По селу Полянскому до обнародования положения в пользовании крестьян состояло пахотной земли по 7 десятин 1200 саж.² на тягло; сенокосной по лесу, кустарнику и чистому месту - 73 дес. 2185 саж.², наличных тягол к 1 января 1861 г. в имении было - 32, а потому всей полевой земли у крестьян было 313 дес. 2185 саж.². Сверх этой земли состояло собственно под крестьянскую усадельную оседлостью 24 дес. 1252 саж.², и выгоном 11 дес. 2170 саж.². Всей же земли полевой и усадельной с выгоном, состояло в пользовании крестьян... 350 дес. 807 саж.».

Итак, с 1861 г. полянские крестьяне перестали быть крепостными, и перешли в разряд «бывших помещичьих», временно обязанных. По бедности своей они не смогли приобрести земельные наделы за выкуп в мирскую или единоличную собственность. Однако, волей реформаторов, они все же получили её в бессрочное пользование, но через 20 лет обязаны были заплатить за неё выкуп. В противном случае земля опять перешла бы помещице Звягинцевой.

К моменту реформы в с. Полянском проживало 98 душ крестьян мужского пола, именно на них производился расчет земельного надела; женщины во внимание не брались. Из числа указанных крестьян «одна душа поселена на землях д.Нартовой, где получит в пользование определенный положением надел, а по с.Полянскому из счета ревизских душ для получения земли в постоянное пользование исключается. За тем должны, на основании положения, получить в пользование поземельный надел 97 душ». Выделялось 2 десятины 1800 саж.² на ревизскую душу, «за это рабочих дней мужских 40 и 30 женских». Итого по с.Полянскому 3880 мужских и 2910 женских дней. Указывалось и время работы: «три пятых» с 1 апреля по 1 октября, а «две пятых» в течение зимнего периода. Кроме того, полянские крестьяне должны были помещице «за каждый душевой надел 9 руб. серебром» и «2 руб. 50 коп. на ревизскую душу». Всего «надлежало платить» по оброчной повинности 873 руб., а общая выкупная сумма составляла 4042 руб. 4 коп. Кроме того, помещица Звягинцева заявляла: «Все рыбные ловли по-прежнему остаются в моём исключительном пользовании».

И всё-таки, впервые за прошедшие сотни лет, с крепостными крестьянами стали хоть в чем-то, но считаться, и признавать в них людей. В документах того времени фамилии исконных крепостных появляются рядом с фамилией «владелицы», причем в качестве «уполномоченных». Прежде это было просто невымыслимым и даже из области фантастики. Теперь эти люди, когда-то освобожден-

ные даже от присяги на верность государю (1741 г.), то есть формально вычеркнутые из числа подданных страны - в документах что-то «объявляли» и чего-то «желали».

«Акт. 1862 г. сентября 30 дня. Мировым посредником Курского уезда 3 участка в присутствии самой владелицы Статской Советницы Клеопатры Петровны Звягинцевой при 24-х человеках уполномоченных от сельского общества ...села Полянского старосте Елисее Логвинове, крестьянах: Василии Афанасьеве, Козьме Козлове, Андрее Некрасове, Иване Козлове, Василии Старикове..., и при шести посторонних свидетелях государственных крестьянах (бывшие одноклассники, служилые по прибору) деревни Тутовой: Василии Тутове, Николае Тутове и Еремее Волобуеве - о том, что крестьяне села Полянского объявили желание, чтобы у них излишняя земля была отрезана под Духовцом около 7½ десятины, в дачах Голубицкой, остальная земля должна быть отрезана из сенокоса около, Венного озера». Как же получилось, что у полянских крестьян оказалась «излишняя земля»? А всё дело в том, что излишней она стала опять же по воле помещицы и дворян-реформаторов. «Количество земли, по расчету высшего душевого надела определённого 15 сажень», по крестьянским сельским обществам было следующим: Петровское (д.Жеребцово) - 671 десятина, Полянское - 266¾ дес., Марьинское (д.Пименово) - 272¼ дес., Нартовское - 132 дес.; «остальная земля сверх сего количества, бывшая до сего времени в пользовании крестьян в размере по сельцу Петровскому - 168 дес. 629 саж., селу Полянскому 83 дес. 1407 саж., деревни Марьиной - 161 дес. 641 саж., деревни Нартовой - 1197 саж. отрезывается от их надела на основании 18 статьи местного положения и обращается в непосредственное мое (помещицы Звягинцевой) распоряжение». Потому бывшие крепостные крестьяне села Полянского поспешили «объявить желание», чтобы помещица отобрала у них более неудобные и бедные земли, например песчаные «под д.Духовец».

К 1866 году за полянскими крестьянами состояло «пашенной земли - 186 дес. 1519 саж.², сеного покосу - 2 дес. 982 саж.², под поселением, огородами, гуменниками и конопляниками - 24 дес. 1252 саж.², под выгоном - 10 дес. 1870 саж.², под полуречкою - 1240 саж.², под проселочными дорогами - 2 дес. «Кроме того, у них была земля «в даче части пустоши, что была д.Позднякова», - «всего удобной и неудобной земли 42 десятины 1977 сажень², а за исключением неудобных мест осталось одной удобной земли 42 дес. 977 саж.² В этом земельном наделе было «сеного покосу чистого - 19 дес. 485 саж.², сеного покосу с кустарником - 23 дес. 492 саж.², под половинами речки и протоки Ровца - 1000 саж.²

С юга земли с.Полянского граничили с владениями временно обязанных крестьян сельца Петровского (Жеребцово) помещицы К.П.Звягинцевой». С юго-востока и востока к ним примыкали земли «части деревни Касторной, образовавшейся по специальному межеванию, владения коллежской регистраторши Зинаиды Петровой дочери Толубеевой» и «земля дачи деревни Касторной, владение государственных крестьян».

С севера и северо-востока: «Писцовая церковная земля - церкви Обновления Храма Воскресения Христова», владения села Полянского священно - церковнослужителей, отмеченная ещё в «прошлом межевании 1782 г.».

С северо-запада: «участок части земли села Полянского во владении К.П.Звягинцевой». Там же был «сенокосный участок 1 дес. 1106 саж., состоящий в даче хутора Дряблово прикасающийся к помещицкому винокуренному заводу».

И, наконец, с юга граничили с землями д. Фроловой, Саморядова тож, общими владениями Надворного Советника Ивана Петровича Анненкова и однодворцев, а так же владениями капитана Ивана Фёдоровича Жилиева «с прочими владельцами».

«А всего во всей окружной меже удобной и неудобной земли», у полянских крестьян было - 226 десятин 2063 сажень².

За год до отмены крепостного права (1860 г.), в селе Полянском по сведениям из «Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах выходящих из крепостной зависимости», имелось: 20 отдельных дворов, тягол издельных - 32, оброчных - нет, усадебной земли 8 дес., пахотной - 240 дес., на душу - 2,45 дес., сенокоса - 32 дес., выгону - 4 дес. Всего земли у крестьян - 292 дес., на душу - 2,98 дес.». получается, что в ходе реформы полянские крестьяне утратили 66 десятин земли. Всей земли у помещицы Звягинцевой в селе Полянском, и ближайшей к нему округе было 2547,5 дес., или 5,24 дес. - на отдельную подневольную душу.

Из приведённых выше сведений видно, что оброка полянские крестьяне до реформы помещице не платили, а по примеру большинства крепостных Курской губернии находились на барщине, то есть, установленное барыней число дней в неделе работали на её господском поле.

И все же, с февраля 1861 г. наступило долгожданное время освобождения от крепостной зависимости миллионов людских душ, наступило время «превратившее Ванек в Иванов, Васек в Васильев, Палашек в Пелагей». В 60 годах XIX века они сделались предметом общей заботы и общего участия: «основаны несколько газет для народа, явились общества грамотности и общество распространения в народе полезных книг, «товарищество общественная польза» и др.».

Перемены эти коснулись и крестьян села Полянского. Пройдет три десятилетия, и уже в среде бывшего крепостного крестьянства, начнётся процесс социального деления на беднейшее большинство и зажиточное меньшинство.

«Несовместимы жадность и пристрастие к богатству с любовью к Богу», но в жизни людской, порой почему то совместимо даже это.

Вот и помещица К.П.Звягинцева, одна из самых состоятельных дворянок в середине XIX века в Курском уезде, по-видимому была боголюбива. В 1866 г. она жертвует средства на капитальный ремонт Воскресенской церкви с.Полянского, пристраивает к ней два придела; внутри храма, нижняя часть стен облицовывается лазурной керамической плиткой, обновляются росписи стен и сводов. В церкви появляется третий престол - в память глубокопочтимого народом Николая Чудотворца, т.е. она становится трех престольной. «Главный во имя Обновления Храма Воскресения Христова, по правую сторону во имя Корсунские Божие Матери, по левую сторону во имя святителя и чудотворца Николая». После пристройки приделов Воскресенская церковь, по внешнему периметру стен, приобретает округлую крестообразную форму. На одной оси с

центральной, «большой» главой, над приделами сооружаются, «малые» главы, так же оканчивающиеся крестами. По завершению работ, храм вновь был освящен, и 1866г. стал годом третьего его рождения.

УКЛАД ЖИЗНИ. НОВЫЕ ПОМЕЩИКИ. ОБРАЗОВАНИЕ...

«Болящая язва нашего времени - это страсть к быстрой наживе ради воображаемого полного наслаждения жизнью - может ли она ужиться с тихим и кротким светом святой веры? Когда тысячи теснятся на пути к богатству и роскоши.

(К.Е.В., № 17., 1880 год)

В XIX веке, общий уклад крестьянской жизни мало, чем изменился. Как и прежде, все отмеренные свыше дни земные, уходили на битву за хлеб насущный. И в труде каждодневном, зачастую не имел он и куска хлеба ржаного к столу своему. Так же как и предки его с тревогой, мольбой и потаённой надеждой, смотрел он на засеянное поле, размышляя, что же получит в жнитву? Протянет ли семья его, без голода, до следующей нови?

Теми же прадедовскими орудиями, должен был он обработать и засеять землю, вырастить и убрать урожай. На всё это погодными, сезонными условиями отводилось 4-5 месяцев. В иные годы, казалось все шло наперекор его труду - то засуха, то дожди бесконечные с ветрами - бурями и градом, то заморозки запоздалые или совсем уже ранние, то саранча и прочие вредители тучами. И не было счета тому, что должен преодолеть землепашец, прежде чем коснутся руки его зерна золотого, а душа наполнится радостью святою.

А ещё в эти самые месяцы, нужно было избу к суровой зиме подготовить, наготовить сена и прочего корма скотине. В иные, совсем уж тяжкие дни, когда все возвращенное руками его, гибло вдруг одним махом, в дни эти жизнь казалась крестьянину сплошным проклятием, словно самим названием сословия своего обречен он на пожизненные крестные муки.

В метрической книге Воскресенской церкви села Полянского за 1829 г., на одном из листов вместо положенных записей, обнаруживается писанная той же рукой что и прежде, краткая запись - отчет помещику приходской деревни Анпилоговой «его высокопревосходительству действительному статскому советнику Фёдору Филипповичу в г.Елец...: и заново роздано хлеба крестьянам на прокормление, а теперь хлеба в нас нет и дворовым нечего давать с первого числа марта... ещё не платил бедный крестьянин, недоплатили 20 сер. руб. А как изволили приказать взять в (у) старосты, а он нам сказал, что в имении денег нет, а ещё вы изволили приказать собрать за год подушные деньги, то все

Курский край. № 11-12 (74-75)

пошли крестьяне в заработки для хлеба, а хлеба осталось только до урожая нового в 10 дворах».

Орловский помещик Ф.Ф.Филиппов «освоился» в д. Анпилоговой в конце XVIII, начале XIX века. Землю и крестьян он приобрёл видимо у Анненковых, потому как прежде этого, только они были помещиками в этой деревне. Уже к середине XIX века сын его Дмитрий Федорович имел в Анпилоговой 468 дес. земли, и по её количеству был вторым после Звягинцевой помещиком в ближайшей к с.Полянскому округе. В 1858 г. у него возникла судебная «тяжба» с курским купцом Гостевым. Произошла она, по причине подтопи сельскохозяйственных лугов, принадлежащих ему Филиппову Д.Ф. и поручице Лукиной, вновь устроенной мельницей на реке Курице. Были поданы жалобы владельцев лугов о «понесенных через подтоп убытках». Курским земским судом 19 мая 1858 г. было начато дело. На место для «исследования причин» послали станового пристава 2-го стана Богаева. Побывав на месте, рапортом он доносил: «что в поручении у него находится дело против прошения штаб-с капитана Дмитрия Филиппова и поручицы Лукиной, о подтопи сенокосных лугов вновь устроенным крупчатым заводом на реке Курице арендатором статской советницы Звягинцевой Курским купцом Гостевым, по этому делу для освидетельствования устройства завода яловой скрыни и знанию до какой степени происходит подток противу прежде существовавшего устройства раструсной мельницы необходим инженер». Однако купец видимо сумел договориться с местными помещиками и без суда. «По прибытии инженера подали мировое прошение, которым прекратили все свои претензии на арендатора мельницы Гостева, почему и ни какого исследования не было». Деньги всемогущи в мире людском, они и ссорят, они же и умиротворяют могут.

Старинное трёхпольное земледелие, которому следовали наши предки, с незапамятных времен, оставалось и в XIX веке всеобщим - «земледелие самое невыгодное, непрерывно истощающее землю, лишаящее... ежегодно, целой трети земных произведений ...ограничивающее производительность почти одним зерновым хлебом, при неурожаях которого» возникала опасность голода. Земледелие оставалось на «низшей степени, в состоянии младенчества». А в эти же самые времена, уже почти во всей Западной Европе «разделили пахотное поле на шесть, на восемь и более полей, или участков... и там совершенно уничтожили праздные паровые поля», располагали посевами так, что бы предыдущий благоприятствовал последующему, попеременным оборотом зернового хлеба, огородных овощей и кормовых трав; «там разложили землю химически - стараясь поправить недостатки её, соответственными удобрениями».

У нас же было всё по старому и как это похоже на нас - иметь всё необходимое вокруг, буквально у ног своих, и быть нищими и голодными. Проблема недостатка продуктов питания постоянно преследовала наш народ, назойливо и неразрешимо переходя из века в век. Доходило до того, что представители власти предлагали «заменять хлеб, в случае его неурожая, другими растениями», например обыкновенным мхом, употребляемым для оконпачивания деревянных домов. Рекомендовали «его выполоскать в воде, высушить в печи, или овине, потом истолочь или смолоть, потом смешать две части его с одной ча-

стью ржаной муки и печь лепёшки». При этом оптимистично замечалось, что лепёшки эти «менее вредны, чем с опилками».

Тяжелому физическому труду и скудности питания, сопутствовали общая неустроенность и бедность крестьянского быта. По причине малолесья строились избы мазанки, с глинобитными, или просто земляными, затираемые глиняно-навозным раствором полами, потолков так же не было. Жильё это топились большей частью «по черному». Даже в начале XX века, по воспоминаниям старожилов, в с. Полянском и ближайшей к нему округе, были избы без печных труб, при топке печи, дымом наполнялась вся верхняя часть жилища, и выходил он через отверстие в соломенной крыше, или в специальное оконце выше дверного проёма. Потому в деревнях и сёлах довольно часто возникали пожары, жертвами пламени становились плоды долгих трудов и бережливости. Автор одной из статей в Курских губернских ведомостях за 1846 г. восклицал: «кому из сельских жителей не западает в душу страх при мысли лечь спать, с тем, что бы на другой день проснуться на пепелище дома».

В холодное время года скот содержали в сенцах, а в сильные морозы заводили и в саму избу. В ней же плели лапти, корзины, чинили сбрую; женщины сидели за прялками и готовили пряжу, а ближе к весне ткали холсты. Столовая и хозяйственная посуда в основной массе своей была деревянной и глиняной.

Русская печь выполняла роль универсального бытового прибора: в ней готовили, сушили, запаривали, на ней спали, грелись, в лютые морозы, когда вода в избе бралась льдом, на ней всей семьёй спасались от холода. В печи же мылись и банились, залезая за загнетку в её тесную протопленную утробу.

Ясно, что в таких условиях быта, выживали самые выносливые и неприхотливые. Часто возникали и быстро распространялись различные инфекционные заболевания, пресекавшие жизни десятков и даже сотен людей. Особенно высокой была детская смертность. Даже в конце XIX века Курская губерния относилась к числу 15, «в которых во всех возрастных группах детей до 1 года, смертность была выше средней по империи». За десятилетний период с 1881 г. по 1891 г., в среднем на 1000 родившихся младенцев, в губернии умерло 211 детей в возрасте до 1 года, а в Курском уезде - 302, выше была смертность только в самом г. Курске - 333 ребёнка на 1000 родившихся.

В 1882 г. в таблице родившихся, бракосочитавшихся и умерших в приходе Воскресенской церкви с. Полянского отмечено 150 душ родившихся младенцев, в тот же год умерло 107 человек, в том числе детей до 1 года 36 душ; 1-5 лет - 25 душ. В 1883 г. родилось 160 душ, умерло всего - 144, в том числе детей до 1 года - 41, детей 1-5 лет - 54 человека. В 1890 г. родилось - 151, умерло всего 121, в том числе детей в возрасте до 1 года - 38 душ, в возрасте 1-5 лет - 25. Итак, из числа родившихся детей, половина умирала в первые годы жизни.

Причинами особенно высокой смертности в 1890, 1891, 1892 годах были распространившиеся в Курской губернии брюшной тиф и оспа. В 1891 году наблюдалось более пагубное течение этих болезней в виду истощения населения от наступившего голода. В Курском уезде особенно сильно пострадали от неурожая Рышковская, Стрелецкая и Дьяконовская волости.

Ежегодными напастями в Полянском приходе, были корь, скарлатина, чашотка (туберкулёз), простуда. Умирали люди: «от болей в груди», «слёглой болезнью», «поноса», «от удушья», «от родов», «от болей в животе», «слабо рожденные», об умершем в преклонном возрасте писали - умер «натуральной» смертью. Такие посмертные «диагнозы» записывал священник в метрической книге.

Были и утопленники. Так в 1882 г. 27 апреля утонул в реке Курице сын полянского временно - обязанного крестьянина Афанасия Васильевича Афанасьева - 11 летний Николай, по предписанию станowego 2 стана захороненный на приходском кладбище. А вот трагедия другого рода: «в 1850 г. 26 января, Курского уезда, сельца Петровского (д. Жеребцовой) крестьянин помещицы Звягинцевой, Стефан Сорокин 30 лет, во время сушки в овине господского хлеба, от угару умер».

В 1883 г. очень много людей умерло в селе Полянском и ближайшей округе «от колотья», «скарлатины», «подвала и горлу» и кори. В декабре месяце этого года по всей округе была буквально повальная корь.

Медицинское обслуживание крестьянского населения в описываемой местности практически отсутствовало. Лечением больных занимались местные знахарки, или фельдшер-коновал. Всё исцеляющим лекарством были молитвы и заговоры, использовали настои трав и другие природные средства, знания о которых бережно передавались от поколения к поколению. Иностранец по поводу лечения русских отмечал следующее: «Больные почти не принимают никаких лекарств, если не считать водки, а так же воды, в которую погружают мощи святых. Кроме того, применяют окропление водой, освященной молитвами священников. Иногда они дают обет, большей частью Пресвятой Деве или тем, кого они почитают за святых».

Медицинское обслуживание простого народа несколько улучшилось с созданием земств. 1 января 1864 г. было обнародовано «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». На основе выборов создавались земские учреждения - губернские и уездные собрания и управы. Все избиратели делились на три группы (курии). В первую группу входили крестьяне. На сельском сходе они выбирали своих представителей на волостной сход, а там избирали гласных в уездное земское собрание, которое посылало представителей в губернское земское собрание. Земства стали ведать хозяйственным имуществом, дорогами, страхованием, больницами, благотворительными учреждениями. Они обеспечивали продовольствием больницы и тюрьмы. Пройдёт несколько лет, и в провинциях станут привычными земские учителя и врачи, агрономы и юристы. Появились земские врачи и в Курском уезде, однако их было недостаточно и уровень профессиональной подготовки как правило был невысок, да и простой народ мало доверял официальной медицине. В 1892 г., на очередном Курском уездном земском собрании, гласный дворянин Н.П.Звягинцев высказывал следующее мнение: «Если спросить поголовно все население о желательности врачебной помощи, то 9/10 выскажется против таковой..., известны случаи, что часто простые бабки излечивали лучше врачей, потому фельдшера и врачи могут быть потребны только во время эпидемий, а в обыкновенное время...врачей

вовсе не надо для населения...врачи принимают в один день по сотне и более больных и не в состоянии дать обстоятельного врачебного совета». Он считал деятельность «участкового врача бесполезною». На этом же собрании другой гласный дворянин Шеховцов П.Н. заявлял: «земский врач представляет собою аппарат для разбрасывания земских денег».

Ближайшим к с.Полянскому пунктом участкового земского врача, был пункт размещённый в д.Ванино.

В конце XIX века врачебный пункт возникает в усадьбе дворянина Севастьяна Севастьяновича Романовского, в деревне Лукиной. Надворный советник С.С.Романовский и его брат Александр Севастьянович были почетными мировыми судьями Курского уезда и, по всей видимости, имели прогрессивные по тем временам, демократические взгляды на общественное устройство. В самом начале XX века, за долго до революции, Романовский жертвует помещение в своей усадьбе под амбулаторный врачебный пункт, то есть в д. Лукиной возникает больница. Персонал врачей и все необходимое для работы переводится из села Старкова, где врачебный пункт закрывается. Однако уже в те годы отмечалось, «что значительная часть селений...например д.Анпилогово, с.Полянское, особенно селения, расположенные по левому берегу р.Курицы,...тяготеют к городской амбулатории, и таким образом не особенно нуждаются в приближении к ним медицинского пункта, часть же селений - с.Орехово, д.Жеребцово, д.Хардикова - обращаются так же в амбулаторию Дьяконовского медицинского участка». К Лукинской амбулатории были приписаны и отдалённые селения: с.Быканово, деревни Шуклина, Верхняя и Нижняя Мазнева, Рожнова. Лукинская больница просуществовала весь XX век, пережила революции, коллективизацию, войны, все партийно-хозяйственные переделы и переименования, однако в самом начале 21 века (2003 г.) по решению властей она была закрыта. Открытая в эпоху капитализма, как забота богатых о бедных, она и прекратила свое существование в эпоху возобновления капиталистических отношений, только теперь уже как результат полного пренебрежения к простым людям и кабинетного рационализма.

Несмотря на множественные жизненные трудности, все-таки в году выпадали крестьянину и отдельные праздные дни. Для крестьян Полянской округи, это прежде всего дни трех престольных праздников, а также дни больших церковных праздников. А отдохнуть душой и забыться весельем русский человек умел, тем более что нужно ему для этого совсем мало условий - было бы что выпить, да побольше и по забористей; «и схожахуся на игрища, на плясунья и на вся бесовская песни» как в стародавние летописные времена. В самых крупных и населенных деревнях Полянской округи - Анпилогово и Жеребцово, курскими купцами содержались питейные дома.

Неутомимая сельская и деревенская молодежь, после дневных трудов по вечерам собиралась на гульбища, а зимой, в одну из изб на посиделки. Причем границы села и каждой деревни были строго определены, и только самый отважный «чужак» решался их нарушить, что грозило ему как минимум побоями. Этот заведенный с исстари порядок сохранялся довольно долго, и порой молодежь села практически не знала сверстников из соседней деревни. Посещение

другой деревни, оправдывалось только поездкой к каким либо родственникам.

Осенью по завершении основных полевых работ и в дни рождественских праздников, крестьяне играли свадьбы и венчали молодых в приходской Воскресенской церкви. В 1882 г. в этом храме венчалось 27 пар. Причем в их числе из с. Полянского только два жениха и одна невеста. 17 января, под Крещение, венчались :временно-обязанный крестьянин с. Полянского Василий Петров сын Стариков 18-ти лет и 17-ти летняя девица Анастасия Лукина дочь Носова из д.Жеребцовой.

10 октября временно обязанный крестьянин Филипп Андреев сын Некрасов 18 лет и девица Ольга Ильина, дочь Захарова 18 лет из д.Саморядовой. В этот же день венчалась 19 летняя Варвара Яковлева дочь Логвинова выданная в замужество за крестьянина д.Саморядово, 24-х летнего Гавриила Яковлева сына Суворова.

В 1883 г. в Воскресенской церкви повенчано 32 пары бракосочетавшихся, в числе их только 2 полянских жениха. 29 июня венчался вторым браком 45-ти летний временно обязанный крестьянин Григорий Яковлев сын Козлов с крестьянкой, вдовой Дарьей Ивановой дочерью Тарасовой 27 лет из д.Касторной. 23 октября венчался первым браком 22-х летний временно обязанный крестьянин Михаил Григорьев сын Козлов с 19-летней девицей Екатериной Лаврентьевой дочерью Колбиной из д.Анахиной. После отмены крепостного права, крестьянские семьи самостоятельно определялись с выбором жениха или невесты, и обходились уже без указаний помещицы, потому и попала в с.Полянское невеста из д.Анахиной. В этом же году в Воскресенской церкви 18 сентября венчался «Черниговской губернии из дворян... состоящий на службе в г.Курске в чине капитана 2-й батареи и 4-й резервной артиллерийской бригады Дмитрий Никифоров сын Тарасов 38 лет (первым браком) с 18-ти летней дочерью помещика В.Н.Толубева д.Касторной, девицей Натальей Васильевой». Поручителями были: по невесте - ее брат, студент Харьковского Императорского университета Николай Васильев, по жениху два его друга, оба военные поручики.

В 1890 г. в церкви с.Полянского венчано 26 браков, в том числе с жителями самого села 4-е брака. 7 января венчались: третьим браком временно обязанный крестьянин Стефан Михайлович Некрасов 47 лет, с крестьянкой Анной Петровой дочерью Стариковой 30 лет (2 браком). 31 января венчались: 19-ти летний временно обязанный крестьянин Василий Семенов сын Киреев с 20 летней девицей Ольгой Тимофеевой дочерью из с. Косинова. 9 сентября, 19-ти летний крестьянин Георгий Максимов сын Козлов, с 18-ти летней девицей Домной Георгиевой дочерью из сельца Петровского (д.Жеребцово). И, наконец, 4 ноября, 19-летний Иван Васильев сын Стариков, с 17-летней односельчанкой, девицей Пелагией Васильевой дочерью Ключевой.

Из всех 26 повенчанных браков, приходилось: на январь - 10, на апрель - 2, сентябрь - 2, октябрь - 5, ноябрь - 7. В феврале, марте, мае, все летние месяцы и декабре - венчаний вовсе не было.

Но утихало шумное веселье праздников, переступали порог своего дома вновь в брак вступившие, и возвращалась поутру жизнь неприглядной обыденностью своей, уходил призрачный туман вчерашнего хмельного счастья.

В последней четверти XIX века вновь меняется сословный хозяин окрестных Полянских земель. Уже к 1883 г. Жеребцовское имение общей площадью 2533 десятин, с селами: Полянское и Орехово (Пименово), деревнями: Петровское (Жеребцово), Дряблово и Нартово, переходит от дворянки Клеопатры Звягинцевой к её сыну, тайному советнику А.И.Звягинцеву. В хозяйстве этого помещика из общего количества земли, пахотной было 1956 дес., под сенокосом - 105 дес., под выгоном - 34 дес., остальная земля отмечалась как «неудобная» и под лесом; 990 десятин пашни помещик отдавал в аренду крестьянам своих сел и деревень.

На рассматриваемый период наследник Звягинцев, по-прежнему оставался самым крупным землевладельцем Старковской волости. Из 14 помещиков этой волости, ведущих хозяйство в имениях свыше 50 десятин, только дворянка Е.И.Суковкина при деревне Плаксиной имела 1662 дес. земли, владения других были гораздо меньшими. У дворянки Е.Т.Недригайловой при д. Лукиной имелось 60 дес., у капитана И.М.Жердева при этой же деревне - 219 дес., у надворного советника С.С.Романовского, опять же в д.Лукино - 402 дес., у коллежского секретаря А.А.Овсянникова в селе Жердево - 85 дес., и у дворянина А.Д.Филиппова в д.Анпилогово - 505 дес.; в д.Касторной у помещика коллежского секретаря В.Н.Толубева - 200 дес.

Кроме того, было много мелкопоместных дворян, а именно: Жилиевы Козьма, Андрей, Захар, Никифор в с.Жердеве и д.Лукиной - 33 десятины (к концу XIX в. крестьяне Жилиевы: Жилиев Николай Степанович - 2 дес. в с.Жердеве; Жилиев Семен Леонович - дворянин, в деревне Фроловой (д.Саморядово) 8 дес. земли; дворянин Жилиев Иван Андреевич, в д.Фроловой 34 дес.; дворянин Жилиев Сергей Андреевич, в дер.Фроловой - 32 дес.; дворянин Жилиев Яков Семенович, в д.Фроловой - 4 дес.; вдова подполковника Тюрин Юлия Абрамовича в с.Жердеве - 49 дес.; малолетние дворяне Тюрины в с.Жердеве - 9 дес.; помещик Золотарев Игнатий Игнатьевич в д.Саморядовой и д.Касторной - 36 дес.; коллежский регистратор Токарев Капитон Алексеевич в с.Жердеве - 7 десятин; и наконец, совсем окрестянившиеся, бывшие «служилые по отечеству» в д.Лукиной: Лукин Никита Матвеевич - 11 дес., Лукин Сергей Михайлович - 17 дес., братья его Василий, и «запасной рядовой» Иван Михайловы дети - 1 дес.

В 1872 г. денежные сборы с крестьян Полянского сельского общества, «подлежащие платежу в местное казначейство», взимались с 99 окладных душ, из расчета подушной подати по 1 руб. 93 коп. с души; недоимок на этот период не было, сумма оклада 1-й половины - 95 руб. 53,5 коп., 2-й половины - 95 руб. 53,5 коп., всего - 191 руб. 7 коп. Кроме того, крестьянам с.Полянского необходимо было выплатить «государственных земских повинностей» на сумму - 105 руб.93 коп. Итого за 1872 г. «следовало к платежу» 297 руб. К концу XIX века (1895 г.) за крестьянами с.Полянского в собственности по-прежнему числилось 266 дес. 1800 саж². земли, подлежащей обложению денежным сбором. Однако на этот период за ними было 49 руб. 66 коп. долговых недоимок. Строгий учет и контроль за уплатой недоимок и окладного земского сбора с крестьян сельских обществ вела Курская уездная земская управа, на месте же сбор денежных Курский край. № 11-12 (74-75)

средств осуществляли выборные обществом сельские старосты, все возникавшие трудности рассматривались на сходе крестьян, где и принималось решение. В старосты, сельское общество выбирало, как правило, зрелого годами, уважаемого, опытного и авторитетного крестьянина, того, кто, по мнению селян, мог решать не только внутренние вопросы, но и отстаивать их интересы перед представителями власти. До отмены крепостного права решающее слово в выборе сельского старосты было за помещиком, староста ответственен перед ним за выполнение крестьянами установленных работ. И, как правило, «староста, взятый из крестьян, выросший с сохой в руках, занимается только полицейским надзором за крестьянами в имении, идет обыкновенно по старой тропе, не помышляя ни о каких улучшениях».

К концу XIX века вновь происходит смена собственника земель Полянской округи. Поместье Звягинцевых с усадьбой в д. Жеребцово переходит в руки Александра Васильевича Полежаева - тайного советника, инженера путей сообщения, акционера строительства железных дорог. После его смерти в 1881 г. имение «в дачах сельца Петровского, Жеребцова тож, села Полянского, хутора Дряблова и деревень Нартовой и Пименовка, Марьино тож, общей площадью 2008 дес., перешло жене - вдове тайного советника Полежаевой Зинаиде Николаевне. Кроме Жеребцовского поместья у З.Н. Полежаевой имелись обширные земельные владения и в Белгородском уезде. На правобережье р. Псел, в районе героического Прохоровского поля, словно в память об этой помещице, до наших дней сохранился хутор Полежаев.

В бытность этой помещицы в селе Полянском были учреждены ярмарки, которые проводились ежегодно в престольные праздники. На них из окрестных деревень и сел съезжалось множество народа. Торговые ряды устраивались, по видимому, сразу же за церковным садом на широкой, просторной площади. Купцы, лавочники, прочий, торговлей живущий люд, привозили на ярмарки обувь, ткани всех сортов, платки, шали, гончарные, бондарные, шорные и кузнечные изделия, тем более что в ближайших деревнях эти ремесла или совсем отсутствовали, или были очень слабо развиты. Было на этих ярмарках все, от иголки и свистульки детской, до горящего золотом на солнце ведерного самовара. Зажиточные крестьяне, а таких к концу XIX века было в округе уже немало, держали себя важно, и, приценившись, предлагали скупщикам хлебный и животноводческий товар. Даже для небогатого ярмарка была праздником, и он на ней мог выбрать что-либо по своему карману, в досталь мог насмотреться на других и себя показать, и к тому же выпить чарку - другую вина, что для человека русского ох как немаловажно.

По воцарении императора Александра III (с 1 марта 1881 по 20 октября 1894 г.) в России продолжилась крестьянская реформа. 28 декабря 1881 г. издается закон об обязательном выкупе крестьянами наделной земли и понижении выкупных платежей. Была отменена подушная подать, т.е. подать с каждой души на крестьянском дворе. В 1882 г. утвержден, а с 1883 г. начал действовать крестьянский банк. Он предоставлял крестьянам ссуды для покупки земли в частную собственность. Результатом этих и других проводимых реформ стало постепенное повышение уровня жизни народа.

В 1883 г. в с. Полянском было 32 двора, в них проживало 279 душ, в том числе мужского пола - 128 душ, из них в возрасте от 18 до 60 лет - 55 душ, женского пола - 151 душа, из них в возрасте 16-55 лет - 65 человек. Безземельным в селе был всего лишь один двор (Бобыльский двор). За Полянскими крестьянами числилось 211 дес. удобной пахотной земли, кроме того, 30 дворов арендовало 161 дес. пахотной земли у помещика по цене от 5 до 12 руб. за десятину. Из всех 279 жителей села грамотными были, т.е. умели сносно читать и писать, только 5 человек мужского пола, остальные крестьяне были абсолютно безграмотными. Соседние деревни и села грамотностью также не отличались: в деревне Жеребцовой на 685 жителей - 13 грамотных, в д.Тутовой 267 жителей, из них 7 грамотных, с.Жердево - 222 крестьянских душ, грамотных только 5 человек, в д.Анпилогово 829 душ, а грамотным был всего лишь один человек, из 110 крестьян д.Нартовой грамотных было 3. Согласно сведениям того времени, западная часть Курского уезда, в которую входили Старковская волость с с.Полянским, являлась самой малограмотной в уезде, причем это положение дел сохранялось вплоть до 20-х годов 20-го века. Вообще в Курском уезде в 1883 году на 1000 мужчин было 105 грамотных, на 1000 женщин - только 9 грамотных. В крестьянской среде считалось тогда, что грамота женщине вовсе не нужна. Это обуславливалось «частью положением женщины в крестьянской семье, где она постоянно занята домашними работами, где поэтому ей не к чему приложить своей грамотности, отчасти утилитарным взглядом крестьян на грамоту и на самого человека». К тому же в крестьянской среде часто бывало так, что, выучившись грамоте, женщина начинала «монашиться» - «уходить на богомоления, или в монастырь, или делается черничкой».

«- Отчего женского пола не обучаете?

- Грамотным одно дело - монашиться».

(из разговора с крестьянином Колоденской волости.)

В рассматриваемый период из 367 сельских обществ (общин) Курского уезда только в 60-ти были грамотные женщины, а учащиеся девочки только в 30-ти. Обычно учителями крестьян были приходские священно-церковнослужители, а иногда просто какой-либо «грамотей» из местных. «Придет солдат (чужой), кормится по бедности и ребят учит». Следует отметить, что стремление к учению в крестьянской среде было, правда, цели и задачи грамотности, они понимали с позиции практической, хозяйственной выгоды. Здесь очевидное значение имел экономический фактор - на обучение требовались определенные средства, которых зачастую попросту не хватало на жизнь. Однако была и чувственная, нравственная сторона этого вопроса. По свидетельству современника, «крестьяне очень любят, когда их дети читают, поют в церкви и прислуживают в алтаре, когда они знают много молитв и с благоговением молятся дома и в церкви; словом, крестьяне любят, чтобы дети их в школе, прежде всего и главное всего изучали «божественное», «религиозно-нравственное».

В XIX веке во многих сельских приходах стали создаваться церковно-приходские попечительства, «имевшие целью совокупное действие духовенства и прихожан к благоустройству и возвышению религиозно-Курский край. № 11-12 (74-75)

нравственной жизни в приходских общинах». Существовали эти попечительства на пожертвования прихожан.

В Полянской округе первым было открыто попечительство в с. Орехово (с.Пименово). «Определением Курского Епархиального начальства от 17 июня сего 1871 года утверждено приходское попечительство при Введенской села Орехова Курского уезда церкви, составленное согласно Высочайше подтвержденному во 2-й день августа 1864 года положению. Председателем совета Введенского попечительства избран местный церковный староста, коллежский асессор Николай Хрисанфович Ванин». Отец этого председателя, губернский секретарь Хрисанф Сергеев Ванин в 1863 г. на свои средства перестраивал Введенский храм и по смерти похоронен был у самого входа в него. Сегодня мало кто из посетителей храма, ступая на черную чугунную плиту, по бокам укрытую некошеной травой, удосуживается прочесть замысловатую вязь старинного письма: «помещик Хрисанф Сергеев сын Ванин, - На прах мой ступайте, а о душе моей молитесь». И только эта полутора вековая, чудом сохранившаяся плита, напоминает любопытному о Боголюбивом помещике Хрисанфе, который когда-то уже прошел трудный, но манящий путь под названием жизнь, и который кому-то в нашем теперешнем настоящем по умышленной наивности и беспечности кажется бесконечным.

В 1888 году утверждается церковно-приходское попечительство при Дмитриевской церкви с. Жердева «Резолюцией Его Преосвященства 25 февраля, за последовавшей на протокольном определении Курской духовной консистории от 23 февраля при Дмитриевской церкви села Жердева Курского уезда утверждено церковно-приходское попечительство на наступившее трехлетие (1888-1890 гг.) под председательством дворянина Михаила Жердева, состоящее из пяти членов крестьян села Жердева: Козьмы и Григория Жилиевых и крестьян д.Лукиной: Семена, и Тараса Лукиных и Павла Ходаревского. С тем, чтобы в состав сего попечительства, кроме названных лиц, вошли согласно параграфам 2 и 3 Высочайше утвержденного положения о церковно-приходских попечительствах, и непременно члены оного - приходские, священник и церковный староста, а также и местный волостной старшина».

В селе Полянском при Воскресенском храме церковно-приходского попечительства организовано не было. Видимо, и без него обходились духовенство и прихожане в деле «благоустройства и возвышения религиозно - нравственной жизни», да и местные помещики не обделяли вниманием эту церковь, и усердно помогали в делах церковных.

Уже к началу 80 годов XIX столетия церковно-приходские школы «обширной сетью покрыли всё громадное пространство России». Ставилась задача с их помощью дать простому народу «хотя бы простую грамотность», и тем значительно подвинуть дело «к тому, правда, ещё весьма далёкому времени, когда на Руси, наконец, не будет взрослых неграмотных».

К 1890 г. в Курском уезде в 10 приходах было 13 церковно-приходских школ, школ грамоты - 13, начальных училищ - 32.

Бывшая церковно-приходская школа с.Полянского (фото 2002 г.).

Стена церковной строжки (фото 2002 г.)

В с. Полянском церковно-приходская школа начала свою деятельность в 1884 г., хотя строительство добротного, кирпичного помещения для неё было завершено ещё до 1883 года. Трудно сказать, где удалось сыскать на это средства, но по всей видимости дело опять не обошлось без помещицы К.П.Звягинцевой. Здание это за прошедшие 120 лет не потеряло своей первоначальной прочности и прекрасно сохранилось до наших дней, разве что трижды на протяжении этого времени заменялась кровля. Тогда же, в XIX веке, по завершению строительства долго не могли подыскать нужного учителя, а местный священник Василий Ершов, видимо, в этом виде деятельности имел какие-то «проблемы». Недаром в отчете о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты отмечалось: «в Курском уезде не было школ в 6 приходах: в первом округе в трех приходах, а именно: в с.Косинове - за неимением помещения, в с.Полянском - за неимением учителя и средств на его содержание и в с.Глеbove - за несогласием прихожан иметь школу, ввиду близости земской школы (в д.Чаплыгиной)». То есть в с.Полянском помещение для школы было, не хватало только учителя. Видимо, уже новый священник Воскресенской церкви Александр Руднев разрешил эту проблему, и церковно-приходская школа в селе в 1884 году начала свою благую деятельность. По существу, это дата возникновения первого официального образовательного учреждения для кре-

стьянских детей жителей приходских деревень Воскресенской церкви с. Полянского. Педагогическая деятельность местного священника одновременно решала вопрос средств «на содержание учителя», так как «лица духовного звания, занимавшиеся обучением в школах, в преобладающем большинстве случаев никакого вознаграждения не получали».

Учиться в школе начинали в октябре и даже в начале ноября, а заканчивали учебный год перед праздником Пасхи, реже в мае месяце. «Обучали по старинному буквенному способу и не безуспешно - дети в 2-3 месяца научались читать и даже писать, по крайней мере, буквы».

12 мая 1897 г. вышел закон, «в силу которого все сельские церковно-приходские школы и школы грамоты, ведомства православного исповедания, наравне с начальными народными училищами других ведомств, получили право на надел от казны земельными участками, в размере до трех десятин на каждую отдельную школу». Такой земельный надел был выделен и для Полянской церковно-приходской школы. Располагался он на бывшей выгонной пустоши, к северу от села, и примыкал непосредственно к церковной земле. Даже в Советские времена, вплоть до 60-х годов, этот участок оставался закрепленным за школой (в тот период начальной). В настоящее время часть этой земли находится во владении Тюленева Л.И. (д. Дряблово), а часть под кустарником и проезжей дорогой. В 50-е годы XX века бывшую церковно-приходскую школу с. Полянского свели стенами в единое строение с рядом стоящей каменной церковной сторожкой, с запада пристроили деревянную веранду. В таком виде она просуществовала вплоть до 1982 г., когда Полянская начальная (4 летняя) школа была закрыта за ненадобностью.

К июню 1893 г. в Курском уезде было уже 18 церковно-приходских школ, школ грамоты - 23, «школ других ведомств» - 51; всего - 92 школы.

Несколько раньше, чем в с.Полянском, возникли церковно-приходские школы в селах Орехове (Пименово) и Жердево. Церковно-приходской школе в селе Жердеве, впервые годы её существования повезло с учителем. В октябре 1888 г. священником Дмитриевской церкви этого села был назначен псаломщик Соборной Троицкой церкви г.Обояни - Иоанн Васильев, видимо активный, грамотный и одаренный человек. Буквально уже через год отмечается хорошо налаженный учебный процесс в школе этого села. В августе 1893 г. «священник с.Жердева Иоанн Васильев назначен наблюдателем церковно-приходских школ в первом округе Курского уезда, вместо уволенного от этой должности по болезненному состоянию священника Константина Кононенко». В 1894 г. священник с. Жердева И.Васильев в списке «священников, назначенных Его Преосвященством для произнесения катехизических поучений» в Николаевской церкви слободы Стрелецкой. И, наконец, в августе 1895 г. он после почти 7-летнего служения оставляет священнический и учительский пост в с.Жердево и поступает «в число студентов Киевской духовной академии», то есть задается целью получить высшее духовное образование. С приходом нового священника - Николая Оболенского, а затем и других, церковно-приходская школа в с.Жердево потеряла прежнюю хорошую репутацию и дальше стала упоминаться среди школ, имеющих замечания.

Учащиеся церковно-приходских школ изучали следующие предметы: первый и наиглавнейший предмет - Закон Божий, затем церковно-славянская грамота и славянское письмо, начальная арифметика, церковное пение; переплетное мастерство; и для девочек, если таковые посещали школу - женское руко-

делие; в двух классных школах добавлялись: краткая церковная и отечественная история, география, линейное черчение, геометрические сведения, дидактика, гигиена и физика. Естественно, что те из крестьянских детей с. Полянско-го, кто изъявлял желание учиться в школе, и сумел хотя бы удовлетворительно изучить выше перечисленные предметы, становились к радости близких своих, в среде односельчан, настоящими «грамотеями». Но в XIX веке таких было ещё очень мало, обычно сельская детвора, с раннего возраста обременённая крестьянским трудом, лишь чуть освоив грамоту, забрасывала учебу. Жизнью нелёгкой приучен был мужик думать, прежде всего, о хлебе насущном, а ученье за роскошь и «прочее баловство» принимал.

Церковно-приходская школа в с.Орехово (Пименово) просуществовала недолго, и уже к началу XX века прекратила своё существование, тем более что с учреждением в 1905 г. земской школы в д. Жеребцово надобность в Ореховской приходской школе и вовсе отпала. В 1907 г. открылась земская школа в д.Анпилогово, приблизительно в это же время начала работу подобная школа и в д.Лукино. Попечителями трех этих школ были местные помещики, дворяне: в д.Жеребцово - Кушелева Ольга Петровна, в д.Анпилогово - Соколовская (Филиппова) Мария Дмитриевна, жена умершего в 1889 г. коллежского секретаря Соколовского Федора Львовича, первой учительницей в этой школе была их дочь - Анна Федоровна (1862 г. рождения), помогала этой школе и генеральша Варвара Дмитриевна Сукман, так же имевшая усадьбу в д.Анпилогово; в д.Лукино - уездный почетный мировой судья Севастьян Севастьянович Романовский. Несмотря на то, что в школах этих учащихся было немного (не более 30 - 40 детей), все же первые ростки образовательной деятельности в народе были очень значимыми. Но как поздно пришло правящему сословию осознание этой значимости, как безумно и опасно долго громадная, подавляющая часть народа осознанно держалась в унижении рабства и невежестве - так долго, что когда понимание и участие пришли, то легли уже на глубоко пропитанную отчуждением и ненавистью душевную почву. Приди свобода и грамотность в народ наш хотя бы лет на 50 раньше, быть может, многое в жизни последующей было по-другому. Быть может, не было бы того варварского, кровавого, буйного мщения, проявленного в XX веке, когда всё и вся подвергалось только уничтожению, когда в руины превращались дворцы, помещичьи усадебные строения, разрушались памятники, признавались ненужным хламом и гибли картины и книги, осквернялись могилы и даже храмы не нашли защиты себе. Все это было жестокой платой безумством за многовековое, крепостническое безумство помещиков - дворян. Безумством за безумство. И ругая даже сегодняшнего мужика за отсталость, бескультурье, нерадивость и грубость нравов, давайте не забывать, что вели его к этому не одно столетие, властям на протяжении веков он и нужен был именно таким. Но «что посеешь, то и пожнешь». Понимание этого было всегда, не было воли и желания менять что-либо. Более четырех веков тому назад отмечалось, что «кто понуждает и насилует тяжаря своего», погибнет сам, обнищавший «тяжарь» не сможет отдавать плоды нив своих; «Послабляй же земодельнику възделаешь полезны своя и утяжить нивы, и въсприемлить присно плоды своя»; «в начале же всего потребни суть ратаеве ... от их бо трудов ест хлеб, от сегоже всех благих главизна: Богови в службу бескровная жертва хлеб приноситься и в тело христово претворяется, потом же и вся земля от царя и до простых людей тех труды питаема». Но пренебрегли «рата-

ем», унизили донельзя крестьянина, «и наступило люто время - темнотрачный век».

Вернемся, однако, в с.Полянское, в XIX век, и продолжим рассказ о «мужска и женска пола духовных людях» и крестьянах, состоящих при приходской Воскресенской двухкомплектной церкви. Как уже прежде отмечалось, в 1833 г. священником этого храма становится 22-х летний Василий Ершов. В пору своей молодости, 22-летним, стал он священником этой церкви и прослужил при ней более 40 лет. В июне 1873 г. священник Воскресенской церкви с.Полянского Василий Ершов, в числе других духовных лиц Курской Епархии, был «Всемиловейше удостоен награды» - камилавки, высокой бархатной шапки (выдается священнику как награда или отличие). К 80 годам XIX века он умирает и священническую должность в с.Полянском принимает Александр Руднев. Нового священника в 1885 г., ко дню святой Пасхи, Святейший Синод наградил скуфьею - небольшой шапочкой из материи, которую священники носят во время богослужения (а в некоторых местах это принято и в обычной жизни). Александр Руднев пробыл священником при Воскресенском храме вплоть до 22 февраля 1906 г., когда согласно своему прошению был уволен за штат. На его место, в с.Полянское, был утвержден священник Петр Руднев (родной брат его), перемещенный из Успенской церкви с.Успенского Щигровского уезда.

В XIX веке долгое время диаконом Воскресенской церкви был Тихон Цветков. 3 июня 1890 г. диакон Тихон Иосифов сын Цветков, в возрасте 70 лет («по преклонности лет») умирает. И уже 28 июня этого года диакон села Курасова Курского уезда Иосиф Марков перемещен согласно прошению в село Полянское. В этом же 1890 г. вдове диакона - Фекле Цветковой, за службу ее мужа Святейшим Синодом назначается пенсия в размере 40 руб. в год. Однако и новый диакон И.Марков уже в 1892 г. умирает. Сорока-рублевая годовая пенсия из Курского Губернского Казначейства, назначается «вдове диакона с.Полянского Курского уезда Минетте Марковой». В марте этого же 1892 г. «псаломщик с. Полянского ...Илья Воскресенский определен, согласно прошению, на диаконовское место». На освободившееся псаломческое место «резолуцией его Преосвященства, последовавшей 18 мая», и согласно прошению, в с.Полянское был определен окончивший курс духовной семинарии Михаил Пузанов. Однако по истечении пяти лет, в апреле 1897 г., в соседнем с.Жердеве умирает священник Петр Дьяконов, и «12 мая псаломщик с.Полянского М.Пузанов согласно прошению определен на священническое место в с.Жердево». В с.Полянском с 30 мая этого же 1897 г. новым псаломщиком, становится Иван Вознесенский - перемещенный согласно прошению из слободы Ново-Сергеевской Львовского уезда, где он также исполнял должность псаломщика.

Итак, на рубеже XIX и XX вв., священно-церковно служителями Воскресенской церкви были: священник А.Руднев, диакон И.Воскресенский и псаломщик И.Вознесенский. Именно им, вместе с прихожанами своими, суждено было вступить в роковой для церкви XX век.

Необходимо отметить, что уже к концу XIX века было ощутимо нараставшее в обществе безбожие, особенно в молодой, революционно настроенной его части. В XIX веке, обнаруживают себя ростки будущего «воинствующего атеизма». К концу века в среде учащейся молодежи отмечалось индифферентное

отношение к религиозным обычаям, и вообще в обществе наблюдалась шаткость религиозных убеждений. 8 марта 1898 г. в г.Курске «попущением Божиим» совершилось злодейское покушение на икону Знамения Божией Матери - духовную святыню и историческую реликвию нашего края. В крестопоклонную неделю, во время всенощного бдения был подложен под икону снаряд. В этот день в Знаменском соборе было до 8 тысяч молящихся, однако бомба взорвалась в 01.45 мин. ночи, когда людей в соборе уже не было. Взрывом были разрушены: сень чудотворной иконы, ступени, семисвечник, лампы, «сокрушены камень и дерево». «Образ Пресвятой Богородицы как - бы на воздухе стоял в полной неприкосновенности, поддерживаемый в своем массивном киоте лишь узенькой дощечкой, уцелевшей от всей задней стены сени». Злодеями оказались четверо недоучившихся молодых людей: 20-летний А.Уфимцев из мещан, дворянин Л.Кишкин - 21 год, сын купца В.Каменев - 22 лет, сын чиновника А.Лазутин - 21 год. Так было возвращено целое поколение безбожников, которое понесет безбожие свое в народ. А там, где нет веры в Бога, там нет ничего святого и дорогого. Люди теряли разум, лишались нравственного образа человека, предавались удовлетворению своих страстей или превращались в идолопоклонников очередного политического авантюриста. Но это в будущем - XX веке, а в конце XIX простой народ, крестьянин еще не отринул Бога, еще не стал лицемером, добро властей проповедующим.

Жители Полянской округи, «кроме хлебопашества, огородничества и разведения скота, промышляли еще извозом купеческих товаров», немалая часть жителей уходила для заработков в недалекий г.Курск и другие города. Видимо, некоторые из них оставались «в новых местностях» на постоянное жительство.

Так в январе 1890 г. в семье временно - обязанного крестьянина с.Полянского Якова Романова сына Козлова родился сын Иван, восприемниками при крещении младенца в приходской Воскресенской церкви были: крестьянин этого же села Александр Иванов сын Козлов, и «Московской губернии г.Коломна временно - обязанный крестьянин Иван Петров сын Некрасов» с женой Пелагеей Тимофеевой дочерью. В ноябре этого же года, теперь уже в семье самого И.П.Некрасова, крестьянина «Московской губернии г. Коломна» рождается дочь Анна, и вновь обряд крещения проходит в Воскресенской церкви с. Полянского. Восприемниками были: д. Жиляевой дворянин Сергей Андреевич Жиляев и «из города Кром Орловской губернии мещанка» Анна Федорова дочь. Возникает вопрос, почему этот городской да еще временно - обязанный крестьянин Московской губернии, принимает участие в крещении, и сам избирает местом исполнения обряда крещения своей новорожденной дочери именно Воскресенский храм села Полянского? Несмотря на отсутствие полной информации об этом человеке, сомнений нет - этот крестьянин родом из села Полянского, в нем проживали его ближние «сродники». Видимо, когда-то сельское общество отпустило его на заработки «в другие места», и он, оставаясь временно - обязанным крестьянином, сумел как-то устроить свою жизнь в Московской губернии. Судя по тому, что дочь его крестили не простые местные крестьяне, а местный дворянин и мещанка из города Кром Орловской губернии, можно предположить, что устроился он неплохо. Естественно, что сама возможность миграции у бывших помещичьих крестьян появилась только с отменой крепостного права. К концу XIX века, по согласию семьи и сельского общества, уйти на заработки мог каждый, изъявивший желание и поборовший в себе страх покинуть родное село. До 1861 г. «промышлять в других местах» по

своей воле могли только государственные крестьяне. Так в Курском уезде в 1858 г. было выдано казенным крестьянам «для ухода на заработки» 6123 паспорта, «из коих 4844 больше, чем на два месяца».

К середине XIX века Курская губерния по абсолютной величине и плотности населения занимала 3 место в Российской Империи. Самыми густонаселенными уездами в губернии были: Курский - 312 населенных мест, Фатежский - 284 и Щигровский - 238. По этой причине крестьянство этих уездов было самым малоземельным, потому заработки «на стороне» для крестьян, в частности Курского уезда, имели большое значение. К концу же XIX столетия «земельный вопрос» еще сильнее обострился и немалая часть крестьянства устремилась в города, где с развитием капиталистических отношений возростала потребность в дешевых рабочих руках. Однако процесс этот тормозился консерватизмом сельской общины, многовековыми семейными традициями, неписаными законами, правилами и нравственными нормами крестьянской жизни. Однако наступят времена под давлением властей, когда все, что удерживало селянина на земле, утратит свою значимость, пресечется земледельческая преемственность, обесценится, низведется до второстепенного сам труд крестьянский, и начнется массовый исход крестьян в города, земля же без надобности останется.

В XIX веке в Курском уезде было 22 так называемых стоичных земских пункта, в распоряжении которых находилось более 150 голов лошадей. Уездной земской управой крестьянам определялась для каждого населенного пункта «подводная повинность». На тех пунктовых лошадях в большинстве случаев ездили волостные старшины, писаря, рассылалась почта и перевозились арестанты. По мере необходимости подводы снаряжались для членов полицейского управления и судебных следователей. Был такой стоичный земский пункт и в с.Полянском и за ним значилось 6 голов лошадей. Сельское общество определяло, кто из крестьян, независимо от времени суток и сезона года, по первому требованию должен предоставить лошадей, впряженных в подводы или сани.

Как уже ранее отмечалось, жители с.Полянского и ближайшей к нему округи ремесленным производством не отличались. Например, в Курском уезде в д.Дроняевой и с.Косинове делали горшки и даже кафель, село Дубовецкое славились вязанием кушаков. Зато неподалеку от села Полянского, в соседней деревне Жеребцово, было производство другого рода - винокуренный завод. В 60 годы XIX столетия в Курском уезде было всего два винокуренных завода: один в д.Жеребцово, другой в с.Муравлеве. На этих заводах в период 1862-1863 гг. выкурено 24453 безводного спирта.

Затаян и построен винокуренный завод в с.Жеребцово был еще И.П.Анненковым во второй половине XVIII века. В дальнейшем он переходил из рук в руки и на рубеже XIX-XX веков принадлежал купцам Тахтамирову и Новосильцеву. В фондах областного краеведческого музея сохранились бутылочные этикетки Жеребцовского винзавода. В овале этикетки отмечено: «столовое вино Жеребцовского № 1 винокуренного завода Курский уезд».

В революционные годы XX века производство на этом заводе было прекращено, а в дальнейшем и сам завод был разрушен. В наше время на его месте еще можно обнаружить осколки бутылочного стекла мраморного и темно-синего цвета, с замысловатыми формами горлышка и донца.

На этой «винной теме» мы завершим рассказ о XIX веке, дабы приступить

к рассказу о веке XX. Хотелось бы еще отметить, что люди XIX столетия были взыскательны и критичны к своему времени, и их взгляды на достижения того времени во многом перекликаются с нашими взглядами на время настоящее. «Мы хвалимся XIX столетием как веком просвещения и изобретения. Полно, господа! Так ли это? Нельзя ли немного усомниться в тех громких похвалах, которые мы приписываем своему веку». Написаны были эти слова в 1840 году, по большому счету еще не было ни должного образования, ни тех изобретений, которые перевернут все прежнее миропонимание.

XX ВЕК

«И дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклонившиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его».

*(откровения Иоанна Богослова,
гл. 14, ст. 11)*

«Жизнь души - непрерывная цепь выборов, встающих перед Я».

(«Роза Мира», Л. Андреев)

ВОЙНА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

*«Обозревая мысленным взором прожитое
поприще канувшего в вечность...».*

(К.Е.В. 1907 г. № 1)

«В авангарде шел 4 батальон, впереди которого двигались охотники, которые должны были выяснить - много ли противника у Полянского, где стоят его сторожевые части, где находятся броды, как они охраняются, как пройти к бродам, сообразить, как снять сторожевые посты и заставы, мешающие переправе полка, и, наконец, войти в связи с 34 пехотной дивизией.

Авангарду и 3 батальону, следовавшему в голове главных сил полка, было поручено собрать местные средства для переправы. Разрешалось приторговать у хозяев полотницы ворот, плетни, доски, накатник, стропила, сено, солому, хворост, кули, снопы хлеба, даже снопки с крыш. Свои средства для переправы были готовы с вечера. Парусиновые лодки, на двуколках, были освобождены от сена и приготовлены к быстрой сборке. На каждый батальон было выдано по 54 сажени полуканата на случай переправы по глубокому броду или около моста...

Такие средства вполне обеспечивали верную переправу Замосцев, хотя было известно, что броды у Полянского глубоки, а берега весьма болотисты. Третьему батальону поручалось провести двуколки по дорогам или пронести без дорог, но непременно доставить к месту переправы. Колонну замыкал вто-
Курский край. № 11-12 (74-75)

рой батальон, на особое попечение которого были отданы понтоны.

Около 2 час. ночи Замосцкий полк прибыл к Саморядовой, где уже собралась 34 пехотная дивизия, которая также должна была переправляться у Полянского. Начальником этой дивизии предоставлено было Замосцкому полку, как уже запасшемуся всеми средствами для переправы и разведывавшему броды, начать переправу.

Замосцы спустились к реке и перестроились в резервный порядок, в ожидании донесения о найденных бродах. Было 2 часа 30 мин. ночи. Понтоны и лодки подтянулись, готовые к спуску на воду. Были названы команды охотников, образованные еще на биваке. Из каждого батальона была сформирована команда в 20 рядовых при двух - унтер офицерах и одном офицере. Составленные из пловцов, эти команды обязывались перетянуть на себе канаты на противоположный берег, затем разместиться в парусиновых лодках и помогать переправе людей, не умеющих плавать.

Между тем охотники донесли, что впереди моста у Полянского стоит неприятельская полурота, за мостом столько же, бродов не найдено.

Бросившись на полуроту, оставленную противником на западном берегу у моста, можно было на плечах ее прорваться на восточный берег реки Б.Курицы, но к югу от Полянского были обнаружены большие биваки, и открытая переправа могла потерпеть неудачу.

Для отыскания бродов были высланы команды охотников. Команда 2 батальона, под начальством подпоручика Скржинского, следуя цепью вдоль реки, обнаружила против середины села Полянского заставу около взвода, пост от которой стоял на западном берегу. Противник зажег солому на посту, и тем, обнаружив свое присутствие, исчез!

При ближайшем исследовании, в этом месте оказался брод.

В это время команда охотников завязала перестрелку с полуротой противника у моста. Застава, стоявшая на западном берегу, поторопилась отступить...

... Команде охотников было приказано поддерживать перестрелку у моста и привлекать внимание противника к югу.

Между тем 60-й пехотный Замосцкий полк двигался к найденному броду против с.Полянского. Биваки противника были ясно видны. Огни освещали длинную линию от Полянского до Жеребцова. Видимо, здесь были значительные силы. Но не хотелось предположить беззаботность противника, уверенного в своей безопасности.

Сильная застава у моста к югу от Полянского, застава в один взвод около брода - вот все меры охранения, которые были замечены.

Три батальона Замосцкого полка и Симферопольский полк сосредоточились перед бродом.

Брод оказался широким. Можно было переходить развернутыми полуротами. Глубина не превосходила пояса к восточному берегу. Дно иловатое, но твердое. Ширина реки оказалась 20 сажень. Понтонов не хватало. Восточный берег был отлог, западный на 2 аршина превышал уровень воды. Приходилось прыгать с ярка в воду.

В 3 часа 15 минут пополуночи 13-я рота Замосцкого полка начала переправу.

С наводной и подводной сторон брода расположились охотники, обозначая начало брода, и приготовились спасать в случае несчастья. Остальные люди под командою офицеров ходили по броду в разных направлениях для открытия

ям и для спасения попадающих в них.

13-я рота и 1-я полурота 14-й роты переправились, сняв сапоги и раздевшись по пояс. Однако это делало людей неготовыми к бою на восточном берегу реки Б.Курицы. Командующий полком воспретил это послабление и приказал лезть в воду одетыми. Люди переправлялись шеренгами. Шеренга подходила к крутому берегу и по команде прыгала в воду.

Менее решительные спускались в воду на седалище. При прыжке и при спуске ружья держались за шейку, штыком вверх, над головой. Офицеры шли вместе с нижними чинами. Едва переправились 13-я и 14-я роты, как командир батальона подполковник Божков двинулся вслед. Лошадей сталкивать с крутого берега оказывалось трудно. Однако командир 4-го батальона взял это препятствие.

Ему приказано было выдвинуть первые две роты для занятия восточной окраины села, а две роты держать в резерве, зорко наблюдая на флангах и особенно вправо. За 4-м батальоном последовал третий. Второй батальон, не дожидая очереди, начал одновременно с третьим переходить вброд. Эти два батальона переправились одновременно во взводной колонне каждый. Переправа наладилась. Части весело, с шутками шли в воду.

С 10-й ротой переправился командующий полком. Им трудно было спускаться с ярка. Одна из двуколок опрокинулась. Все шло так гладко вперед, что не хотелось задерживать переправу скапыванием берега, тем более что вязкая глина с трудом поддается носимой лопате; потребовалось бы на это много времени.

Командующий Замосцким полком опасался нападения противника при выходе на противоположный берег. Ради этого люди переправлялись нераздетыми. Но противник не тревожил. Около 4 час. утра Замосцкий полк занял село Полянское.

Оставив один батальон в Полянском, командующий Замосцким полком с остальными двумя двинулся к югу и атаковал врасплох несколько батальонов противника, не успевших уйти.

Противник поднялся уже около 3 час. утра и поспешно уходил на высоты у дер. Касторной. Длинная колонна обозов неприятеля тянулась на север по дороге восточнее Полянского. Ее пропустили беспрепятственно.

В 4 часа утра 133-й Симферопольский полк переправился вслед за Замосцким и, заняв позицию левее этого полка, окопался.

В 4 час. 30 мин. утра в Полянское прибыл батальон Замосцкого полка, оставшийся у Хардиковой в сторожевом охранении.

Вслед за этими полками начали переправу и остальные полки 34-й пехотной дивизии».

Прочитавший выше изложенное повествование о «боевых» армейских действиях в с.Полянском и ближайшей к нему округе будет, наверное, несколько удивлен. Не выдумка ли все это? Не фантазия ли?

Оказывается, нет. В самом начале XX века события эти действительно имели место.

В 1902 году г.Курск был избран царем Николаем II центром для больших военных маневров. В них принимали участие части Южной и Московской армии. Ночную переправу через р.Курица и наступление у с.Полянского производили части Южной армии. «Противником» были части Московской армии, к началу маневров занимавшие «оборону» по линии с.Жердево-с.Рышково.

О масштабности маневров говорит количество отдельных частей армии. Например, Южная армия включала в свой состав: полевое управление армии, 8-й армейский корпус, 10-й армейский корпус, сводный корпус, армейскую конницу; ей были приданы: 3-1 полевой жандармский эскадрон, воздухоплавательное отделение, 4-й обозный кадровый батальон и т.д. И это состав только одной армии. Нетрудно представить себе, как эти войсковые подразделения «прошлись» в августе-сентябре 1902 г. по полям крестьян с.Полянского и других сел и деревень, сколько дополнительных неудобств и трудностей пришлось претерпеть простому мужику в страдную пору, не говоря уже о нанесенных им прямых убытках.

1 сентября на маневры в Курск приехал сам Николай II с многочисленной свитой. В 2 час. 30 мин. дня царский поезд проходил у с.Дьяконово и «государь император изволил проехать мимо стоявших войск и здороваться с ними».

Торжества по случаю приезда в город Его Императорского Величества начались с 28 августа прибытием и встречей в Курском Знаменском монастыре великого князя Сергея Александровича. «Наступили великие - исторические для г.Курска и Курского края дни. Приблизилось давно возвещенное и глубоко желанное посещение Курска по случаю больших маневров Его Императорского Величества Государя Императора и многих высочайших особ».

Тактические действия войсковых частей, участвовавших в маневрах, захватывали не только с.Полянское, но и достаточно большую прилегающую к нему территорию. Предварительно с целью выдвижения в район действий Южная и Московская армии совершили многокилометровые марши по территории Курской и других губерний.

Завершающей фазой учебных действий был бой у д. Касторной (3 сентября). В трех километрах к востоку от с.Полянского, имитируя боестолкновение, энергично передвигались пехотные и кавалерийские подразделения, непрерывно звучала пушечная и ружейная пальба. Наблюдать за ходом этого боя приехал сам царь. К его приезду помещик Толубеев умастил брусчаткой проселочную дорогу к д.Касторной и на взгорке установил императору Николаю II памятник. Царь в окружении блестящей свиты генералов и других приближенных лиц расположился на высоком кургане и наблюдал действия частей.

Священно-церковнослужителями Воскресенской, Введенской и Дмитриевской церквей, местными дворянами и крестьянами был организован крестный ход к ставке царя. Длинная процессия, вооруженная запрестольными крестами, хоругвями и иконами, с тихими церковными песнопениями прошествовала к императору и преподнесла ему хлеб-соль.

Закончились маневры Высочайшим смотром. «Для смотра войск в высочайшем присутствии избрано пахотное поле у западной окраины г.Курска, на вершине плоской возвышенности с весьма пологими скатами, и с востока оно ограничено огородами предместья Казацкое, с северо-запада глубоким оврагом». На поле была произведена планировка, засыпаны канавы, пахота уплотнена катками. Стоимость этих работ составляла 2152 руб. 36 коп. В счет этой суммы подрядчик обязан был засеять спланированные площади рожью. Был также построен царский павильон.

«Высочайший смотр состоялся 5 сентября в присутствии Его Величества Шаха Персидского».

Пройдет ровно 100 лет, и в 2002 году на месте парадного шествия войск будет установлен бюст Николая II и возведена часовня. За этот же вековой пе-

риод уничтожат памятник в д.Касторной, разберут вымощенную дорогу и разворуют с нее все до единого камня. Единственным местом в Полянской округе, сохранившим безмолвную память о тех маневрах, остается рукотворная, правильная в очертаниях, четырехугольная возвышенность по правому берегу р.Курицы, на луговине близ «Тутовского бугра». Из жителей д.Тутовой единицы знают, что это насыпной военный городок В советские времена его поверхность распахивалась и использовалась под выращивание капусты. В наше время здесь сенокосные угодья местных жителей.

Так «игрушечной войной» начался для села Полянского XX век, но уже в ближайшие годы провидением будет определена настоящая смертная дань народу русскому в реальных войнах и в революционном братоубийственном безумстве, а через четыре десятка лет ступит на землю с.Полянского настоящий жестокий враг, и придут страшные годы утрат безмерных.

О ТОМ, КАК ЛЕГКО НЕНАВИДЕТЬ (НАЧАЛО ВЕЛИКИХ ПОТряСЕНИЙ)

«Живет всякий человек только для того, чтобы ему было хорошо, для своего блага. Человек знает уже, что животная жизнь бессмысленна и не может дать ему блага, но по старой привычке ищет смысла и блага в радостях животной жизни».

(Л.Н. Толстой)

1902 год для Курской губернии ознаменовался не только проведением больших маневров и приездом самого императора и высших особ. На этот же год пришелся взрыв крестьянского движения по всей России, не миновавший, естественно, и Курский край.

Крестьянство, организованное в общины, являвшееся хранителем традиционных устоев русского народа, носителем народной культуры, обычаев и составлявшее ту часть населения России, откуда государство черпало главные людские ресурсы для решения общенациональных задач и обороны страны, это самое крестьянство вдруг по всей стране стало выходить из повиновения властям, показало себя достаточно грозной неконтролируемой силой.

Крестьяне, подстрекаемые представителями разного рода партий, захватывали помещичьи земли и скот, производили погромы в имениях, самовольные порубки лесов, забирали и вывозили хлеб. Неурожайные 1898, 1901, 1906 годы и последовавший за ними голод в Поволжье, Черноземном районе, Грузии и Сибири полностью дестабилизировали обстановку в деревне. Слухи о восстании крестьян и разграблении ими дворянских экономий быстро передавались от деревни к деревне. Даже после подавления возникавших в разных местах бунтов и порой жестокого наказания зачинщиков в сельских общинах только усиливались ненавистные настроения к властям и местным богатым.

В начале XX века ускоренными темпами шло расслоение крестьян на разные по имущественному положению группы, в селах увеличивалось число безземельных крестьян, происходил процесс «раскрестьянивания», то есть отказ крестьян от сельскохозяйственного труда. Многие уходили на заработки в города и оттуда привносили в сельскую патриархальную жизнь революционное свободомыслие. Своим внутренним, природным чутьем мужик и без посторонней подсказки быстро приметил слабость, растерянность и безволие властей, почувствовал, что при всей внешней напыщенности и многозначительности помещик попросту боится его и все реже сам показывается в имении. Взмахивая веками рабства пружина ненависти уже давно готова была сокрушительно выстрелить, и сил ее удерживать явно не доставало.

В августе 1902 г. в Курске были собраны сельские старосты и волостные старшины Харьковской, Черниговской, Курской, Воронежской и Орловской губерний. Перед ними с речью выступил царь Он «прощал» крестьян, хотя и порицал за разгром экономий. Одновременно Николай II обещал ряд уступок. Так, уже в марте 1903 г. была отменена круговая порука в уплате податей; манифестом от 11 августа 1904 г. было отменено право волостных судов приговаривать крестьян к телесным наказаниям; с крестьян слагалась вся недоимка по выкупным платежам, земским и мирским сборам, накопившаяся с 1 января 1904 г. Однако эти и другие полумеры крестьян не успокоили, не решался самый главный, вековой вопрос - вопрос земли. Потому с каждым годом все большее количество народа вовлекалось в крестьянское движение. Пик этого движения в России был отмечен в ноябре 1905 года.

Не осталось в стороне от этих событий и крестьянство Полянской округи. В самом селе Полянском в эти годы было относительно спокойно, а вот в соседних густонаселенных деревнях Анпилогово и Жеребцово страсти воистину «кипели», для наведения порядка пришлось привлекать даже войсковые подразделения.

Крестьяне д.Анпилогово со своим помещиком и его семьей ладили. Предание выдает за верное, что Ф.Соколовский всю свою землю сдавал крестьянам в аренду за сходную плату, а часть земли просто передавал им в наделы. Причем в аренду крестьянам сдавались лучшие земли. Семья дворян Соколовских отличалась прогрессивными взглядами, ее представители в начале XX века организовали первую школу для крестьянских детей в д.Анпилогово, почти 40 лет преподавали в ней. Были в этой семье и революционеры, но об этом немного позже.

Недовольство крестьян вызывали местные богатеи из зажиточных крестьян и лавочников. Так, 18 ноября 1905 г. на усадьбе «мещанина Ивана Власова», имевшего в деревне лавку, и на усадьбе «крестьянина Гавриила Феокистова»: «уничтожена плетневая ограда..., поломана часть ракии и уничтожено более 100 фруктовых присадков». Пострадавшие в 1906 г. внесены в список владельцев, «имущества которых подвергались разгромам и грабежам от преступных скопищ».

На рубеже XIX-XX веков снова меняется хозяин дворянской усадьбы в д.Жеребцово. От З.Н.Полежаевой старинные, еще анненковские, владения переходят дворянке Ольге Петровне Кушелевой. Она и станет «замыкающей» родовитой особой в 200-летней истории этого дворянского имения.

4 июня 1906 г. пристав 2 стана Курского уезда рапортом доносил, что «при

проезде его через имение землевладелицы О.П.Кушелевой при дер. Жеребцовой в 10^{1/2} часов вечера с 3 на 4 июня, владелица Кушелева заявила, что крестьяне дер. Жеребцовой в течение последних трех дней по ночам производят самовольную пастьбу своих лошадей на ее, Кушелевой, распасе, состоящем из 25 десятин, что первые 2 дня было от 15-20 лошадей, а сегодня довольно много скота, вследствие чего отправившись на распас Кушелевой, где застал до 50 человек крестьян и свыше 100 лошадей; крестьянам было предложено добровольно согнать лошадей с выгона Кушелевой, но они этому требованию не подчинились... Причем крестьянин Григорий Иполитов Праведников высказал, что пасет скот на своем лугу, когда же приставом было сказано, на каком основании он называет чужую собственность своей, Праведников объяснить ничего не мог. Сельский староста Андрей Николаев Некрасов, подтверждая объяснения крестьян, объяснил, что по тем же основаниям он посылал пасть и своих лошадей и что удерживать крестьян от самовольной пастьбы скота на распасе Кушелевой не в состоянии покуда не будет снято крестьянское сено».

В день приезда пристав сделал распоряжение о вызове и дознании трех крестьян, «узнанных на лугу», но к нему явилось «в возбужденном состоянии почти целое общество». Крестьяне заявили, что они «находятся в таком положении, что им негде пасть лошадей до снятия своего покоса и хотят просить владелицу разрешить им хотя только по ночам до 7 дней пасть лошадей на ее распасе». На просьбу крестьян владелица О.П.Кушелева согласилась и разрешила им пасти лошадей до 11 июня; «в виду же заметно сильно приподнятого настроения» сделано распоряжение о передвижении конной стражи из села Плаксина в д.Жеребцову и «усилено наблюдение за настроением крестьян этой деревни».

И уже 12 июня этот же пристав второго стана Курского уезда рапортом доносил, «что крестьяне сельца Жеребцова свои сенокосы до сих пор не убрали, скот по прежнему продолжают пасти на полях г.Кушелевой и не только на прежнем выгоне... на котором она разрешила до 11 июня, но и на лугу ее после снятия с такового сена, во всем проявляя в высшей степени своевластие, не обращая внимание на замечания экономии». Также пристав отмечает, что управляющий имением Кушелевой мещанин Евтропий Михайлов Мальков о происходящем ничего не заявляет, «очевидно делает это умышленно». «Отношения крестьян с экономией с каждым днем обостряются и настроение в высшей степени приподнятое, ... прошел слух, что крестьяне дер. Жеребцовой 12 или 13 июня в целом составе общества хотят явиться в экономию и снять всех рабочих, во время чего может произойти и погром этой экономии».

Указывается, что необходимо усилить стражу, иначе «пристав будет лишен физической силы отразить даже первые попытки беспорядков». 12 июня послана телеграмма командиру эскадрона, расквартированного в с.Воробже, с распоряжением о передвижении из этого села в экономию Кушелевой одного взвода драгун.

В это же самое время беспокойной была обстановка в селах Покровском, Плаксине, в с.Мокве, «где в экономии Волкова волнуются крестьяне».

Управляющий имением Мальков заявил приставу второго стана, и содержание этого заявления было передано уездным исправником Курскому губернатору, «что во время уборки экономического овса крестьяне д.Жеребцовой ... в течении 4-5 дней похитили овса до 50 копен». Опять же сообщалось, что «на-

строение населения д.Жеребцовой приподнятое», и управляющий имением «опасается за дальнейшее расхищение ярового хлеба в более значительном количестве».

В августе этого же 1906 г. в имение дворянки О.П.Кушелевой приехал ее сын. «Крестьяне, узнав, пришли в экономию к нему и просили дать в аренду землю под озимый посев, но сын отказал им, заявив, что это зависит не от него... а от самой владелицы, и крестьяне, попросив у него на водку, разошлись. Затем после его выезда опять пришли в экономию и просили управляющего дать им земли, прося сообщить об этом владелице, угрожая в противном случае явиться и запахать самовольно землю, на что владелицей прислан ответ, что разрешается крестьянам сдать под озимый посев землю и крестьянам было роздано 120 десятин парины уже приготовленной к посеву, по 15 руб. за десятину, крестьяне видимо остались довольны и никаких претензий не имели».

Однако уже в скором времени вновь пристав 2-го стана рапортом доносил, что им получены тревожные сведения «о готовящемся будто бы насилии со стороны крестьян д. Жеребцовой, просил о командировании отряда стражи».

По этому сигналу было отправлено 16 человек стражников «при старшем уряднике Петрихине», который лично отправился в деревню и узнал у управляющего, «что крестьяне деревень Жеребцовой и Пименовой с 9 июня месяца сего года начали предъявлять свои требования к экономии:

- 1) об увеличении 300 руб. за обработку экономических полей;
- 2) уменьшить арендную плату за землю;
- 3) предоставить свободный выпуск для скота.

Просьба крестьян экономии была удовлетворена».

8 августа в д.Жеребцово прибыл из Львовского уезда и «был расквартирован казарменно в экономии землевладелицы Кушелевой» полуэскадрон 29-го Драгунского Одесского полка «в числе 46 человек и 46 лошадей при поручике Александре Федоровиче Сукни».

Прибытие драгун последовало сразу же после рапорта уездного исправника на имя Курского губернатора следующего содержания: «3 августа ...экономическая прислуга крестьянка д.Анахиной Дьяконовской волости Анна Васильева Сазонова, находясь на речке, услышала разговор крестьян, проходивших в числе около 15 человек мимо экономических построек, которые проходя разговаривали, что нужно идти сделать забастовку в экономии, побить окна в доме и разбить мебель. Какие крестьяне между собой вели разговоры неизвестно, так как Сазонова никого из крестьян д.Жеребцовой не знает. Дальнейшим опросом выяснено, что в экономии часто были порубки леса, которые управляющий не преследовал, а в июне месяце... в экономии было два пожара: первый 18 июня, от которого сгорел сарай с находящимся в нем сельскохозяйственным инвентарем, и 29 июня - изба лесного сторожа, оба пожара начались при закате солнца...

Из циркулирующих слухов крестьяне хотя и удовлетворены экономией, но у них играет кровь к другим беспорядкам... нельзя отрицать, что глухое брожение среди крестьян д.Жеребцовой и Пименовой идет, отчасти виноват сам управляющий Е.М.Мальков, который разрешает крестьянам являться в экономию толпою и не обращает внимание на их поступки, прощал им все, желая миролюбивым образом подействовать на крестьян, идя навстречу ихним требо-

ваниям, но это вызвало крестьян предъявлять новые требования к экономии и в настоящее время ходят слухи, что крестьяне собираются требовать от экономии дать леса каждому на избу, а если экономия откажет, начать рубить лес. Требования эти довели управляющего до болезненного состояния, он заболел грудной жабой, развившейся на нервной почве, под влиянием сильных волнений, что видно из свидетельства, выданного врачом... С другой стороны брожение крестьян вызвано вследствие подстрекательства прибывшего месяца два тому назад из города Москвы крестьянина той же деревни Ивана Дементьева Чекмарева, который ныне проживает в г.Курске на скотобойне, появляется в д.Жеребцово к своим родным, проживая по несколько дней, подстрекает крестьян к беспорядкам, заявляя, что земля принадлежит крестьянам, и что необходимо прогнать из экономии служащих и завладеть землей».

Неспокойно было и в прилегающей с запада к селу Полянскому деревне Дрябловой, земли которой, так же как и полянские, частью состояли в имении землевладелицы Кушелевой. 9 августа 1906 г. в д.Дрябловой «забастовали поденные рабочие в числе около 40 человек и отказались производить работы на молотбе хлеба, требуя увеличения платы вместо 50 коп. в день 70 коп. и на экономическом продовольствии, причем угрожали, что не допустят никого до работ и разобьют хутор; несмотря на угрозы, экономия отказала им и заявила, что требования их удовлетворить не может, после чего все рабочие сейчас же согласились работать по прежней цене и приступили к работам».

21 августа 1906 г. полуэскадрон драгун «выбыл на прежнюю стоянку во Львовский уезд... а на место его того же числа прибыл в д.Жеребцову из Фатежского уезда» другой полуэскадрон 31-го Драгунского Рижского полка в числе 47 человек при двух офицерах». Пробыли они в деревне до 9 ноября, после чего выбыли в полном составе «на место постоянной стоянки в г.Кременчуг Волынской губернии».

Из года в год все сильнее «играла крестьянская кровь к беспорядкам», стремительно росло чувство безотчетной ненависти, чувство злорадного бахвальства непривычной почти безнаказанностью за бунтарство, возникало стремление еще и еще проявить свое неповиновение, и если уж не отнять, не урвать что-либо, то по крайней мере хотя бы увидеть, почувствовать затаенный страх в глазах тех, кто совсем недавно был непререкаем в своем могуществе. Такова психология всех веками унижаемых, обретших неожиданно силу.

Напуганная событиями 1906 г., помещица О.П.Кушелева решила продать жеребцовское имение, но покупателей долго не находилось. В дальнейшем она все же продала его земству, которое все приобретенные земли частично продало, а частью передало в аренду крестьянам.

Прекрасный анненковский родовой особняк - высокий двухэтажный кирпичный оштукатуренный дом на высоком сводчатом цокольном этаже, выполненный в строгом классическом стиле, впервые за свою историю опустел; жить остался в нем только новый управляющий.

Перед восточным фасадом дома был прекрасный, удивительной красоты парк. «Две парковые дорожки, пересекающиеся крестообразно в центре парка, формировали четыре равные симметричные квадратные боскета. Вдоль дорожек росли преимущественно липы. Внутри боскетов, вероятно, располагались фруктовые сады.

Своей южной стороной парк примыкал к каплевидному пруду, обозначен-

ному еще на плане 1782 г.... с балкона главного дома открывалось прекрасное видение парка: отражающиеся в пруду партер с фонтанами и цветниками, цветущие сады, липовые аллеи, плакучие ивы...».

Коренной житель д.Жеребцово Банников Иван Семенович из рассказов своего отца вспоминал, что на пруду обитали лебеди, что в парке росли высокие красавицы ели. Еще, по свидетельству его отца, босоногая деревенская детвора любила выбегать подальше на полевою дорогу и встречать едущую в богатом экипаже барыню или барчука - ее сына, и встретив, долго, до самого имения, с разноголосым гомоном бежали они вслед за поднимающей клубы пыли господской коляской, в надежде за назойливость свою получить что-нибудь от щедрот прибывшей хозяйки.

В 1918 году помещичья усадьба была разграблена местными жителями. В годы гражданской войны дом пустовал, затем на какое-то время в нем обособилась местная коммуна; после разгона ее деникинцами здание сильно пострадало. В 1923 г. бывший помещичий особняк был передан для дома отдыха профсоюзу железнодорожников, который отремонтировал его и хозяйничал в нем до 1929 г. С 1929 по 1982 годы, с перерывом на военные годы здание с прилегающей территорией принадлежало школе.

С постройкой и открытием в 1982 году новой школы в д.Дряблово жеребцовский особняк вновь опустел, какое-то непродолжительное время был при нем сторож, потом велись пересуды и споры о продаже этого здания разным городским организациям, но в чем-то не сошлись и постарались об этом доме попросту забыть. В течение последующих 10 лет он подвергся разграблению и разрушению. Была разобрана не только кровля, но и стены, долго сопротивлявшиеся прочностью своей известковой кладки. В наше время это здание, пожалуй, самое старинное в области из подобных дворянских построек, переживших не один десяток лет советской власти, полностью утрачено. Кровавыми ранами битого кирпича зияют из дикой поросли отдельные фрагменты подвала - и все, словно и не было на этом месте прекрасного строения.

Парк, сильно пострадавший еще в первые годы советской власти, также практически уничтожен. Территория его поросла бурьяном и сорным кустарником. Сохранились только единичные экземпляры парковых деревьев, среди них выделяются три древних дуба. Особенно велик один из них - четырехсотлетний гигант, наверняка помнящий еще времена царя Бориса Годунова, а ныне мудро смотрящий из своего поднебесья на очередное «время разбрасывать камни». Наверняка стоял подле этого дуба и И.П.Анненков - строитель Воскресенского храма в с.Полянском, хозяин этого имения; видимо, не избежал прохлады его ветвей и последний барский кучер - бойкий, суетной крестьянин с.Полянского Роман Стариков; а сколько тысяч крохотных детских, горячих женских и сильных мужских рук касалось в раздумье коры этого дерева, сколько оно видело радости и горя людского... Дерево это, как намоленная икона, как осязаемая частица прошлого - священо.

Тогда, в конце XIX и в самом начале XX веков, именно дворянство взбудоражило и привело к неповиновению властям крестьянство, именно представители дворянского сословия выпустили «крестьянского джинна» и ввергли страну в революционный беспредел. Это они, опьяненные модным нигилизмом и одержимые «светлыми» идеями построения нового справедливого общества, создали целую сеть революционных организаций и повели непримиримую борьбу с са-

модержавием, вовлекая в нее все слои общества. В дальнейшем запущенный ими процесс во многом стал развиваться помимо их воли, инициативу и руководство перехватили другие, еще более радикально настроенные люди.

В революционерах были и представители дворянства Полянской округи. Наиболее видными и заметными в этом виде деятельности были дети помещика д.Анпилогово, «третьего отдела мирового судьи» Федора Львовича Соколовского, и его жены Марии Дмитриевны, урожденной Филипповой, внучки того самого действительного статского советника Федора Филипповича Филиппова, у крепостных крестьян которого в 1829 г. в д.Анпилогово «хлеба осталось только до урожая нового в десяти дворах».

В семье дворян Соколовских детей было много, из известных: старшая дочь Анна (1868-1962 гг.), учительница; сын Лев (1870 г. рожд.), штабс-капитан; дочь Клеопатра (1871 г. рожд.); сын Смарагд (1872 г. рожд.), военный чиновник первых лет Советской власти; дочь Нина (1874 г. рожд.), учительница, революционерка; сын Донат (1876 г. рожд.); сын Борис (1881-1942 гг.), активный революционер. Итого семь душ.

**Помещики д.Анпилогово Соколовские:
Федор Львович и Мария Дмитриевна (Филиппова)**

Все они в той или иной степени принимали участие в революционной деятельности, но самыми активными были Нина и Борис. Они являлись членами партии эсеров (социалистов-революционеров), образованной в 1901 г. и претендовавшей на выражение интересов крестьян, рассматривавшей крестьянство как главную революционную силу.

Как уже прежде отмечалось, с начала XX века Соколовские всю свою землю (свыше 400 десятин) передали крестьянам в аренду, а в усадьбу деревни Анпилоговой наведывались редко, приезжая из губернского г.Курска, где проживали по ул.Семеновской, д. № 65.

Нина и Борис Соколовские были внесены в картотеку Курского губернского жандармского управления, которое вело за ними постоянное наблюдение.

Нина Федоровна Соколовская (партийные клички «Нина» и «Сова») - дворянка, «девица лет 24, роста среднего, брюнетка, лицо полное, круглое, матовое, нос толстый, большой... глаза темные, быстрые, походка быстрая. Одеты: тальмочка серая котиковая, юбка черная, кофточка до колен теплая, с белыми перламутровыми пуговицами».

В 1907 г. жандармское управление ведет за ней непрерывное наружное наблюдение. Например, за 12 марта отмечается, что она вышла «из дому в 11,5 час. дня к доктору Савицкому, где была 1 час, вышла и встретилась на Московской улице с «Поповой» и сестрой «Веселого» и двумя неизвестными, простояли 10 минут и, попрощавшись с ними, пошла к киоску, купила газету и зашла в магазин книги «Кооперация», где купила 2 книги; пробыла не более 8 минут, прошла на базар, купила в фруктовой лавке фрукты и проведена... в свою квартиру, больше выхода не было». И подобные записи за каждый день, в течение нескольких месяцев. По-своему интересны партийные клички курских эсеров: «Вертун», «Пухлый», «Гусь», «Рыжий», «Абрамка», «Чумаки», «Папахы», «Невеста», «Кудлатый», «Буланый», «Красная», «Высокая», «Серая», «Скороход», «Плакса» и др. Все они, за малым исключением, люди молодого или среднего возраста, дворянского сословия или из мещан. Читаешь материалы о них и удивляешься тому, насколько увлечены они были своей «революционной игрой».

В годы Советской власти Н.Ф.Соколовская работала учительницей в г.Курске, в 30-е годы была репрессирована и отбывала срок в Казахстане, затем снова вернулась в г.Курск, после реабилитации еще какое-то время преподавала в совпартшколе. Прожила всю свою бурную и продолжительную жизнь одинокой незамужней женщиной.

Ее брат Борис Федорович Соколовский (партийная кличка «Нос») - революционер, занимавшийся активной деятельностью не только в г.Курске, но и в других городах России. 28 февраля 1907 г. он находился в г.Харькове на явочной квартире по ул.Костомаровской, дом № 8. В 12 часов дня туда явился полицейский наряд. Далее происходило следующее: «Ротмистр Свицерский, помощник пристава Федоров, городовые Морякин, Вакуленко и Фролов вошли в комнату, занимаемую студентами Череповым и Еремеевым, а городовые Ткач и Гебель остались в передней у дверей... никто не ожидал сопротивления. Когда указанные выше лица вошли в комнату студентов, то застали там шесть неизвестных мужчин и пожилую женщину, оказавшуюся прислугой в том доме..., которая на вопрос ротмистра Свицерского ... ответила, что квартиранты ушли утром из дому. Ротмистр и полицейский пристав приступили к допросу присутствующих в целях выяснения их личности. Первый вопрос был задан одному неизвестному, который расстегнул пальто, вынул документ на белой бумаге и подал его ротмистру Свицерскому, причем заявил, что он только вчера прибыл из Белостока, но документа в Харькове не заявлял. Ротмистр Свицерский приказал пристава приступить к обыску присутствующих. Когда помощник пристава Федоров и городской Морякин подошли к этому неизвестному, то он быстро вынул правую руку из кармана брюк с револьвером и начал стрелять в помощника пристава Федорова в упор. В это время раздались выстрелы со стороны других неизвестных. Городовой Вакуленко увидел грозившую опасность помощнику пристава, схватил стрелявшего в Федорова за плечо и повалил на кровать, но в это время раздался оглушительный взрыв... Бомба величиной в апельсин, завернутая в бумагу, была брошена из комнаты студентов в дверь в сторону передней, где стояли городовые Гебель и Ткач... Протоколом осмотра места взрыва установлено, что взрыв бомбы, судя по последствиям, был большой силы: ... в передней разбиты все три двери и стены, так что потолок навис... Наружные каменные карнизы, навес крыльца, дымовая труба разрушены. Мебель в трех комнатах поломана, а стоявший в передней железом обитый

сундук и содержимое его обращены в щепы и клочья. На ступеньках крыльца головой во двор лежал убитый ротмистр Свицерский, одетый в форму, причем вся одежда снизу до пояса оказалась уничтоженной и изорванной взрывом. В комнате студентов лежали убитые городской Морякин и помощник пристава Федоров, одетые в форму, при оружии, которое не было вынуто. ...На дворе дома, между ним и сараем найден убитым неизвестный молодой человек, державший в правой руке револьвер «браунинг»... После взрыва на улице был поднят раненый городской Гербель, во дворе были ранены городские Фролов, Ткач и Журавель, а в передней дома найден раненым один из неизвестных лиц, которые все и отправлены в больницу». Вот этим «раненым одним из неизвестных», отправленным в больницу, и был эсер Б.Ф.Соколовский, именно он и бросил бомбу.

3 марта в больнице от полученных ран умер полицейский городской Гербель.

При осмотре на злополучной квартире были обнаружены «книги противоправительственного содержания», прокламации разного содержания, партийные программы, дневники, тетради, и среди них «2 общих тетради ... где имеются записи Курского землячества, их взносы и ссуды со списком 35 членов и отчеты».

Борис Соколовский был доставлен в больницу в бессознательном состоянии «с признаками сотрясения и сдавления мозга». По сведениям жандармского управления, он привлекался к дознанию при Курском губернском жандармском управлении по ст.250 Уложения о наказании и скрылся из г.Курска. Оpozнание Соколовского подтвердил и его родной брат - «свидетель Донат Соколовский».

Потомственный дворянин Б.Соколовский вместе со своим товарищем, тоже потомственным дворянином Иваном Нелидовым, обвинялся: «в том, что в феврале 1907 г. в г.Харькове, объявленном состоящим на военном положении, вступил в члены преступного сообщества, которое заведомо ... поставило целью своей деятельности насильственное ... ниспровержение установленного основными законами образа правления Российской империи с лишением Государя Императора власти верховной и заменой нашего государственного строя демократической республикой».

Соколовскому, грозила смертная казнь, в лучшем случае бессрочная каторга. Но ему помогли местные врачи, видимо, также имевшие связь с эсерами. Они написали заключение, что «он страдает сумасшествием, развившимся после травмы головы, последовавшей 28 февраля 1907 г.»

9 августа 1910 г. «окружной суд по производстве нового освидетельствования Б.Соколовского признал, что он находится в настоящее время в состоянии душевной болезни - слабоумия, развившегося после травмы головы, т.е. в состоянии сумасшествия». Было ему в 1907 г. всего 25 лет, и был он к этому времени уже женат, имел дочь младенца, однако в период судебных разбирательств и болезни жена оставила его.

После Октябрьской революции Б.Ф.Соколовский перебрался на постоянное жительство в деревню Анпилогово, на место бывшей помещичьей усадьбы своих родителей. Как обычный крестьянин, обзавелся хозяйством, вторично женился на учительнице Гнездиловской школы Быковой Александре Емельяновне, которая в дальнейшем организовала 7-летнюю школу в д.Анпилогово в доме генеральши Варвары Дмитриевны Сукман. Генеральша Б.Соколовскому

приходилась теткой по материнской линии.

Мужем Варвары Дмитриевны был бывший в конце XIX века при губернаторе В.фон Вале правителем канцелярии губернатора действительный статский советник Иван Васильевич Сукман, за долгую и усердную службу награжденный орденами: Святого Владимира 3 и 4 степени, Анны 2 степени, Станислава 2 и 3 степени и знаками «За устройство государственных крестьян». В небольшом одноэтажном доме этих дворян и организовала в дальнейшем семилетнюю школу вторая жена Б.Соколовского - Александра Емельяновна. В эту же школу перешла из Гнездиловской школы ее родная сестра - учительница Быкова Анна Емельяновна.

Родной брат Б.Ф.Соколовского - потомственный дворянин Смарагд Федорович, также был активным революционером. В личном архиве Соколовских сохранилось удостоверение, выданное ему в сентябре 1919 года главным артиллерийским управлением молодой Советской республики. В нем отмечено, что удостоверение «дано служащему Главного артиллерийского управления Народного комиссариата по военным делам Смарагду Федоровичу Соколовскому в том, что он состоит на действительной военной службе в Красной Армии, в Главном артиллерийском управлении с 23 ноября 1918 года, дня призыва, согласно приказа Революционного Военного совета...».

**Соколовский
Смарагд Федорович**

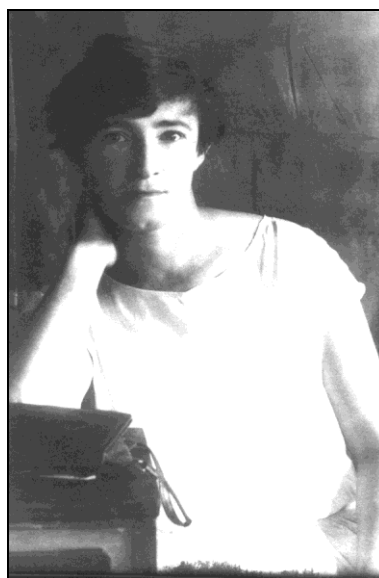
Он же, С.Ф.Соколовский, в первые годы революции взял под свою защиту и семью дворян Сукманов, выхлопотав в своем московском управлении другую бумагу, которой удостоверялось, «что проживающие в г.Курске по улице Ленина № 55 кв. № 2 Варвара Дмитриевна и Иван Васильевич Сукман составляют членов семьи и находятся на полном иждивении красноармейца, служащего в Г.А.У. ответственного работника Смарагда Федоровича Соколовского, в виду чего Г.А.У. просит оказывать означенным выше лицам полное содействие и принять меры к ограждению имущества, принадлежащего им». Вряд ли выдававшие эту справку знали, какого ранга чиновнику царской России они просят оказывать «полное содействие» и «оградить имущество».

Проживавший в д.Анпилогово Борис Федорович Соколовский в годы советской власти уже не работал, и, как пострадавший в борьбе с царским режимом, получал от новой власти республиканскую пенсию, однако до последних лет своей жизни занимал активную жизненную позицию. В конце 20-х годов он был одним из организаторов первого в деревне коллективного хозяйства - колхоза им.Блюхера, самым первым передал свою лошадь в колхоз. По-видимому, до конца своей жизни он не изменил своим прежним взглядам и убеждениям, оставался преданным идеям революции. Можно только догадываться о его переживаниях и мыслях в период массовых репрессий 30-х годов, когда врагами объявлялись достойные и хорошо известные ему люди. Он переживал и даже занимался заступничеством. Здоровье его было

очень слабым, полученная в молодые годы травма головы в зрелом возрасте терзала его физическими мучениями.

Соколовский Борис Федорович

Соколовская Анна Фёдоровна

Умер Б.Ф.Соколовский 8 февраля 1942 года, в период немецкой оккупации. Пасмурным и снежным февральским днем гроб с его телом на обычной крестьянской подводе привезли в с.Полянское и похоронили на местном приходском кладбище. Несколько пожилых крестьян и крестьянок, жена Александра Емельяновна, 13-летний сын Лев, сестра Нина, приходской священник М.Д.Асеев - вот, пожалуй, все, кто провожал в последний путь потомственного дворянина и революционера Б.Ф.Соколовского.

В 1947 году его жена и сын уехали из д.Анпилогово в г.Курск. Александра Емельяновна тяжело заболела и вскорости умерла У местных старожилов д.Анпилогово о ней и ее деятельности сохранились самые добрые, сердечные воспоминания, многие еще помнят свою любимую учительницу. Она, так же как и ее муж, была сознательной, идейной советской гражданкой, была волевым и сильным духом человеком. Хотелось, чтобы память об этом замечательном человеке сохранили и потомки.

РЕАЛЬНОСТЬ И НАДЕЖДЫ

«...Решительно везде, где могут, стараются жить за счет друг друга, обманывают, сутенерничают. И думая о счастье, впадают все в большее и большее несчастье».

(В.В. Розанов, «Апокалипсис нашего времени»)

Вся известная нам история человеческого общества доказывает, что крестьянство и бедность неразделимы, что в сохранении этой, порой регулируемой, бедности заинтересованы власти любого государства. Бесспорно то, что при достижении определенного уровня достатка человек перестает непосред-

Курский край. № 11-12 (74-75)

венно сам заниматься крестьянским трудом, использует наемный или вовсе меняет вид деятельности.

Точно и прямо об этом говорит герой одного из произведений О.Бальзака: «Что с ними бы случилось, кабы мы все разбогатели? Сами они, что ли, стали бы пахать? Сами стали бы хлеб убирать?... Им нужны бедняки!». Вера в то, что власти и богатые стремятся умышленно держать деревенский народ в зависимости и бедности, прошла сквозь века, жива и в душах современных крестьян. Крестьянину во все времена давали понять и почувствовать, что его место последнее, крайнее в общественном устройстве, что самое большое, на что он может претендовать - это сытость и минимум бытовых удобств. Всякий городской обыватель, понятия не имеющий о жизни крестьянской, в любой момент мог попрекнуть и поставить в вину ему вдруг возникшее свое продуктивное благополучие.

Из века в век визитной карточкой крестьянина была ветхая лачуга, крытая соломой или тростником, с темными маленькими оконцами и грубо сколоченными дверьми. Бедностью своей «...крестьянин так же инстинктивно привязан к своему жилью, как зверь к своему гнезду или норе, и эта привязанность сквозила во всем устройстве лачуги... Крестьянин не расходует зря своих сил; на все, что ему принадлежит, чем он пользуется, он затрачивает ровно столько энергии, сколько нужно, и ни капли больше. За особой красотой он не гонится. Зато в насущных делах он - непогрешимый судья, он умеет соразмерять свои силы, и, работая на нанимателя, старается отдать возможно меньше труда за возможно большую плату». Это своего рода вынужденная защитная реакция крестьянства, способность принаравливаться к всякому труду.

«В силу своего общественного назначения крестьяне живут часто материальной жизнью, весьма близкой к дикарскому состоянию, чему способствует и постоянное общение с природой. Труд, изнуряющий тело, отнимает у мысли ее очищающее действие, тем более у людей невежественных...для крестьянина его нищета все оправдывает».

В конце XIX - начале XX века, с ростом в обществе буржуазно-собственнических отношений, «корысть завладела всеми помыслами крестьян», им стало «неважно, законен ли тот или иной поступок, не безнравственен ли, а только выгоден ли он для них или нет». Вполне честный и нравственный крестьянин становится редкостью.

Революционная пропаганда поддерживала «неугасимую и ядовитую, жгучую и деятельную ненависть крестьянства к хозяину и богачу». Первый опыт неповиновения, а главное, возникшее в результате этого даже малое, но ясно видимое благополучие, послужили весьма дурным примером. Каждый крестьянин стал думать: почему бы и мне не пользоваться дровами из господского леса? Почему бы не накосить на господских лугах травы и не выпасать на них свой скот? Почему бы не собирать урожай с чужих полей? И т.п. Со временем это стало повальным явлением и вскоре превратилось как бы в законное право сельских общин. Пройдут десятилетия, и уже в советское время, уже у колхозного крестьянства, привычка к воровству разовьется необычайно сильно, и в его среде укоренится негласное правило: «Давайте жить воровством, только, чур, не попадаться».

К концу первого десятилетия XX века Россия стояла на пороге великих по-

трясений. Нужны были срочные действенные меры, чтобы их предотвратить. Одной из попыток не допустить революционного разрешения социальных противоречий была аграрная реформа П.А.Столыпина. Законодательные меры этой реформы ставили целью в относительно короткий срок добиться роста капиталистических отношений в деревне, которому препятствовали помещичье землевладение, общинное землевладение и бедность крестьян.

Главной целью ставилось создание новой социальной опоры в деревне в лице деятельного, предприимчивого мужика-кулака, для чего вводилась частная собственность на бывшую наделную землю, разрушалась община, части крестьян предлагалось переселение на свободные земли в Сибирь, создавались условия для образования хуторов и отрубов. Необходимо было оторвать крепких хозяев от основной крестьянской массы, и уже к концу 1907 года часть крестьян стала выходить из общины на хутора и отруба.

В 1908 г. в с.Полянском было 50 дворов, в которых проживала 381 душа: 186 мужского и 195 женского пола. Из этого количества в 7 дворах 24 души земледелием не занимались (священно-церковнослужители). Безземельных крестьян в селе не было, для сравнения можно отметить, что в соседних деревнях Жеребцово, Анпилогово и Орехово (Пименово) было соответственно 3,3 и 11 безземельных крестьянских дворов.

В 16 крестьянских дворах (79 душ мужского пола) на 1 душу мужского пола приходилось менее 1 десятины земли, в восьми дворах (22 души мужского пола) от 3 до 5 десятин, в трех дворах (5 душ мужского пола) свыше 5 десятин на 1 душу мужского пола. Семь дворов арендовало 27,5 десятин наделной земли; в восьми крестьянских дворах, имеющих наделную землю, не было рабочих лошадей (в с.Орехове - в 16, в д.Жеребцово - в 36, в д.Анпилогово - в 26 дворах), в пяти дворах была одна лошадь, в 20 - 2 лошади, в 14 дворах - 3 лошади и в 3 дворах - свыше 3 рабочих лошадей.

Для семьи в 6 человек в черноземной полосе для обеспечения прожиточного минимума необходимо было 8,5 десятин пахотной земли, 1,5 десятин луга и 0,5 десятин огорода. Выделялись основные группы наделного землевладения: крестьянская беднота - до 15 десятин на двор, середняки - от 15 до 20 десятин, крестьянская буржуазия - свыше 20 десятин; для сведения концов с концами в земельном состоятельном хозяйстве нужны не менее 15 десятин (в них входили пашня, усадьба, пастбища и сенокосы).

с.Полянское. Амбар постройки до 1917 г.
Курский край. № 11-12 (74-75)
крестьянина Некрасова И.Ф. (фото 2002 г.)

На основе вышеприведенных данных можно заключить, что по меньшей мере 5 крестьянских хозяйств в с.Полянском к 1909 году можно отнести к зажиточным, кулацким, и около 30 дворов были бедняцкими. Так, в начале XX века в среде бывших извечных крепостных крестьян с. Полянского появились свои «богачи» - дети и внуки тех, кто когда-то сам гнул натруженную спину

на помещика. Пройдет совсем мало времени, и уже они станут принуждать к труду на своей земле подобных себе по происхождению односельчан, зачастую проявляя большее высокомерие и немилосердие, чем бывшие родовитые хозяева их. В самой крестьянской среде подспудно стали нарастать озлобленность и зависть к более удачливому и предприимчивому соседу, односельчанину. Тем, кто не один век был уравнен крепостнической нищетой, теперь внутренне, на уровне подсознания трудно было принять отсутствие уравниности в достатке. Бедного безжалостно ковырял один вопрос: как случилось, что такой же лапотник, как и он, с такими же правами, получил больше возможностей и сумел их реализовать? И зачастую каждый виноватил не себя, не свою житейскую нерасторопность, а корил несправедностью удачливого, сумевшего «пойти в хозяйственный рост». А иные по русскому обычаю и вовсе принимали бедность за образ жизни своей, прикрываясь неприятельностью, находя радость и утеху в общедоступном, или просто ударяясь в пьянство.

с. Полянское.
Дом постройки до 1917 г.
крестьянина Киреева И.В.
(фото 2002 г.)

с. Полянское.
Амбар постройки
до 1917 г. крестьянина
Киреева И.В.
(фото 2002 г.)

В этот же период начинают рушиться традиционные нравственные устои крестьянства, лживость и эгоизм становятся нормой. И уже в 1917 году, в канун октябрьского переворота, корреспондент губернской газеты восклицает: «Что слышишь и видишь теперь в деревнях? Везде отравление самих себя всевозможными суррогатами, пьяные бесчинства, грязь, лень невежество, обман, разврат, кулачное

право, кражи, погромы, пожары... Человеческие страсти вылились наружу».

Так устроено человеческое общество - духовное сближает, приводит к единению сердечному; материальное, наоборот, разобщает людей.

Однако следует отметить, что в годы столыпинских реформ мало крестьян с.Полянского выделилось, вышло из сельской общины. Возникли изменения другого рода. К северу от села бывшие помещичьи земли были заселены выходцами в основном из деревень Нартовой, Дрябловой и Анпилоговой, и получилось так, что д.Дряблово почти «срослась» в единое с Полянским, а к южной границе села «примкнул» вновь поселенный хутор Крестище, получивший название свое по названию того места, где он возник - месту скрещивания, пересечения дорог из д.Жеребцовой в с.Полянское и из села в г.Курск.

Первоначально на хуторе Крестище обосновался пришлый из других мест, предприимчивый и хозяйственный Синяков Василий Михайлович. Пахотной земли у него не было, а только 1,5 десятины усадебной, но зато он состоял владельцем Полянской водяной мельницы, бывшей помещичьей, с которой имел неплохой доход.

За двором Синякова возникли дворы крестьян, вышедших из общины д.Саморядовой: Переверзева Павла Григорьевича и Переверзева Козьмы Павловича, потом дворы крестьян д.Тутовой: Тутова Петра Стефановича, Федосова Якова Васильевича, Хардикова Тимофея Дмитриевича, и снова дворы бывших саморядовских крестьян - Захарова Григория Васильевича, Суворова Ивана Егоровича, Переверзева Николая Николаевича, Суворова Матвея Ивановича, и в завершение еще три двора крестьян из д.Тутовой и один из д.Жиляевой: Федосова Павла Афанасьевича, Хардикова Иосифа Кузьмича, Тутова Антона Савельевича и Яковлева Григория Михайловича. Итого к 1920 г. на хуторе Крестище было 14 крестьянских дворов. Как самостоятельная административная единица этот хутор просуществовал не более полувека, и уже к 70-м годам стал просто частью, южной окраиной с.Полянского.

В 1914 году прихожанами Воскресенской церкви, кроме жителей самого с.Полянского, были жители села Петровского (Жеребцово), сельца Анпилогово, деревень Нартовой, Саморядовой, Жиляевой, Касторной, хутора Дряблово и хутора Крестище. В этом году родилось 195 детей (105 мальчиков и 90 девочек), было венчано 23 пары брачующихся. Причем немало невест было взято «со стороны», например из слободы Стрелецкой, с.Маслова, с.Долженкова, с.Старкова, с.Болычева, деревень Дроняевой и Липиной.

Но и местными невестами была по-прежнему богата Полянская округа. 7 февраля 1914 года родной брат Полянского мельника Василия Михайлова Синякова, 26-летний Сергей, венчался первым браком с 22-летней девицей Анной, дочерью крестьянина х.Крестище Якова Васильева сына Федосова. Были в эти годы и пришлые женихи, в результате чего появились новые для Полянской округи фамилии. Например, в д.Жеребцовой (сельцо Петровское) обосновался крестьянин из с.Станового Тимского уезда Пимен Давыдов Фокин. Какими-то судьбами попал в эти места и агроном Курского уездного земства Николай Иванов Садковский, и 7 июня 1914 года в Воскресенской церкви стал восприемником при крещении (крестным отцом) новорожденного Тихона - сына Жеребцовского крестьянина Якова Алексея Борзыкина. В этой же деревне Жеребцовой поселяется крестьянин Сурмин Дмитрий Петрович. На северной окраине с.Полянского новым двором обосновывается жеребцовский крестьянин

Родион Фирсов Чекмарев с женой Евдокией Платоновой.

К 1914 году все состоятельные дворяне оставили свои поместья на попечение управляющих, а постоянно жить в приходе остались только мелкие, бедные представители этого сословия. Так, в 1916 году упомянуты по Воскресенской церкви дворяне: Стефан Яковлев Жилиев с женой Ираидой Сергеевой, дворянин Дмитрий Иванов Жилиев с женой Анной Дмитриевой и перешагнувшие 70-летний возрастной рубеж дворянин Иван Андреев Жилиев и его жена Мария Никанорова.

Дабы несколько оживить наше повествование и дополнить скудную информацию красками жизни, приведу пример происшествия, случившегося в 1907 году с вышеупомянутым дворянином Стефаном Яковлевым сыном Жилиевым. В сентябре этого года он за 80 рублей купил у крестьянина д. Нартовой Николая Николаевича Пучкова телку. В этом же месяце ее забил, а тушу сам вывез для продажи в г.Курск. «Предварительно привез ее «в мясной смотровой пункт для наложения клейма». В это время «к туше подошел неизвестный человек и заявил, что таковая есть украденная в его стаде корова, а себя назвал пастухом курского городского общественного стада, мещанином Прокофием Матвеевичем Мухановым». После чего объявившийся бдительный пастух обратился с доносом в полицию, и потомственный дворянин Стефан Жилиев был «посажен в камеру 1-й полицейской части, где и просидел в течение суток». За это время «мясо испортилось и потеряло цену».

Дворянин Жилиев обратился с прошением к «Его Высочайшему господину прокурору Курского окружного суда», в котором просил наказать за ложный донос пастуха общественного городского стада Муханова, который он совершил, «дабы оправдаться перед лицами, которых коровы пропали» по его вине. В доказательство своей правоты он просил допросить жителей: д.Нартовой - крестьянина Федора Федотова Шматова, д.Саморядовой - крестьянина Николая Никанорова Пучкова, д.Жилиевой - Ивана Федорова Катунина, и купца г.Курска Владимира Сергеева Короткова, которому была «предъявлена кожа ... телушки».

Интересно, что сам потомственный дворянин С.Я.Жилиев был абсолютно неграмотным, все прошение и даже росписи написаны доверенным лицом, неким писцом Бурц; так в документе и отмечено: «а за его неграмотного расписался Бурц».

Часто рассуждают о безнравственности нашего времени, утрате моральных принципов даже в семейных, родственных отношениях, наверно, это так. Но ведь возникло это не на пустом месте и след к истокам сегодняшней моральной распушенности тянется в далекое прошлое. И лжёт тот, кто говорит, что в прошлом всё было примерно, и лжёт, в лучшем случае, по незнанию своему, скудоумию обывательскому.

Приведу пример столетней давности из жизни всё тех же мелкопоместных дворян Жилиевых, иллюстрирующий нравы того времени и подтверждающий, что век тому назад страсти людские кипели не меньше, чем в современных многочисленных телесериалах.

В начале XX века в д.Жилиево проживал потомственный дворянин Сергей Андреевич Жилиев, имевший при этой деревне 35 десятин земли. В июне 1901 г. его жена, дворянка Мария Ивановна Жилиева обращается в суд и обвиняет мужа в прелюбодеянии. В те времена подтверждающее решение суда являлось законным основанием к разводу, с одновременным наложением церковного на-

казания на признанного судом виновным в прелюбодеянии.

Дворянка Мария Ивановна просила суд вызвать свидетелей: Федота Иванова Жилиева, Владимира Федотова Жилиева, Алексея Титова Жилиева, Афанасия Семенова Дронова, Леона Севостьянова Яковлева (все жители д. Жилиево), Федора Алексеева Горбулина, Ивана Ильина Долженкова (слобода Рашковская), Ивана Федотова Катунина и Афанасия Яковлева Катунина (жители д. Катуниной).

Первые три свидетеля должны были подтвердить, что муж состоял в «прелюбодейной связи» с крестьянкой Анной Мареевой Щедриной «ещё за семь лет до женитьбы ..., содержал её на отдельной квартире в д.Тутово, а потом перевёл в другую квартиру в д.Хардиково, сам её устраивал на обеих квартирах и постоянно заезжал к ней на ночевку совершенно открыто и свободно».

Остальные свидетели должны были удостоверить, «что означенная связь продолжалась и после брака... последние четыре года Щедрина помещена на квартиру деревни Рассыльной Рышковской волости, где муж ... ее постоянно навещал и откуда её увозил с собою в Курск в номера, что происходило даже в текущем 1901 г., а на страстной неделе этого же 1901 года открыто взял её к себе в дом в виде кухарки. Кроме того, свидетель Л.С.Яковлев сам по приказу мужа возил в Курск Щедрину в номера для мужа».

Однако, суд дворянке Жилиевой в вызове свидетеля отказал «за пропуском семидневного срока». Она жалуется в Харьковскую судебную палату: «В самом начале процесса ... лишена возможности доказать». Жалуется, что муж выгнал «вон из дома» её вместе с дочерью Александрой, «выбросил всё ... имущество, принадлежавшее ей, просит взыскать с него на содержание дочери 3600 рублей».

В свою очередь, её муж, Сергей Андреевич, зовет в свидетели дворян: Алексея Титова Жилиева, Дмитрия Иванова Жилиева, крестьянина Алексея Ходыревского и ранее упомянутых Леона Яковлева, Ивана и Афанасия Катуниных. Всех свидетелей по просьбе Марии Ивановны допрашивали под присягой.

Обвиняемый, в свою очередь, показал, что жена «рассорилась» с ним и ушла в свой дом в д.Потапову. Признал, что живет с кухаркой, но в «любовной связи не состоял и не состоит... (она) выполняет лишь черную работу кухарки, ночует на кухне». Свидетели подтвердили, что «подсудимый отделив свой дом, посылал 2 раза за супругой, приглашая её жить вместе с ним, но она не поехала». Свидетель А.А.Ходыревский из д.Потаповой Старковской волости «видел, как жена выбрасывала вещи мужа из окна и кричала вон из дому».

По итогам судебных заседаний Курский Окружной суд определил дворянина С.А.Жилиева «признать по настоящему делу оправданным по суду», и «оставить без рассмотрения гражданский иск на 3600 рублей».

Интересна в этом деле и одна маленькая подробность: обвиняемому в прелюбодеянии дворянину Жилиеву в тот период было уже 62 года. Воистину говорят: «Седина в бороду, бес в ребро».

Всё повторяется в мире земном, поколения сменяют одно другое, и лишь людские первородные страсти неизменны, обречённо преследуют они человечество на протяжении всей его истории. И только неустанные труд и духовное воспитание способны укротить их, но лишь на время, до первого послабления воли и только в пределах одной конкретной жизни. Посмотрим на сегодняшнюю жизнь, на себя, на окружающих и во всем найдем доказательство сказан-

ному.

В начале XX века по-прежнему высокой оставалась смертность крестьянского населения. Так, в 1914 году в приходе Воскресенской церкви с.Полянского умерло и было погребено на прицерковном кладбище 110 человек, причём только 23 человека из них старше 60 лет и 62 младенца в возрасте до 1-го года. В этом году в августе умер 77-летний крестьянин с.Полянского Роман Козьмин Козлов и в сентябре 71-летний Семён Федотов Некрасов, а еще прежде этого, «от старости», в марте месяце умерла 85-летняя вдова Параскева Филиппова Некрасова.

В 1916 году умерло 123 человека, в том числе 79 младенцев в возрасте до 5-ти лет и 17 человек в возрасте 60 и старше лет. Умерли: от «кашля», «водяной болезни», «головной боли», «слабости», чахотки, дифтерита, тифа, кори. Всего от дифтерита в этом году в полянской оруге умерло 36 человек. Заболевание возникло с конца апреля и продолжалось вплоть до Рождества следующего 1917 года. В самом с.Полянском от дифтерита умерли: 7 мая 4-летний Иоким - сын крестьянина Дмитрия Иванова Абросимова; 15 июля 10-летний Петр - сын крестьянина Ивана Никанорова Белева; 8 августа 3-летний младенец Трофим - сын крестьянина Якова Никифорова Киреева; 21 августа 7-летний младенец Козьма - сын крестьянина Андрея Иванова Козлова; 1 сентября 6-летняя Клеопатра - дочь крестьянина Михаила Иванова Козлова; 6 сентября 2-летняя Таисия - дочь крестьянина Михаила Михайлова Логвинова; 17 сентября 12-летний отрок Иоан - сын крестьянина Андрея Романова Козлова; 3 октября младенец Мария 7 лет - дочь крестьянина Алексея Леонтьева Киреева; 10 ноября 9-летняя отроковица Фёкла - дочь крестьянина Фёдора Лукина Козлова. И это умершие от дифтерита только в одном с. Полянском. В этом же 1916 году в с.Полянском умерли от тифа: 45-летний крестьянин Никанор Васильев Афанасьев и 73-х летний крестьянин Фёдор Козьмин Белёв.

Двадцатый век, несмотря на все надежды и стремления не принёс облегчения крестьянству, голод и болезни по-прежнему неизменно сопутствовали ему, а в скором будущем надвигались еще более страшные жизненные испытания.

В роковом 1917 году в с. Полянское при церкви было три двора духовных лиц, вместе со всеми членами семей в них проживало 9 душ. Население крестьянского сословия: в 38 дворах было 295 душ, в том числе 141 мужского и 154 женского пола. Всего в приходе Воскресенской церкви с.Полянского в этом году насчитывалось 500 дворов и 3677 душ православных жителей, в том числе 1839 мужского и 1838 женского пола. Самыми крупными по числу жителей в приходе были деревни Жеребцово и Анпилогово: 137 дворов, 941 житель и 118 дворов 837 жителей соответственно. Дворян в приходе было 41 душа (мелкопоместные дворяне). Раскольников, сектантов, евреев, магометан не было.

К 1921 году представителей дворянского сословия в приходе почти не осталось. По-прежнему в селе имелось три двора духовных лиц, но самих их с членами семей было уже 12 душ. Крестьянских дворов 557, жителей 3832 души, в том числе 1911 мужского и 1921 женского пола. За 4-х летний период прирост крестьянского населения составил 155 душ, в том числе 72 мужского и 83 женского пола.

Воскресенская церковь села Полянского была побогаче своих соседок: однопредстольной деревянной Введенской церкви села Орехова (ныне с.Пименово), в приходе которой были деревни Ванино, Хардиково и Тутово с

244 крестьянскими дворами, 1998 жителями и 72 десятинами церковной земли, и Дмитриевской деревянной церкви села Жердева, в приходе которой кроме самого села было всего две деревни: большое и малое Лукино, 129 крестьянских дворов и 1024 жителя, церковной земли 69 десятин.

Церкви с.Полянского, принадлежало 78 десятин земли, большей частью еще стародавней, писцовой. Это немало, если учесть, что у большинства сельских церквей Курского уезда было в среднем около 30 десятин земли.

Земля находилась «в беспорном владении причта», - на нее имелись план и межевая книга, хранившиеся в церковном архиве. «Из вышеозначенной земли, 22 десятины в общем владении Косиновской пустоши и на означенную землю имеется план. Качество земли среднее и 22 десятины ниже среднего».

В 1917 году средний доход от земли составил 375 рублей. Земля Косиновской пустоши (22 десятины) находилась в 6-ти верстах к северу от с.Полянского, а остальная (56 десятин) «при церкви». Сенокосов не было, часть луговой («попов луг») использовалась под посадки овощей, а часть - для выпаса скота.

До революции какая-то сумма церковных денег церкви с.Полянского была размещена в банках, «доходы с капитала в 100 руб., положенного на вечное время» составляли 5 руб.

По законам и сложившимся традициям Православной церкви, вопросами сбора денежных средств, их хранения и использования, должен заниматься церковный староста. На должность эту избирался прихожанами храма, а затем духовным руководством утверждался (с публикацией в Епархиальных ведомостях) самый достойный, имеющий притом хозяйственную практичность и сноровку.

Все церковные старосты Воскресенской церкви, за малым исключением, начиная с середины XIX века были из полянских крестьян.

По истечению трехлетия службы церковного старосты, настоятель (священник) храма, как главное лицо в причте заблаговременно назначал день выбора нового старосты. На выборы приглашались Благочинный, причт и все прихожане.

Перечислим известных церковных старост Воскресенского храма: в 1888 году избран крестьянин Павел Марков; в 1900 году крестьянин Дмитрий Семёнов Суворов; в 1906 году утверждён в должности церковного старосты крестьянин Георгий Стариков. В период с 1912 года по 1916 годы церковным старостой был Семён Яковлевич Киреев. В его бытность ежегодный церковный доход составлял от 700 до 850 рублей. С 1917 по 1921 год, повторно был утверждён крестьянин Георгий Филиппович Стариков. В этот период старосты выбирались уже на пятилетие. При Г.Ф.Старикове первые три года дохода совсем не было, затем в 1920 г. - 800 рублей и в 1921 г. - 3200 рублей. С 1922 г. должность церковного старосты принял крестьянин Фёдор Лукьянович Козлов. В его период ежегодные церковные доходы сократились до 300-400 рублей, а в последующие годы их не стало вовсе.

Любой храм, существует, прежде всего, на пожертвования граждан и прихожан его, в частности, это основная его статья дохода, основной источник материального обеспечения. Из него, на протяжении многих лет, в конечном итоге, складывается церковное благосостояние, о котором может рассказать внешний вид и внутреннее убранство церкви. Если есть община верующих и им ну-

жен храм, то они изыскивают средства, строят его, и в дальнейшем содержат в надлежащем, приличествующем для храма Божьего виде. Сюда же включается и содержание священно-церковнослужителей этой церкви. Такова естественная логическая последовательность, в которой должен принимать посильное участие каждый верующий. Если же последовательность эта нарушается и инициатива и стремление по надлежащему содержанию церкви исходит не снизу - от прихожан, а сверху - от светских и духовных властей, то неизменно возникают многие проблемы, для решения которых приходится привлекать иные источники получения средств и доходов. И может случиться так, что церковь, утратившая обратную духовную связь с приходом, окончательно потерявшая «родных» прихожан, в конечном итоге превращается в памятник.

Одним из дополнительных источников дохода для церкви были причтовые церковные земли, как отмечалось выше, таких земель при Воскресенской церкви с.Полянского было 78 десятин. Одновременно эти земли были испытанно-верным источником содержания деревенского, сельского духовенства.

Церковные, поповские доходы всегда смущали окружающее общество и практически во все времена в нем (в обществе) возникало стремление посчитать их (доходы), ограничить, привести к оптимальным или даже просто вовсе отобрать. Впервые проявил характер в этом деле Пётр I. В 1710 году по церкви с.Жердева была такая арифметика: «В нём (в селе) церковь во имя Великому-челенника Дмитрия Солунского чудотворца, той церкви данные 20 алтын да 2 гривна, да десятинный доход 10 алтын, казённых пошлин 3 алтына... попам 4-ре алтына, в домовый архиерейский доход 15 алтын».

Приход был низшей церковной организацией во времена духовного правления (до 1861 года). В нём должно было быть не менее 700 душ мужского пола.

Основная функция церкви - проповедь христианской православной религии среди прихожан, исполнение всех церковных праздников и обрядов, регистрация браков, рождений и смертей (до 1918 г.) Всё это уже выполнялось силами священно-церковнослужителей и требовало от них затраты многих сил и здоровья, к тому же ещё они должны были кормить и содержать свои семьи. Проблема материальных средств для духовных лиц всегда была острой. Духовенство вынуждено было брать (драть) с живого и мёртвого. «Положение же сельского духовенства отягчается ещё и тем, что брать оно вынуждено с народа малоразвитого, в большинстве забитого нуждою и бедностью, на отбытие всяких податей и повинностей дающего всё, что можно дать... и юридически, и нравственно - обязано оно во всех многообразных случаях довольствоваться тем, что дают за труд его. Иначе - угроза доноса или самый донос в вымогательстве. Создаётся такое положение, что нередко и служба, и жизнь становится прямо невыносимые».

В 1906 г. Курский священник Н.Платонов выступая перед духовенством говорил: «Провожая своего сына на священнический подвиг, я не стал бы и не мог бы скрывать от него горькой истины и сказал бы ему: дорогое дитяtko, пред тобою великое дело, соверши его и ты за него на небе получишь великую награду, но знай здесь, на земле перенесешь ты много унижений, горя и вместо награды, тебя назовут, быть может, чудовищем, с руками загребущими и с глазами завидующими, как еще в древних народных былинах называли твоих предков. И если он все таки решиться надеть на себя рясу, то надеюсь сделает для святой церкви в 10 раз более чем любой из нас, не готовившийся ни к каким

особенным подвигам и теперь уже не способный к ним».

В простом народе как-то исподволь формировалось и утверждалось, порой не без основания, а с началом XX века уже активно «подогревалось», мнение что попы «деспоты, корыстолюбцы» утаивающие чужие копейки, открыто обделяющие народ. Идти дальше в обвинениях было некуда.

Курский священник А.Козлов в 1906 году рассказывал о том, как встретил знакомого крестьянина, завел разговор с ним, «на вопрос, как поживает их батюшка, последовал ответ:

- Ничего порядочно деньжонок зарабатывает!
- Как так?
- Да народу много у нас помирает - сказывают, тиф в нашем селе ходит».

В 1908 году другой священник размышлял: «Наше время характерно оскудением веры, бедно людьми и чистыми стремлениями. Мало и среди нашего духовенства людей с светлыми стремлениями с идеальными побуждениями, размениваемся и мы на гроши ... мамона и нас заедает, и нас забирает в свои цепкие руки и заставляет работать на нее, надо сознаться, что мы стали забывать о небе и думать только о земле».

Задерживаю внимание на подобных примерах и высказываниях дабы подчеркнуть что корни будущего массового неверия уходят гораздо глубже времен революционного безумства, и семя этого великого неверия было брошено уже в подготовленную, возделанную почву. Эти же примеры будут нам в помощь для понимания дальнейших событий произошедших в с.Полянском и его округе.

С упадком веры на Руси «мало стало благотворителей и благоукрасителей храмов Божиих, и многие древние храмы теперь не поражают нас своим благолепием, каким восхищались наши предки».

«Величественный Воскресенский храм села Полянского год тому назад (1909 г.) производил тяжелое впечатление. Но в прошлом году (1910г.) в нем от неосторожности сгорел жертвенник. Этот несчастный случай помог прихожанам с.Полянского сплотиться и по зову своего пастыря Иоанна Иванова, заново отремонтировать иконостасы, весь храм внутри и сделать новый жертвенник, который 4 февраля 1911 г. и был освещен благочинным священником Ф. Богословским с четырьмя священниками. Торжественное служение, пение двух хоров церковно - приходской школы села Нижне-Гуторово и местного, масса и из других приходов крестьян, которые не могли все поместиться в храме. Те же, которые были в храме, с особым удовольствием обзоредали обновленный храм и с благоговением возносили свои молитвы. После заамвонной молитвы местным священником было произнесено слово о том, какое значение имеет храм для христиан и какие обязанности вытекают из понятия о храме по отношению к верующим. Перед молебным пением о. Богословским было произнесено слово вообще о значении храма и высказана была благодарность всем благотворителям и благоукрасителям храма, способствующим словом и делом обновлению Воскресенского храма с.Полянского.

Торжество закончилось скромной трапезой, за которую представители прихода делились впечатлением по поводу обновления храма со священно-церковнослужителями. Последние высказали свое пожелание прихожанам с.Полянского, чтобы обновленный Воскресенский храм был предметом постоянных забот прихожан и самым любимым их местом посещения»

1910 год был в 200-летней истории Воскресенской церкви последним го-

дом, когда прихожане позаботились о благолепии и обновлении его. Всеобщее внимание к нему и февральская, торжественная служба 1911 г. были словно бы последней вспышкой света перед наступлением полной тьмы и забвения.

«По убогой, запущенной церкви ходит священник. Кадит и поёт: «Хвалите имя Господне, хвалите рабы Господа»... Поёт и кадит, а рабов-то и нет: в церкви пусто...».

СПИСОК ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Из фондов Государственного архива Курской области (ГАКО)

1. ГАКО. Ф. № 1, ОП. № 1, д. № 10036. 1906, л. 7, 8, 18, 61, 82.
2. ГАКО. Ф. № 1, ОП. № 1, д. № 8411. 1913.
3. ГАКО. Ф. № 20, ОП. № 2, д. № 656. 1919.
4. ГАКО. Ф. № 20, ОП. № 3, д. № 149. 1915.
5. ГАКО. Ф. № 26, ОП. № 1, д. № 134. 1792.
6. ГАКО. Ф. № 26, ОП. № 1, д. № 221. 1795.
7. ГАКО. Ф. № 32, ОП. № 1, д. № 5581. 1901.
8. ГАКО. Ф. № 32, ОП. № 1, д. № 8281. 1907.
9. ГАКО. Ф. № 58, ОП. № 1, д. № 141. 1844.
10. ГАКО. Ф. № 58, ОП. № 2, д. № 141. 1844-1877.
11. ГАКО. Ф. № 58, ОП. № 2, д. № 14.
12. ГАКО. Ф. № 58, ОП. № 1, д. № 169.
13. ГАКО. Ф. № 58, ОП. № 1, д. № 484. 1858.
14. ГАКО. Ф. № 59, ОП. № 1, д. № 1931. 1786, л. 54.
15. ГАКО. Ф. № 59, ОП. № 1, д. № 2113. 1787, л. 31, 35, 47.
16. ГАКО. Ф. № 59, ОП. № 1, д. № 2119. 1787, л. 21.
17. ГАКО. Ф. № 68, ОП. № 1, д. № 258. 1862.
18. ГАКО. Ф. № 68, ОП. № 3, д. № 1621. 1862.
19. ГАКО. Ф. № 68, ОП. № 3, д. № 2210. 1862.
20. ГАКО. Ф. № 114, ОП. № 6, д. № 62. 1784.
21. ГАКО. Ф. № 184, ОП. № 4, д. № 2. 1710.
22. ГАКО. Ф. № 184, ОП. № 4, д. № 12. 1710, л. 318, 322.
23. ГАКО. Ф. № 184, ОП. № 4, д. № 14. 1710, л. 57, 97, 104, 105, 106, 107, 108.
24. ГАКО. Ф. № 184, ОП. № 2, д. № 1. 1719, л. 151-177.
25. ГАКО. Ф. № 184, ОП. № 2, д. № 107. 1782, л. 1236, 1238, 1269.
26. ГАКО. Ф. № 184, ОП. № 2, д. № 300. 1795.
27. ГАКО. Ф. № 184, ОП. № 2, д. № 32. 1762.
28. ГАКО. Ф. № 184, ОП. № 2, д. № 301. 1811.
29. ГАКО. Ф. № 184, ОП. № 2, д. № 302. 1811.
30. ГАКО. Ф. № 184, ОП. № 2, д. № 304. 1811.
31. ГАКО. Ф. № 184, ОП. № 2, д. № 358. 1811.
32. ГАКО. Ф. № 184, ОП. № 2, д. № 534. 1834.
33. ГАКО. Ф. № 184, ОП. № 2, д. № 535. 1834, л. 435, 470-480.
34. ГАКО. Ф. № 184, ОП. № 2, д. № 994. 12858, л. 321, 327, 455, 462, 467, 482-489.
35. ГАКО. Ф. № 184, ОП. № 1, д. № 4642. 1872, л. 166.
36. ГАКО. Ф. № 184, ОП. № 1, д. № 4657. 1872, л. 352, 353.
37. ГАКО. Ф. № 184, ОП. № 1, д. № 4670. 1872, л. 195.
38. ГАКО. Ф. № 184, ОП. № 1, д. № 10812. 1906, л. 2, 3.
39. ГАКО. Ф. № 184, ОП. № 1, д. № 11135, л. 24, 56, 84.
40. ГАКО. Ф. № 217, ОП. № 1, д. № 1123. 1838-1841.

41. ГАКО. Ф. № 217, ОП. № 3, д. № 64. 1882, л. 358.
42. ГАКО. Ф. № 217, ОП. № 3, д. № 65. 1883, л. 143.
43. ГАКО. Ф. № 217, ОП. № 3, д. № 79. 1890, л. 1067.
44. ГАКО. Ф. № 217, ОП. № 3, д. № 549. 1900-1904.
45. ГАКО. Ф. № 217, ОП. № 3, д. № 550. 1905-1907, 1909.
46. ГАКО. Ф. № 217, ОП. № 3, д. № 551. 1910, 1912.
47. ГАКО. Ф. № 217, ОП. № 3, д. № 552. 1914, 1916.
48. ГАКО. Ф. № 239, ОП. № 1, д. № 21. 1895, л. 286, 327.
49. ГАКО. Ф. № 239, ОП. № 1, д. № 24. 1895, л. 52.
50. ГАКО. Ф. № 239, ОП. № 1, д. № 27. 1899, л. 53.
51. ГАКО. Ф. № 294, ОП. № 1, д. № 1014. 1794.
52. ГАКО. Ф. № 483, ОП. № 1, д. № 10. 1917.
53. ГАКО. Ф. № 1555, ОП. № 1, д. № 160. 1695.
54. ГАКО. Ф. № 1555, ОП. № 1, д. № 168. 1695.
55. ГАКО. Ф. № 1555, ОП. № 1, д. № 8. 1693.
56. ГАКО. Ф. № 1555, ОП. № 1, д. № 20. 1736.
57. ГАКО. Ф. № 1555, ОП. № 1, д. № 22. 1746.
58. ГАКО. Ф. № 1555, ОП. № 1, д. № 23. 1746.
59. ГАКО. Ф. № 1555, ОП. № 1, д. № 26. 1756.
60. ГАКО. Ф. № 1555, ОП. № 1, д. № 28. 1759.
61. ГАКО. Ф. № 1555, ОП. № 1, д. № 34. 1774.
62. ГАКО. Ф. № 1555, ОП. № 1, д. № 35.
63. ГАКО. Ф. № 1642, ОП. № 2, д. № 72. 1905.
64. ГАКО. Ф. № 1642, ОП. № 2, д. № 179. 1907.
65. ГАКО. Ф. № 1669, ОП. № 1, д. № 2.
66. ГАКО. Ф. № 1669, ОП. № 1, д. № 11. 1779, л. 21.
67. ГАКО. Ф. № 1669, ОП. № 1, д. № 12. 1779.
68. ГАКО. Ф. № 1669, ОП. № 1, д. № 31. 1791.
69. ГАКО. Ф. № 1669, ОП. № 1, д. № 40.
70. ГАКО. Ф. № 1669, ОП. № 1, д. № 69.

Материалы из Курских губернских ведомостей
(КГВ)

71. ГАКО. КГВ. 1846. № 27.
72. ГАКО. КГВ. 1848. № 19.
73. ГАКО. КГВ. 1850. № 4, № 9.
74. ГАКО. КГВ. 1902. № 1, 2, 3, 24, 32, 35.

Материалы из Курских Епархиальных ведомостей
(КЕВ)

75. ГАКО. КЕВ. 1871. № 7.
76. ГАКО. КЕВ. 1873. № 10, л. 524, № 5, л. 697-703.
77. ГАКО. КЕВ. 1876. № 2, л. 195, № 5, л. 310.
78. ГАКО. КЕВ. 1880. № 17, л. 864.
79. ГАКО. КЕВ. 1885. № 3, л. 138, № 8.
80. ГАКО. КЕВ. 1886. № 5, л. 247.
81. ГАКО. КЕВ. 1887. № 1, л. 49, № 14, л. 598, № 17, л. 842, № 20, л. 1026.
82. ГАКО. КЕВ. 1888. № 7, № 9, л. 119, № 32, л. 612.
83. ГАКО. КЕВ. 1889. № 39, л. 470.
84. ГАКО. КЕВ. 1890. № 27, л. 327, № 46, л. 586, № 47, л. 322, 385.
85. ГАКО. КЕВ. 1893. № 1, № 11, л. 151, № 34, л. 562.
86. ГАКО. КЕВ. 1894. № 1, л. 79.
87. ГАКО. КЕВ. 1895. № 1, № 7, № 13, № 41, № 42, л. 577, № 44, л. 638.
88. ГАКО. КЕВ. 1896. № 38, № 40, л. 827, 829.
89. ГАКО. КЕВ. 1897. № 17, № 20, № 22, № 28, № 46.
90. ГАКО. КЕВ. 1898. № 5, № 11.

91. ГАКО. КЕВ. 1890. № 20, № 48.
92. ГАКО. КЕВ. 1905. № 5, № 22.
93. ГАКО. КЕВ. 1906. № 1, № 2, № 5, л. 57, 81, № 8, л. 81, № 14.
94. ГАКО. КЕВ. 1907. № 12, № 14.
95. ГАКО. КЕВ. 1909. № 30, л. 622-628, № 31, л. 634-638.
96. ГАКО. КЕВ. 1910. № 12, л. 124, № 15, № 10, л. 235, 236.
97. ГАКО. КЕВ. 1913. № 14, № 15.

98. ГАКО. Крестьянское землевладение, Курский уезд. СПб., 1908. № 616, К617, 618.

Из фондов Курского областного краеведческого музея (КОКМ)

1. КОКМ. Материалы к истории рода дворян Аннековых. Извлечение из 111 книги Трудов Пензенской учёной архивной комиссии. № 3365.
2. КОКМ. Описание Курской округи по 4-й ревизии. № 264 (1)-н/а.
3. КОКМ. Зубов А.Н., губернатор. Описание курской губернии. 1784. № 263-1-н/а.
4. КОКМ. Башилов И. Описание курского наместничества, вообще и порознь: всякого города и уезда, с планами городам и картами уездам, сочиненное в 1785 году Курским губернским землемером, поручиком Иваном Башиловым. № 2- н/а.
5. КОКМ. Ларионов С. Описание Курского наместничества. 1786. № 11367.
6. КОКМ. Танков А.А. Историческая летопись Курского дворянства. М., 1913. № 44555.
7. КОКМ. Список чинам гражданского, военного и духовного звания Курской губернии. Курск. 1898. № 48194/24.
8. КОКМ. Сведения о помещичьих имениях. Т-1. 1860. № 44533.
9. КОКМ. Планы городам и карты уездам Курской губернии. 1846. № 41449/23.
10. КОКМ. Сборник статистических сведений по курской губернии. Курский уезд. 1883.
11. КОКМ. Краткое описание Курской губернии. Харьков, 1903. № 44555/122.
12. КОКМ. Отчет о большом манёвре в курской губернии в высочайшем присутствии в 1902 году. Южная армия. Киев, 1903.
13. КОКМ. Статистика землевладения 1905 год. Вып. № 34. Курская губерния. СПб, 1906. № 48233/30.
14. КОКМ. Материалы по оценке недвижимого имущества Курской губернии. Курск, 1907. № 41563/37.
15. КОКМ. Адрес-календарь и памятная книжка Курской губернии на:
 - 1889. № 41564/2.
 - 1892. № 41564/4.
 - 1893. № 41564/2.
 - 1894. № 41564/7.
 - 1911. № 41564/8.
 - 1912. № 41564/9.
 - 1914. № 41564/11.
16. КОКМ. Курский сборник.
Выпуск № 5. 1907. № 41564/22.
Выпуск № 6. 1907. № 41564/23.
17. КОКМ. Златоверхников Н.И. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности курской губернии. Курск, 1902. № 48190/128.

Из фондов Курской областной научной библиотеки имени Асеева

1. Журналы заседания чрезвычайного Курского уездного земского собрания. 11 август 1891. № 508648.
2. Журналы заседания чрезвычайного Курского уездного земского собрания. 16 январь 1896. № 508707.

3. Журналы очередного заседания Курского уездного земского собрания. 1909.

4. Журналы очередного заседания Курского уездного земского собрания. 28 сентябрь 1871. № 50008.
5. Отчет Курского Дворянского депутатского собрания. 1909. № 717544.
6. Сборник статистических сведений по Курской губернии за 1882. М., 1883. № 393635.
7. Лаппо Ф.И. Дневник помещика И.П. Анненкова. Документы по истории XVIII века. Т-5. М., 1957. с. 659-926.
8. Самоквасов Д. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908.
9. Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Выпуск № 1-2, 1911. Каншин В.П., с. 117-119.
10. Бугров Ю.А. История Курской епархии. Курск, 2003.
11. Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива. Выпуск № 2. 1915.
12. Снеессорева С. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание Святых чудотворных Её икон... Ярославль, 2003.
13. Закон Божий. Репринтное воспроизведение издания. Книга 1. Волгоград, 1956.
14. Аксаков С.Т. Семейная хроника. Детские годы. Воспоминания. Ленинград, 1984.
15. Полевой Н.А. Избранные произведения и письма. Ленинград, 1986. 580 с.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка. Т.: 3,4. Москва, 1994.
17. Поссевино, Антонио. Исторические сочинения о России XVI в. Москва, 1983. 271 с.
18. Александров-Липкинг Ю.А. Далёкое прошлое соловьиного края. Воронеж, 1971. 157 с.
19. Холодова Е.В. Усадьбы Курской губернии. Курск, 1997. 96 с.
20. Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю. и др. История изучения Курских древностей. Курский край. Т.5. Курск, 2000. 392 с.
21. Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Дневник. Москва, 1998.
22. Тихонов М.Н. Россия в XVI столетии. Москва, 1984.

Другие источники

1. Кашкин А.В. Археологическая карта России: Курская область. Часть 1. Институт археологии РАН. – 2000.
2. Документальные материалы из семейного архива Соколовского Л.Б.
3. Сообщения жителей с.Полянского: Киреева И.И., Киреева Н.И., Некрасова П.Н., Перверзева Н.И., Тюленевой А.П.; д.Жеребцово: Никитина Н.И., Борзыкина М.А., Банникова И.С.; д.Большое Лукино: Лукиной М.И.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора	3
Вместо предисловия	5
Из самого древнего	6
18 век. Люди и судьбы	20
- Дворянский паралипоменон	20
- Крепостной паралипоменон	26
- Жизнь - как она была	31
- Воскресенского храма священно-церковнослужители	34
19 век. Ещё сто лет с шестью императорами	38
- Жители с. Полянского 1811 г. Последние из местных Анненковых. Денисьев Н.А.	38
- Жители с. Полянского 1834 г.	42
- Духовные люди с. Полянского	45
- Помещица Звягинцева К.П. Жители с. Полянского 1858 г. Отмена рабства	47
- Уклад жизни. Новые помещики. Образование... ..	55
20 век	71
- Война, которой не было	71
- О том, как легко ненавидеть	75
- Реальность и надежды	85
Список документальных материалов и литературы	96

Сдано в набор 25.10.2005 г. Подписано в печать 14.11.2005 г.
Формат 60х84 1/16. Бумага Lomond. Объем 6,25 усл. печ. л.
Тираж 100 экз. Заказ № 194.

Издательство: МУ «Издательский центр «ЮМЭКС»
ИД № 04804 от 21.05.2001 г.

Отпечатано: ПБОЮЛ Киселева О.В.
ОГРН 304463202600213